

Егор Золотарев

ПАУК

СМЕРТЬ ВРАГАМ!

Уснул во дворце наследником престола, а проснулся нищим в глухой деревне. Мой дядя-император превратился в немощного старика, а мать — в сиделку... и они ведут себя так, будто мы жили здесь всегда. А где мои силы? Я же Паук, самый сильный маг и защитник империи! Но те, кто провернул все это, не учли, что Пауку всё равно из чего тянуть энергию...

Глава 1

Вдохнул полной грудью и отметил, что воздух теплый и пахнет булочками. Вокруг чувствовалась знакомая энергия моей семьи.

«Неужели Клавдий принес мне завтрак в постель. Я ведь не просил», — успел подумать я, прежде чем открыл глаза и чуть не вскрикнул от неожиданности.

Я был не в своих дворцовых покоях, а в незнакомом месте. Это была комнатка с низким потолком, двумя кроватями, печкой в углу и большим сундуком у окна.

— Не понял, — недоуменно произнес я и откинул одеяло.

Еще одна неожиданность: обычно я спал в шелковой пижаме с вышитым гербом на груди, сейчас же на мне были белая рубаша и кальсоны из грубой ткани.

— Что за хрень?

Тут на соседней кровати кто-то пошевелился и из-под одеяла показалось сонное лицо моего младшего брата.

— Миха, где мы?

— В смысле? — не понял он и с наслаждением потянулся.

— Что это за дом? Как я сюда попал? Это ты меня притащил? — напустился я на Мihu, но тот посмотрел на меня, как на умалишенного и ответил:

— Мы дома. Ты сам лег в кровать... Что не так?

Я помотал головой и потер глаза, пытаюсь смахнуть наваждение, но ничего не поменялось.

— Слышь, Мих, это уже не смешно. Два последних дня были очень напряжённые, поэтому я просто хочу отдохнуть и выспаться... Куда ты меня приволок?

— Макс, я не знаю, о чем ты говоришь. Мы вчера были на ярмарке, продали трех бычков и выпили не меньше бочонка пива. Может, ты траванулся... или головой стукнулся?

Я пристально всматривался в лицо брата, но тот был серьезен и даже немного обеспокоен.

— Как меня зовут? — процедил сквозь зубы, хотя сам прекрасно помнил свое имя, но все же решил проверить, туда ли я попал.

— Макс Богословский.

— Правильно, — почесал я затылок и подошел к окну.

Во дворе сновали куры, две дородные бабы тащили за уши хряка, неподалеку стоял мужик с косой в руках и в лаптях. Такого быть не могло! Крепостное право отменили давным-давно, лапти пропали из обихода, подсобное хозяйство ушло в небытие. В моем мире все жили в городах, а питались тем, что делают заводы и выращивают сельхозпредприятия.

— Михаил, если ты сейчас же не признаешься, что это все шутка, я не знаю, что с тобой сделаю, — грозно сказал я и двинулся на брата.

Тот бодро вскочил на ноги и, прикрываясь подушкой, попятился к двери. На его лице не было улыбки, а в глазах не прыгали искорки веселья. Наоборот, он был очень обеспокоен и даже напуган.

— Остынь, брат. Тебе, наверное, что-то приснилось, и ты еще не пришел в себя. Пошел бы умылся, а.

— Хорошо, — примирительно сказал я и поднял руки. — Я пройду. Дам тебе

возможность подумать о своем поведении, весельчак. Но когда вернусь, то хочу услышать правду. Ясно?!

Резко открыв дверь, я вышел в небольшой коридор, в конце которого была лестница на первый этаж. Когда проходил возле соседней двери, то увидел старика на кровати. Я опрометью бросился в комнату и ошарашенно уставился на него.

— Не может быть... Дядя? — передо мной лежал император Александр. Только сильно похудевший и постаревший.

Старик открыл глаза, слабо улыбнулся и кивнул:

— Максимка, доброе утро. Как вчера на ярмарку съездили? Не продешевили за бычков? Я ждал-ждал вашего с Михей возвращения, но не выдержал и заснул.

Сзади послышался шорох и в дверном проеме показалась женщина с подносом в руках, на котором дымилась большая тарелка с кашей.

— Мама? — еле слышно произнес я, пристально вглядываясь в ее лицо.

Из властной статной женщины она превратилась в деревенскую простушку с тонкой косой, излишком веса и глубокими морщинами, избороздившими лоб. Она погладила меня по плечу, села рядом с дядей и принялась кормить его из ложки. Я попятился к двери, не в силах осознать, что происходит.

Кстати, меня зовут Макс Богословский. Я — племянник императора Александра и самый сильный маг рода Богословских. Враги шепотом и с дрожью в голосе передавали друг другу, что я — Паук, а это Высшая категория магов Вселенной. Кроме своего источника магии, я умею забирать чужие силы, переплетать их в паутину и возвращать владельцам в виде смертельного заклинания.

У моего дяди нет детей, поэтому после его смерти на трон сяду я. Хотя, исходя из того, что мы живем долго, примерно до трехсот лет, то до трона мне надо ждать еще целое столетие.

Все враги повержены, все соседи стали друзьями, со всеми бедами и напастями успешно справляемся, поэтому мне скучно. Неимоверно скучно! Было... Пока я не обнаружил в тайнике прошлого императора артефакт, позволяющий перемещаться в будущее и проживать жизнь в теле другого человека. Кроме того, после каждого перемещения я заметил, что прокачиваются навыки меня, как Паука. Как только я достиг Высшей категории, то мог создавать лишь три вида паутины: смертельную, удушающую и ядовитую. Но сейчас в моем арсенале есть кислотно-жгучая, паутина-лассо, огненная, водяная и другие. Правда, не осталось врагов, на которых можно их применить.

Жизнь богатых людей мне понятна и привычна, поэтому я выбираю тех, от которых очень далек. Я был штангистом, трактористом, учителем, художником, пожарным и еще много кем. Это очень интересно! Каждый раз я узнаю так много нового, что потом часами досаждаю домашних рассказами о прожитой жизни. Но жизнь, в которой был только что, мне не понравилась, поэтому я вернулся намного раньше, чем обычно. А тут такое...

«Я — наследник престола. Мой дядя — император. Моя мать — родная сестра императора, а не сиделка. Мы живем во дворце, а не в доме», — как мантру повторял я про себя и быстро шагнул к лестнице.

Спустился по узким скрипучим ступеням на первый этаж и огляделся. Справа была большая комната с пианино, мягкими диванами и портретами незнакомых людей на стенах. Слева виднелась печь, слышался звон посуды и тихий разговор двух женщин.

Первым делом, я решил выйти на улицу и осмотреться, поэтому потянул на себя

толстую деревянную дверь напротив лестницы. На миг меня ослепило солнце и в нос ударил запах прелого навоза вперемешку с дымом. Когда глаза немного привыкли, я разглядел низкие хозяйственные постройки и синий трактор, стоящий за забором.

«Если есть трактор, то я не в древности», — радостно подумал я. Все-таки в душе я сомневался: все это подстроено или нет?

Вдруг совсем рядом грянула музыка, и я увидел на столбе громкоговоритель.

«Так, спокойно, — я глубоко вдохнул и протяжно выдохнул. — Это все еще может быть розыгрышем. Правда, непонятно, как Миха уговорил дядю и маму ему подыграть. Но это я потом выясню».

Я спустился с крыльца и зашагал по каменной дорожке, огибающей дом. Вдали показался город. Высокие многоэтажки, вышки, трубы заводов. Фух-х-х! Видимо, этот дом сохранился, как музей какого-нибудь купца, а Миха завез сюда актеров. Навстречу шли две девицы в длинных сарафанах, но на ногах были кроссовки. Я усмехнулся и весело сказал:

— Ай-йа-йя! Могли бы и лучше подготовиться, — пожурил пальцем и кивнул на мужика, который делал вид, что точит косу. — Ваш коллега лапти нашел, а вы что же филоните?

Девушки переглянулись, поклонились и зашагали быстрее, постоянно оборачиваясь. Я заметил, как у одной под сарафаном колышется большая грудь в такт шагу и шумно выдохнул. Что-то я соскучился по женщинам. Надо бы устроить вечеринку с прелестными гостями. Я подошел к калитке и увидел неподалеку проселочную дорогу, на которой остались следы протектора множества шин.

— Ну-ну, шутники. Не все вы ушли.

Сзади послышалось кукареканье, и я весело рассмеялся. Мне здесь нравилось! Будто уехал за город к бабушке в деревню. Я неспеша прошелся по двору, нашел заросли гороха и вдоволь наелся. Такого вкусного горошка в жизни не ел! Затем заглянул в свинарник. Правда, уже на входе чуть не задохнулся от резкого запаха прелого навоза, но успел разглядеть в полутьме розовые спинки мелких поросят и огромную свиноматку.

Нет, ну они здорово придумали! И как правдоподобно все играют. Интересно, как гримеры убрали щеки дяди? Было трудно, наверное. И как мама согласилась на роль деревенской простушки? При ее-то характере!

Я вернулся на крыльцо, на ходу сорвав несколько ягод малины, и прислушался к громкоговорителю. Музыка уже не было, там о чем-то говорили:

— Неделимые земли перестали приносить доход, — послышался сухой мужской голос, — поэтому было принято решение изъять их у населения и передать во владение государства. Император установил срок, за который жители Неделимых земель должны покинуть дома и перебраться в город...

Бамц! — на дорожку упал алюминиевый таз. Женщина средних лет испуганно уставилась на громкоговоритель, а диктор продолжал:

— ... ровно три месяца начиная с сегодняшнего дня. Торопитесь! Иначе вас снесут вместе с вашими домами. Да здравствует император Федор!

Голос замолчал и вновь заиграла музыка. Женщина прижала руку ко рту и убежала за дом, позабыв о тазе.

— Какой еще император Федор? — удивился я. — Они что, даже радиоведущего подговорили меня разыграть?

Я зашел в дом и поднялся на второй этаж. Пустая тарелка из-под каши стояла на

дубовом комодe, а мама поила дядю чаем из толстостенной кружки.

— Дядь, я вижу ты прям вошел в роль, — усмехнулся я. — Даже чаем хлюпаешь, как немощный старик. А от тебя, мама, я вообще такого не ожидал. Вы, конечно, молодцы! Хорошо все продумали.

Мама и дядя удивленно уставились на меня, а я продолжал:

— Внизу матюгальник висит, так по нему сейчас такую новость сказали. Обхохочешься! — я наигранно засмеялся и подмигнул маме. — Будто Неделимые земли отбирают у людей. И об этом распорядился сам император... Федор! — я захохотал, увидев, как они переглянулись. — Что за Федор? Почему не Аполлинарий или Акакий?

Тут в комнату забежал обеспокоенный Миха и воскликнул:

— Земли отбирают! Три месяца дали на то, чтобы выселиться!

Мама вытащила носовой платок из рукава, закрыла лицо и почти беззвучно заплакала. Дядя мотал головой и охал. Я никак не мог взять в толк, что происходит? Повернулся к Михе и только сейчас увидел над дверью портрет человека с бархатной лентой через плечо, на которой были нацеплены ордена и звезды императора. Подошел поближе и прочел подпись снизу: «Великий император Федор Павлович Палицкий».

— Федор Палицкий, — задумался я и вдруг чуть не вскрикнул. — Палицкий?! Не тот ли это Палицкий, которого мы разгромили и прогнали с наших земель? Ну вы и выдумщики!

Над комодом висело зеркало, в которое я сначала мельком взглянул, но затем бросился к нему и почти впечатался носом. Это был не я! Вернее я, но сам на себя не похож. Какие-то жидкие рыжие усики, дурацкая стрижка и...

— Не может этого быть, — снова вырвалось у меня.

Осознание тяжелым обухом опустилось на затылок. Я плюхнулся на диван, схватился за голову и начал судорожно обдумывать произошедшее.

«Может, артефакт что-то натворил? Или я где-то накосячил? Нет-нет, все не то... Кто-то изменил прошлое? Но это невозможно! Для этого нужно уйма времени, огромный запас энергии и маг Высшей категории, примерно такой же, как я. Но таких магов в империи нет, а пришлый не может перейти границу без моего ведома. Ведь вся империя окружена сигнальной паутиной. Так, что же произошло?»

Уйма вопросов и ни одного ответа. Еще и родные смотрят на меня с таким сочувствующим взглядом, что ком к горлу подкатывает.

Не найдя ответ ни на один вопрос, я вскочил на ноги, распахнул окно и заорал во все горло:

— Что здесь, б***, происходит?!

Через полчаса я ходил из угла в угол в комнате на первом этаже, а мама, дядя и Миха сидели за круглым столом и с беспокойством следили за мной.

— У меня в голове не укладывается. Ладно меня не было, но вы-то были! Неужели ничего не почувствовали?

— Максимушка, сынок, — несмело подала голос мама. — У тебя ничего не болит? Ты вчера головой не стучался?

— Ничего у меня не болит и никуда я не стучался, — я бросился на диван и устался на потолок. — Все, что я вам рассказывал — правда. Ты, дядя, был императором. Сильным, здоровым, правда, в последнее время немного пополнил, но все равно отбоя от одиноких дам не было. Ты, мама, управляла приютами, женскими сообществами и больницами. За тобой недавно начал ухаживать генерал Васюков. Мы не были против — преданный нам человек.

— А я? — спросил Миха и забросил ноги на стол.

— Вот ты совсем не изменился, — усмехнулся я. — Как был оболтусом, так им и остался.

— Э-э-э, — возмущенно протянул он, но я цыкнул и закрыл глаза.

Мне надо было упорядочить мысли и воссоздать в памяти каждое мгновение перед перемещением. Вдруг я что-то упустил из виду? В день перемещения я ездил с дядей на завод по производству дальнобойных орудий. Но в них использовались не обычные снаряды, а капсулы, наполненные заклинаниями. Именно с помощью таких капсул мы победили во время Великого сражения, когда пять могущественных родов магов решали: кто же достоин сесть на трон и управлять империей. Высшую категорию магов Вселенной не зря называли Пауком, я ткал заклинания, вытягивая энергию из своих врагов. Тем самым делал противников слабее, а заклинания с легкостью находили изъяны в их обороне. Хлоп! — капсула взрывалась, и невидимая паутина накрывала врагов липким тягучим Наваждением. Некоторым казалось, что они очутились среди чужих, поэтому бросались на собратьев и безжалостно их убивали. Другие собственноручно перерезали себе вены, думая, что так они проживут дольше. Третьи превращались в безвольных рабов и, покорно опустив головы, приходили сдаваться. Таким образом я лишил своих врагов большей части подготовленных бойцов. Те, еще некоторое время пытались добраться до меня, но где им! Ведь я — Паук.

Вспомнив все подробности того дня, когда я еще был наследником престола, пришел к выводу, что никаких предпосылок к такому повороту не было. Два дня назад я лег в свою роскошную кровать с балдахинном, на которой стонали не меньше трех сотен премилейших особ знатных кровей. Затем мысленно выбрал год и примерную внешность своего нового тела и уснул, положив артефакт себе на грудь. А утром обнаружил себя в теле хирурга.

— Мы должны быть благодарны императору за то, что он сохранил нам жизнь, — прохрипел дядя, выдернув меня из воспоминаний, и зашелся в кашле. — Другой на его месте убил бы нас всех.

— Благодарны?! — возмущенно воскликнул я. — Он лишил нас всего! Мы победили в Великом сражении. Как вы можете этого не помнить?

— Максим, — строго сказал дядя. — Ты ошибаешься. Мы проиграли, а выиграл Палицкий и его клан.

— Да у этого Палицкого нет ни мощной магии, ни войска, ни-че-го. Ты сам подумай,

как он мог нас победить?

Дядя махнул рукой и отвернулся к окну, показывая, что разговор окончен. Я не стал больше спорить и доказывать, и, чтобы успокоиться, выскочил на улицу и зашагал к дороге. Следом побежал Миха, но не останавливался, а молча пошел рядом.

Мы вышли за калитку и направились в сторону города. Окна в высотках блестели в лучах полуденного солнца, белые клубы дыма сахарной ватой повисли над трубами заводов. Невзрачные деревенские дома, типа нашего, виднелись среди деревьев. Я знал, где нахожусь — это Неделимые земли. Здесь самая скудная бесплодная земля, но бесплатная, поэтому обычно здесь жили бедные люди или брошенные старики. Теперь здесь живу я.

— Почему вас так расстроила новость, что придется переехать в город? Ведь в городе лучше, чем здесь? Или я что-то не понимаю, — спросил я Мишу и кивнул на заросший заброшенный пруд, в котором плавала рыба кверху брюхом.

— Ты что?! Это же наш дом! — он так искренне возмутился, что мне стало совестно. — А там нас поселят в бетонную коробку, в которой будет только одно окошко и низенькая дверь. К тому же охрану так и не снимут.

— Какую еще охрану?

Миша кивнул куда-то вдаль. Я приложил руку ко лбу и увидел возвышающуюся над деревьями сетку.

— Что это такое?

— Люди называют «Стеной безумцев». Нам нельзя выходить за пределы стены.

— Какая же это стена? Это сеть для мух! Они думают, что Макса Богословского можно удержать в этом сачке? Не получится! — я взревел от ярости и негодования и бросился к сетке.

Миша что-то прокричал и побежал за мной, но я его не слушал. Никто и никогда не лишит меня свободы! Когда деревья расступились, я увидел, что сетка натянута между высокими металлическими столбами, а внизу у дороги двустворчатые ворота из металлических прутьев и такой же сетки. Несколько человека в темно-зеленой форме лениво слонялись по ту сторону от ворот.

— Эй! Немедленно откройте ворота! — издали прокричал я, махая руками.

Мужчины переглянулись, неспеша сняли автоматы с плеча и прицелились.

— Вы думаете, что сможете остановить великого мага из древнего рода Богословских? — яростно заорал я и на бегу начал вытягивать энергию из охранников, чтобы соткать нужное заклинание, но вдруг осознал, что ко мне не поступают их силы.

Быть этого не может! Я остановился в двух метрах от сетки, протянул руки к забеспокоившимся мужчинам и злобно процедил:

— Я заберу не только силы, но и ваши жизни!

Закрыв глаза, весь затрясся от напряжения, но источник оставался пуст. Я не смог вытянуть ни капли энергии.

— Не понял, — вытер рукавом пот со лба и посмотрел на Мишу. — Со мной такого никогда не было. Похоже, я заболел.

Охранники опустили автоматы. Один из них ухмыльнулся и с издевкой сказал:

— Что, придурок, башкой ударился?

У меня словно сорвало чеку. Яростно заорав, я кинулся на ворота и... улетел назад и больно ударился затылком об землю. Невероятная сила откинула меня от тонкой сетки.

— Вот теперь точно ударился, — я с трудом сел и тут же возле меня опустился

встревоженный Миха.

— Ты что делаешь? — зашептал он. — Как-будто сам не свой... У нас больше нет магии и отсюда не выбраться. Только под конвоем.

— Миха, это не наша жизнь, понимаешь? — я тер ноющий затылок. — Много лет мы живем в императорском дворце. Наш дядя — Великий император Александр, а я его наследник. Я не знаю, что произошло, но обязательно выясню и верну всё, как было!

Брат лишь с сочувствием посмотрел на меня и помог подняться на ноги. Охранники о чем-то переговаривались и смеялись, бросая на нас неприязненные взгляды.

— Ну, ничего-ничего, — я презрительно посмотрел на охранников. — Я разберусь с врагами... снова.

Весь вечер я донимал родных и подробно расспрашивал о нашей нынешней жизни. Оказывается, на огороженной территории живут еще три семьи. Они воспротивились приходу новой власти во главе Палицкого, поэтому тоже были наказаны. Общение с нами не поддерживали, потому что во время Великого сражения мы были врагами.

Уровень жизни за сеткой был совсем другим и отставал даже от жизни остальных жителей Неделимых земель, не говоря уж о городе. Мужчины и женщины приходили к нам подрабатывать и старались выглядеть соответствующе. Поэтому и мужик в лаптях и бабы в сарафанах.

— Почему мы живем, как крестьяне? — воскликнул я и указал на котелок с картошкой в центре стола. — В печи до сих пор готовим, как двести лет назад.

— Мы должны быть благодарны и за это, — печально вздохнула мама. — Император мог нас убить, но пощадил.

— Да здравствует император Федор! — провозгласил дядя и поклонился портрету сурового мужчины.

Оказывается, портреты императора висели в каждой комнате. Даже над дверью уличного деревянного туалета. Я шумно выдохнул, но промолчал. Здоровый, сильный император Александр был настолько могущественным магом, что не ходил, а парил над землей. Теперь же он представлял жалкое зрелище. Мало того, что старый и больной, так еще и врагов превозносит.

— Мих, ты говорил, что мы вчера были на ярмарке, — я с трудом проглотил вязкую сухую картошку. — Как мы туда попали, если нам запрещено выходить за пределы сетки?

— Один раз в полгода можем, — пояснил он. — Но с конвоем. Хотя в последние годы они за нами почти не следят. Провожают, пока начальство смотрит, а потом в бар сваливают. На обратном пути мы даже их ждали. Поэтому ты и выпил почти бочонок пива.

Я кивнул и вернулся к размышлениям. Отсюда однозначно надо выбираться! Но как? И что это за сетка еб. чая? А куда делась моя магия? Я попытался вобрать в себя немного энергии брата, но ничего не вышло. Похоже, кто-то наглухо перекрыл мои магические каналы. Если этот кто-то попадется мне в руки, то от него останется лишь кучка дерьма, которое он вывалит в штаны, прежде чем я его испепелю огненной паутиной!

После ужина я помог дяде подняться в комнату и уложил его на кровать. Мама осталась внизу. Она сидела в кресле с высокой спинкой и вязала шерстяные носки Михе на зиму. От гордой властной женщины, которую я знал всю жизнь, не осталось и следа. Уставшая, постаревшая и обрюзгшая — она не была похожа на себя настоящую. Я соврал, сказав, что Миха остался прежним. Нет, он тоже изменился. Появилась какая-то покорность и безнадежность в его взгляде. Он напоминал собаку, прикованную тяжелой цепью к

опостылевшей будке.

Я зашел в нашу комнату, плотно закрыл за собой дверь и прошептал:

— Мне нужно попасть на ту сторону.

— Зачем? — удивился он. — Нас там никто не ждет.

— Я тебе уже объяснял, что это не наша жизнь, — я обвел взглядом скудное убранство комнаты. — Моя ванная была больше, чем это помещение. И вообще, я привык к роскоши, поэтому деревенская жизнь не для меня... Помоги мне выбраться отсюда.

— Я бы с радостью, но выход только один. И мы сегодня там были. На воротах всегда стоит охрана, а сетка хоть и тонкая, но такая мощная, что частенько находят мертвых медведей или оленей, нечаянно дотронувшихся до нее.

— Значит выйду через ворота, — ухмыльнулся я.

— Нет никакого выхода, — испуганно пролепетал Миха. — Там охрана, я же сказал.

— Что мне эта охрана? — махнул я рукой. — Бац-бац и нет охраны... Кстати, оружие у нас есть?

— Ничего нет, кроме вил и топоров. Брось ты эту затею, только рассердишь Воронова!

— Хм, Воронов? — фамилия показалась мне знакомой.

— Да, прислужник императора. Его правая рука. Он следит за нами и оставшимися магами. Пару раз даже лично приезжал посмотреть на дядю.

— Зачем?

— Не знаю, но был очень доволен. Аж весь сиял от радости. Будто немощь и болезни дяди были для него усладой... Макс, не ходи никуда. Если поймают, мало не покажется. И нам попадет.

— Кто-то украл нашу жизнь и я, как наследник престола, должен вернуть трон и былое величие, — твердо ответил я и сжал кулаки.

***

В полночь, когда в доме погасли огни и по двору перестали сновать работницы, я оделся в лучшее, что нашел в сундуке, и бесшумно выбрался из дома. Где-то лениво брехала собака, легкий молочный туман стелился по земле, рой комаров кружил над головой. Я не знал, что буду делать, но решил, что без победы не вернусь домой. Не хочу видеть, как моя семья погибает в нищете и без магии. Сволочи, могли бы хотя бы долголетие и лечебные силы оставить! Я до вас доберусь и выясню, что вы натворили. Можете не сомневаться!

Застегнув кафтан на все пуговицы, я бодро зашагал по дороге в сторону ворот. Я пока не знал, что скажу или сделаю, но отступать было не в моих правилах. То, что не было никого оружия — удручало, но зато смекалка всегда была при мне. Ворота были видны издали. Они светились голубым неоновым огнем, переливающимся на сетке. Это была магия.

Я не хотел, чтобы меня заметили раньше времени, поэтому сошел с дороги и побрел, прячась в кустах.

— Один, два, три, — сосчитал я охранников.

Они расслабленно стояли у ворот и пялились в экраны своих телефонов. На плечах у них по-прежнему висели автоматы. У меня мелькнула мысль, что автоматы могут быть не заряжены или неисправны, но такое было мало вероятно, поэтому идти направо я передумал.

Я подполз к сетке, но, помня о недавнем событии, не дотронулся до нее, а лишь попытался втянуть энергию, чтобы понять, что за магия используется.

— Хм, первый раз такое встречаю, — прошептал я, уловив пульсирующую чужеродную

энергию. — Кто же тебя создал?

Я закрыл глаза и открыл источник магии, находящийся в моей груди. Он был пуст и жаждал наполниться. Колеблющаяся энергия сетки не желала переходить на мою сторону, будто была живой, но я терпеливо выхватывал мельчайшие частички и бережно прятал в груди. Так продолжалось пару часов, пока на востоке не занялась заря. Даже те крохи, которые удалось втянуть в источник, дарили столько бодрости и сил, будто я снова стал магом Высшей категории.

— Ну что ж, попробуем, — я решительно поднялся из кустов и зашагал к воротам.

Охранники сразу же увидели меня. Двое сняли оружие с плеч и приблизились к воротам, а третий куда-то побежал.

«Черт! — выругался я про себя. — Поскакал за подмогой. Скольких он еще приведет? Десять — двадцать человек? Надо действовать быстро!»

— Друзья, выпустите меня, пожалуйста! — улыбнулся я.

— Зачем? — грубо спросил один из них.

— У брата скоро день рождения, — соврал я. — Хочу подарок купить, а то в нашей глухомани ничего не найти.

— Нельзя!

Я подошел вплотную к воротам, но старался не прикасаться к сети, переливающейся голубым огнем. Между тем энергия уже более охотно переливалась в мой источник, даря приятное тепло.

— Мы же с вами почти друзья, — я вновь натянул улыбку. — Никто даже не заметит, что меня нет. Я быстро управлюсь, обещаю.

— Отойди от ворот!

Но я сделал вид, что не слышу и приложил руку к уху.

— После сегодняшнего удара в голове страшный шум. Повтори, что ты сказал.

— Я сказал: вали отсюда, гнида! — прокричал охранник и сделал шаг к воротам.

— Подожди, — я замотал головой. — Мне показалось или ты сказал «проходи»? Так, открой ворота!

Охранник раздражительно выдохнул, опустил автомат и подошел еще ближе.

— Вот же, гад вонючий, — пробурчал он. — Не слышит ни хера. Я ГОВОРЮ, ВАЛИ ОТСЮД...

У меня появилось достаточно сил, чтобы вытянуть энергию охранника, чем я тут же воспользовался и, соткав небольшую косичку, набросил ему на шею. Он сначала закашлялся, думая, что горло заболело от того, что громко орал. Затем почувствовал, как шею прожгло, будто прикоснулись раскаленной кочергой. Охранник уронил автомат, схватился за горло и с мольбой посмотрел на напарника.

— Э-э-э, что с тобой? — забеспокоился тот, положил автомат на землю и схватил напарника за плечи.

— Похоже у него сердечный приступ. Открой ворота, я помогу ему! — я старался говорить искренне и изобразил волнение в голосе. — Если ему не помочь, то через пару минут он умрет. Умрет у тебя на глазах! Скорее, скорее, открывай!

Охранник топтался на месте, переводя взгляд с напарника на меня и обратно. Я же старался нагнетать обстановку пока моя косичка не пропала. Все-таки магии было очень мало.

— Ты посмотри, он уже синее! Господи, помоги рабу твоему! А-а-а, он умирает!

Открывай, иначе тебя по голове не погладят!

Между тем охраннику становилось лучше, и он даже смог вдохнуть полной грудью и выпрямиться, но второй уже так издергался, что не заметил этого и отпер ворота. Я смотрел, как сеть, словно живая, отступает, оголяя металлическую конструкцию ворот, а энергия охранников так и плещется вокруг меня, будто напрашивается быть поглощенной.

«М-м-м, так эта сеть не только закрывала нас, но и лишала магических способностей. Отличная работа! Надо обязательно познакомиться с изобретателем, — подумал я и плотоядно улыбнулся, подмигнув замершим охранникам.

— Пришло время перекусить.

Те попятились, судорожно пытаюсь нащупать оружие. Напрасно, автоматы остались лежать на земле. Я еще никогда с таким наслаждением не открывал свой источник «не магам». Но все бывает в первый раз.

Две полуистлевшие мумии остались лежать на земле. М-да, все-таки с обычными людьми намного тяжелее наполнить магический источник. С этих двоих я смог вытянуть так мало энергии, что можно сравнить с горстью зерна в пустом амбаре. Но все равно это было лучше, чем ничего.

Неподалеку стоял навес, под которым находились стол, несколько стульев и кушетка. Видимо, охранники здесь отдыхали и прятались от полуденного зноя. Я проверил их карманы, но кроме жалких двух тысяч и небольшого охотничьего ножа ничего не нашел. Под навесом тоже ничего ценного не было: небольшой генератор, электрический чайник и прибор, похожий на рацию. Мне не с кем было связываться, но я засунул его в карман, в надежде, что обзаведусь полезными связями.

Издали послышался шум машин и замелькали два пары фар.

— Ну что ж, надо достойно встретить гостей.

Вернулся к воротам и подобрал автоматы. Фу-у-у, какая древность! У нас такие только в музее сохранились. Снял с предохранителей и притаился за навесом. Два внедорожника с визгом остановились и из них выскочили люди с пистолетами и автоматами. Старший из них на полусогнутых подбежал к мумиям и испуганно охнул. Остальные рассредоточились и осторожно начали приближаться к открытым воротам, подавая друг другу знаки пальцами. Мне было так смешно на это смотреть, что я едва сдержался, чтобы не рассмеяться. Они прекрасно знают, что такие маги, как я, даже без магии очень опасны. Есть в нас какая-то родовая мощь.

Между тем, охранники проверили кусты, траву, внимательно осмотрели дорогу, пытаясь найти какие-то следы, но все безрезультатно.

— Это был Богословский, — сказал третий охранник, который бегал за подмогой.

— Который Богословский? — сурово спросил старший.

— Макс. Уж не знаю, что случилось, но...

— Что «но»! Разродись уже! — взревел старший. — Ты что не видишь, что с твоими сослуживцами случилась, а? Ты слепой, ёб твою...

— Он был сам не свой, — еле слышно закончил охранник.

— Найдите этого ублюдка! Быстро!

Я усмехался и потихоньку вытягивал силы из близстоящих мужчин. На этой стороне от стены сеть уже не так активно действовала на меня.

— Что-то мне плохо, — пожаловался один и приложил руку к груди. — Сердце щемит.

— Только этого не хватало, — раздраженно выдохнул старший. — Иди попей воды и ложись на кушетку. Пока мы не найдем Богословского никто отсюда не уедет! А вы чего стоите? Бегом на поиски! Он не успел далеко уйти.

Тут еще один сначала рухнул на колени, затем медленно завалился набок.

— С этим-то что? От страха, что ли?

Бдыщ! Охранник запутался в собственных ногах, рухнул на землю и остался лежать. Старший только сейчас понял, что дело нечисто и, выхватив пистолет из кобуры, медленно попятился к внедорожникам.

— Отходим!

Опасливо оглядываясь, оставшиеся охранники бросились к машинам, но я уже

постарался. Дело в том, что я могу вытягивать не только живую энергию, но и искусственную. Вот и сейчас внедорожники как не пыхтели-тархтели — не заводились. Их аккумуляторы полностью разрядились.

Старший выругался, первым выпрыгнул из внедорожника и со всех ног бросился бежать. Подчиненные последовали его примеру, хотя двоих я успел достать, и они остались сидеть на дерматиновых сиденьях.

Я посмотрел вслед убегающим врагам и поймал себя на мысли, что это мое любимое зрелище. Пошарив по карманам новых трупов, обзавелся хорошим пистолетом с полной обоймой, тремя тысячами рублей и пластиковой картой с фотографией охранника. Для чего эта карта, я не знал, но подумал, что может пригодится. Затем вытащил труп с водительского места, осторожно опустил его на землю и даже глаза закрыл. Вот такой я добряк и альтруист!

Сел за руль, перекинул паутину энергии на аккумулятор и повернул ключ. Машина чихнула пару раз и завелась.

— Отлично!

На неровной грунтовой дороге машину часто подкидывало, и я пару раз чуть не потерял управление, но вовремя поворачивал руль и нажим педаль. Ю-ху! Как же здорово! Я уже давно не ездил сам за рулем, поэтому сейчас реально кайфовал! Вскоре показались квадратные здания с маленькими окнами и высокими бетонными заборами. Вдали была видна вертолетная площадка. Наверное, здесь и обитают охранники. Ну что ж, теперь я знаю, где можно поднакопить сил.

Город приближался. В окнах домов заблестели первые солнечные лучи. Издали просвистел поезд и пронесся мимо меня по железнодорожным путям, пролегающим параллельно дороге. Я въехал в город и в груди неприятно сжалось. Как же изменилась столица! Из красивого города с удобной инфраструктурой и зелеными парками, передо мной раскинулась очень плотная застройка безликих серых домов, узкие дороги со свисающими сверху кабелями и проводами, и залатанный асфальт.

Я решил навеститься к своему старинному другу графу Покровскому. Мы дружили с детства и многое прошли вместе, поэтому ему я доверял, как себе. Однако найти его дом оказалось непростой задачей. Город сильно изменился. Даже названия улиц были мне незнакомы.

— Та-ак, он живет на юго-западе, — задумчиво произнес я и остановился у обочины. — Надо просто проехаться по всем улицам в этом районе. Уж его-то дом должен остаться прежним. Все-таки еще дед строил.

Через полчаса блужданий по узким грязным улочкам, я наконец нашел желтый дом с изумительным белоснежным барельефом в виде различных животных.

— Ну хоть что-то знакомое, — улыбнулся я, припарковал внедорожник за переполненными мусорными баками и бодро зашагал к резным воротам.

На долгий звонок вышел угрюмый мужик в строгом черном костюме и, неприязненно оглядев меня с ног до головы, грубо спросил:

— Чего тебе?

— Мне бы с Аркадием Сергеевичем увидеться, — я старался держаться уверенно, не обращая внимания на его презрительно скривившийся рот.

— Пшел вон, убогий, — он развернулся и открыл дверь.

Я еле сдержался, чтобы не убить его. Но он все-таки был слугой друга, поэтому я

предпринял еще одну попытку.

— Если Аркаша узнает, что ты прогнал его лучшего друга, то не только уволит, но еще и испепелит. Я уверен, ты знаешь о его способностях.

— Нет здесь никакого Аркаши, — бросил тот через плечо. — Это усадьба господина Махонина.

Махонина?! Этого ублюдка с конскими зубами?! Нет-нет, этого не может быть! Я схватился за железные прутья и с силой потряс, но ворота были заперты изнутри, а я еще не достиг той мощи, чтобы снести их вместе с оградой.

— Постой! У меня есть послание твоему хозяину.

Я раскрыл источник и начал на максималках качать жизненные силы из нерадивого слуги. Тот успел что-то крикнуть внутрь дома и с грохотом рухнул на крыльцо. Слишком слабый, даже толики магической силы в нем не было. Обычно маги боялись конкуренции, поэтому окружали себя «пустыми» людьми. Не успел я втянуть последнюю крупицу его энергии, как на крыльцо вылетели трое бойцов в черных костюмах. Я хотел убежать, пока они не разобрались в чем дело, но когда увидел, что у них в руках, то не смог сдержаться и расхохотался.

— Револютеры? Серьезно?! А-ха-ха-ха! Может у вас и пищали сохранились?

Я продолжал веселиться, а они озадачено переглянулись и перевернули товарища на спину. При виде синего лица с высохшими глазами они испуганно отпрыгнули. Вот тут до них, наконец, дошло, что происходит. Раздался грохот выстрелов и свист пуль. Я пригнулся и бросился бежать, не забывая отстреливаться. Мне было весело, поэтому этих дурачков решил не убивать. Пусть живут, уверен, им и так достается насмешек и издевок из-за старо древних револьверов. Махонин, как был жадной сволочью, так им и остался!

Забрался в машину, завел движок и с ревом сиганул с места. Бамц! Что-то пролетело возле головы и, разбив лобовое стекло, исчезло вдали.

— Э-э-э, так нечестно! — обижено пробубнил я и, вилля внедорожником по пустынной дороге, свернул на ближайшем повороте. — В следующий раз не пожалею и высосу до доньшка.

Я проехал три поворота, свернул во двор полуразрушенного здания и остановился. Мне надо было подумать, что делать? Можно было попытаться найти друзей, но судя по тому, что дом Аркаши занял Махонин, не трудно было догадаться, что всех наших приближенных постигла та же участь... Так-так, надо перечислить имена нынешних врагов: Палицкий — называет себя императором, Махонин — отобрал дом Аркаши, Воронов — держит мою семью взаперти. Хм, пожалуй, начну с Воронова.

Выстроив в голове план действия, сел в машину и выехал со двора. Город поменялся настолько, что я совершенно не представлял, как найти гостиницу. Все здания были одинакового серого цвета без каких-либо вывесок или опознавательных знаков. Поплутав по узким улочкам целый час решил, что лучше оставить машину и пройти пешком, заодно поспрашивать местных. Я припарковал внедорожник за большим плакатом с портретом императора-самозванца Палицкого и, расчесав пятерней густую шевелюру, зашагал к девушке, которая рылась в сумке и что-то бормотала под нос. Она была одета, как мужчина: черная рубашка навывпуск, широкие черные штаны и панама. Женщину в ней выдавали только шикарные золотистые волосы, струящиеся по спине.

— Прелестное дитя, можно к вам обратиться? — я улыбнулся и принялся крутить кончик своего рыжего уса. И откуда я такой пошлости понабрался?

Девушка окинула меня изучающим взглядом, но ничего не ответила и продолжила рыться в сумке.

— Простите, может вы не поняли...

— Я не знакомлюсь! — рывкнула она. — У меня есть жених.

Пока я переваривал услышанное, она счастливо взвизгнула и вытащила помятую сигарету.

— Так и думала, что одна завалилась, — она принялась осматриваться, будто искала кого-то.

Но в узком проулке кроме нас никого не было. Поэтому девушка потупила взор и еле слышно спросила:

— Огоньку не найдется?

Я пощупал карманы кафтана, но нашел только носовой платок и деньги охранников.

— Огня нет, но могу купить. Где здесь магазин?

Девушка недоверчиво покосилась на меня, кивнула и ответила:

— Сам не найдешь, пойдем покажу... Только не подходи ко мне близко, чтобы никто не догадался, что ты со мной. Не хватало еще чтобы все подумали, будто я неверная невеста.

Такое со мной было впервые. Обычно даже замужние женщины кокетливо строили глазки и будто ненароком задевали плечиком. А тут невзрачная девчонка отшивает меня, хоть я даже не думал с ней флиртовать. Да-да, вот так легко можно потерять все за очень короткое время. Но я обязательно во всем разберусь!

Девушка шла впереди и изредка косилась на меня. То ли боялась, что накинусь на нее, то ли, что уйду и не куплю ей огонька. Конечно, я мог сотворить огонь с помощью магии, но ее было так мало, что не хотелось тратить на всякую ерунду, тем более мне самому нужно было в магазин, чтобы переодеться.

Через пять минут ходьбы девушка остановилась у дома с большой черной дверью и, убедившись, что никто не подглядывает, махнула мне и ткнула пальцем. Я кивнул и потянул дверь на себя. В нос ударил запах хлорки, и я невольно задержал дыхание. Худая женщина елозила шваброй по бетонному полу возле двери. Я огляделся. В большом помещении с высокими потолками стояли стеллажи и полки, но почти все они были пусты.

— Чего надо? — послышался зычный голос, и я только сейчас увидел слева прилавок с кассовым аппаратом. Полная женщина с короткой стрижкой и ярко-красными губами неприязненно смотрела на меня.

— Мне бы зажигалки или спички.

— Талон давай, — сказала она и бросила на прилавок коробок спичек.

— У меня талонов нет, только деньги, — я вытащил из кармана пару тысяч и показал ей.

Женщина на мгновение замерла, уставившись на разноцветные купюры, затем расплылась в улыбке и поманила за собой. Уборщица бросила швабру на пол и заперла входную дверь.

— Пойдем-пойдем, — шепотом сказала женщина и исчезла за неприметной дверью, расположенной за прилавком.

Я пожал плечами и последовал за ней. Перепрыгнул через прилавок, подошел к голубой двери и осторожно заглянул внутрь. Яркий свет огромной люстры освещал комнату, набитую различным товаром. Мешки с крупой и сахаром лежали вперемешку с ящиками печенья и тушенкой. Полотенца, постельное белье и различная одежда кучей лежали в углу.

— Прошу, проходите, выбирайте, — промурлыкала она.

Женщину будто подменили. Теперь она улыбалась и с надеждой смотрела на меня. Вот, что деньги делают! Я спросил, есть ли костюм или пиджак на меня, и она тут же начала рыться в большой картонной коробке.

— Как знала, что найдется покупатель, — сияя от радости, она протянула мне темно-синий костюм-тройку.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что костюм сядет идеально. Оттуда же она вытащила черные лаковые туфли и белоснежную рубашку. Я быстро переоделся и сразу же почувствовал себя лучше, будто этот старый кафтан, поношенные ботинки и льняная рубашка мешали мне двигаться и закрывали энергию.

— Вам очень идет, — продавщица расплылась в улыбке. — Сразу стали приличным человеком.

Я хотел уточнить, не ошиблась ли она, утверждая, что приличным человека делает одежда, но она опередила меня:

— За четыре тысячи вас все любят.

Я снова хотел спросить, точно ли любят за деньги, но решил, что бесполезно вступать с ней в полемику, поэтому молча отдал деньги и вышел из комнаты. Уборщица подозрительно посмотрела на меня, но увидев продавщицу, которая кивнула, тут же успокоилась и открыла дверь. Я прихватил коробок спичек с прилавка и вышел на улицу.

— Приходите к нам еще! — послышалось вслед.

Девушка, которая привела меня к магазину, стояла в окружении пяти мужчин в синезеленых формах и в берцах. Они что-то живо обсуждали.

— Так вот он! — девушка показала пальцем на меня. — А я-то думаю, почему он такой странный.

Все пятеро разом повернулись и побежали на меня. В руках у них были дубинки с набалдашником.

«Они думаю, что смогут избить меня? Глупцы! Еще никто за всю мою жизнь не смог поставить даже синяк, а эти олухи думают, что...

Один из них остановился, выставил жезл перед собой и из набалдашника с треском вырвалась ослепительно белая молния, которая полетела прямо на меня. Я едва успел отпрыгнуть в сторону, молния ударилось об стену и оставила черный след. Что это такое?! Откуда им такая здоровская штука?!

Я зигзагом рванул по дороге. Сзади трещало, и молнии беспрестанно пролетали мимо или били по асфальту у моих ног.

«Ого-го! Вот бы мне такой жезл! — с восторгом подумал я и вдруг почувствовал магическую энергию. Она исходила от моих преследователей. — А за это большое спасибо!»

Я свернул за угол дома, остановился и прижался к стене. Первого бойца я заморозил. Вернее, не заморозил, а внушил ему, что он статуя, используя при этом большую часть накопленной силы. Второй налетел на него и свалился, затем третий полетел на второго. Правда, четвертый был аккуратнее и отскочил в сторону, но я ему помог завалиться в общую кучу-малу, подставив подножку. А пятого пришлось вырубить ударом жезла по макушке. Пока они вставали и пытались осознать, что произошло, я горстями черпал их энергию. Кстати, жезлы я отобрал сразу, поэтому эти недотепы больше не представляли опасности.

— Кто вы такие и зачем набросились на меня? — я выставил один из жезлов на них и сурово сдвинул брови.

Бойцы обливались потом и с трудом держались на ногах. Да, именно так и уходит магическая энергия. Обычный «пустой» человек уже давно лежал бы лицом в асфальт и превращался в мумию.

— Голубчики, не заставляйте делать вам больно, — сказал я и для остротки пульнул молнией в столб, стоящий неподалеку. Оказалось, что молния вылетала сама, едва я этого желал. Но надо было метко целиться.

— Нас наняли, — прохрипел четвертый и с удивлением посмотрел на свою дрожащую руку.

— Кто и зачем? — повторил я.

— Граф Валентин Воронов — глава департамента контроля за врагами государства, — из последних сил выдавил он и, словно подкошенный, рухнул на дорогу. Остальные повалились следом и испустили последний продолжительный выдох.

— Ну что ж, — задумчиво сказал я, закручивая кончик уса. — Сам Бог велел начать с этого Воронова. Так тому и быть!

Следующим пунктом после хорошего костюма были стрижка и бритье. В прошлой жизни я всегда коротко стригся и начисто брился. Мне нравилось прижиматься гладкой щекой к мягкой женской груди. Эх, как же я скучаю по прошлой жизни. Только попадись мне тот ублюдок, который сотворил такое!

Я зажал подмышкой жезлы и вышел на дорогу. Девушка в черном сидела на обочине и зашнуровывала кеды, за ухом лежала не прикуренная сигарета.

— Эй, держи! — я бросил ей коробок спичек и бодро зашагал вперед. — Не благодари.

Она изумленно посмотрела на меня, затем подобрала коробок с земли и побежала следом.

— Ты прости меня, — жалобно сказала она. — Они показали фотографию и спросили, видела ли я тебя? И тут выходишь ты. Я и ляпнула, не подумав. Прости, а.

— Да ладно. Ты мне даже помогла пополнить ресурсы. Так что на, держи, — я протянул ей жезл.

— Зачем мне это?

— Продашь, — пожал я плечами. — Такие вещи дорого стоят, поэтому смотри, не продешеви.

Она осторожно взяла жезл и благодарно кивнула.

— Слушай, — вспомнил я. — Ты, случайно, не знаешь, где я могу найти графа Воронова? Очень нужно встретиться.

— Графья живут в Долине изобилия.

— Что за Долина такая? — я нахмурил лоб, пытаюсь вспомнить, было ли такое место в моей прошлой жизни.

— За городом, — махнула она рукой.

— На западе, что ли?

— Да, — кинула она и провела рукой по рукояти жезла. — А как это работает? Где кнопка включения?

— Нет никакой кнопки. Такие вещи только маги могут подчинить. А ты «пустая», поэтому просто продай.

Она снова засыпала вопросами, но я сказал, что опаздываю, и почти бегом зашагал к внедорожнику. Когда завел движок, на панели зажглась лампочка, подсказывающая, что бензин почти на нуле.

— Только этого не хватало, — раздраженно выдохнул я и закрыл глаза, чтобы вспомнить, встречалась ли мне заправка по пути сюда. Это было еще одной моей сильной стороной — зрительная память. Я в точности до мельчайших подробностей могу описать все, что видел за день. Плохо только то, что после сна, многое стиралось.

Так, заправки не было на всем протяжении дороги, начиная с ограды из сети. Между тем, на улицу выползли сонные люди, спешащие на работу, и появились первые машины. Я сложил жезлы в багажник, накрыл их чехлом с заднего сиденья, и вышел на дорогу, чтобы остановить какой-нибудь автомобиль. Вскоре появился громко пыхтящий грузовик с проржавевшим кузовом. Я стоял посередине дороги и махал рукой, чтобы привлечь к себе внимание. Грузовик не сбавлял скорость, и я даже подумал, что он хочет меня задавить, но за два метра остановился, как вкопанный, и из окна показалось недовольное обрюзгшее лицо

водителя.

— Ты чего творишь? Жить надоело? Если так, то лучше застрелись или отравись, а то вы — идиоты, не только себя жизни лишаете, но и нас подставляете. Уйди с дороги!

— Погоди, не кипятись, — я примирительно поднял руки. — У меня бензин закончился. Не подскажешь, где заправка?

— Какая, к черту, заправка? Ты свихнулся, что ли? Уйди с дороги, а то задавлю!

Он нажал на педаль газа, и грузовик устрашающе заревел. Если честно, то я не привык к такому отношению. Когда ты наследник престола, то все стелются перед тобой и пытаются угодить, а не обзывают и угрожают. Я нехотя отошел в сторону, мысленно проклиная того, кто лишил меня счастливой жизни, и забрал энергию из аккумулятора грузовика. Он чихнул пару раз вонючим черным дымом и заглох. Раздраженный водитель выскочил из кабины, откинул капот и принялся ковыряться, матюгаясь.

Я попытался выяснить про заправку у мимо проходящего мужичка в длинном кожаном плаще, но тот тоже посмотрел на меня, как на сумасшедшего, и ускорил шаг. Делать нечего, придется оставить внедорожник и идти пешком.

***

Все улицы были похожи друг на друга. Сплошная безликая серая скукотень. А где же церкви с золотыми куполами? Парки? Статуи? Роскошные усадьбы? Я даже парикмахерскую с трудом нашел и то только потому, что кто-то нарисовал углем на стене ножницы. Пока симпатичная, но очень застенчивая парикмахерша стригла мою густую отросшую шевелюру, я обдумывал, свои действия. Во-первых, надо найти ресторан или хотя бы столовую и плотно пообедать. Ну, не могу я думать на пустой желудок! Во-вторых, надо найти этого Воронова и... Я пока не решил, что буду с ним делать: сначала покалечу, потом буду расспрашивать или попробую по-хорошему все выяснить, а уж потом прибью. Но он однозначно нежилец!

— Милая, не подскажешь, где здесь можно вкусно поесть? — я улыбнулся парикмахерше, подглядывающей за мной в зеркало.

— Дома можно поесть, — еле слышно ответила она.

— Не-е-ет, дом далеко. Есть еще варианты?

— М-м-м, — задумалась она и прикусила нижнюю губу.

— Может, ты меня покормишь, а я расплачусь, — сам не заметил, как голос стал хриплым и томным. Как же я все-таки соскучился по женскому телу!

Девушка покрылась красными пятнами и, потупив взор, ответила:

— Хорошо. Я живу в этом доме на третьем этаже. Достригу и покормлю.

— Ты одна живешь или с родителями? — как бы между прочим спросил я.

— С бабушкой. Она совсем не встает с кровати, поэтому мне приходится за ней ухаживать.

Я не показал радости, но в душе ликовал. Лежачая старуха мне точно не помешает отблагодарить девушку так, что та долго еще будет мечтать снова встретиться со мной. Через полчаса я любовался на себя в зеркало. Так гораздо лучше!

— Пойдемте, — сказала она и накинула на плечи коричневую кофту.

Мы вышли из парикмахерской и зашли в соседний подъезд. Это была девятиэтажка, но без лифта. Пока поднимались на третий этаж, она сказала, что ее зовут Оксана и ей двадцать два года.

— Макс, а тебе сколько лет? — спросила она и уже более смело посмотрела на меня.

— А на сколько я выгляжу? — кокетливо спросил я, хотя отлично понимал, что она

никогда не сможет догадаться.

— Двадцать пять или двадцать семь, — прикинула она.

Я подтвердил. Ну не ломать же ей психику и признаваться, что мне аж сто тридцать пять!

В квартире было чисто, но очень тесно. Между двумя крошечными комнатами располагалась кухонька, в которую умещались лишь стол с тремя стульями, шумный холодильник, старая плита, мойка и шкаф с посудой. Оксана предложила мне на выбор суп с пшеном или тушеную капусту с кусками курицы.

— Давай все! Я голоден, как волк, — я клацнул зубами и облизнулся.

Она засмеялась и включила плиту. Пока еда медленно грелась на толстой конфорке, я, под видом иностранца, расспрашивал о жизни в империи.

— Хорошо живем, — начала она. — Всего у нас в достатке.

Я удивленно посмотрел на нее, но промолчал.

— После школы мне разрешили идти учиться на парикмахера, как моя мама, или на сварщика, как папа.

— А если бы ты хотела стать врачом или портнихой?

— Нет-нет, у нас так нельзя. Мы можем выбирать только профессию родителей. У меня и бабушка была парикмахершей и работала там же, где и я. Зачем что-то выбирать другое, когда все можно передать по наследству? Например, как эту квартиру. Когда бабушка помрёт, то в ней буду жить я одна, пока не выйду замуж. А потом и квартиру, и парикмахерскую передам своим детям. Здорово, правда?

Я сглотнул ком возмущения, стоявший в горле, и с улыбкой кивнул. Пусть лучше счастливо живет в своей клетке, чем узнает правду и будет страдать. Еда была пресной, но я умял ее за несколько минут. Оксана сидела рядом и медленно пила теплую воду. Доев капусту с курицей, я взял руку девушки и нежно поцеловал.

— Спасибо. Было очень вкусно.

Она засмушалась и вперила взгляд синих глаз в стол. А я поцеловал еще раз, но уже чуть выше. Затем еще раз и еще. Она не вырывала руку и не сопротивлялась, поэтому я быстро добрался до ее губ. Мягкие пухлые губки сразу открылись навстречу моему языку. Я сам не понял, как подхватил ее на руки и понес в комнату. Правда, в первый раз ошибся и чуть не бросил ее на кровать, на которой лежала старуха, но вовремя сообразил и побежал в соседнюю спальню. Одежда слетела с нас за считанные секунды. Я уверен, что такого опытного любовника она в жизни не встречала и не встретит никогда. Будь это спортом, то я бы получил все возможные и невозможные награды и звания.

После часового марафона мы без сил рухнули на кровать. Оксана тут же заснула, а я ополоснулся в душе, оделся и, оставив последнюю купюру на столе, аккуратно вышел из квартиры. С полным желудком и пустыми яйцами, я определенно чувствовал себя лучше.

На улице было жарко и душно. Солнце стояло в зените и накаляло темно-серый город. Я решил сначала встретиться с Вороновым, а уже потом пойти к императору. По моим скромным подсчетам до Долины изобилия было километров двадцать, не меньше. Идти под палящим солнцем совсем не хотелось, поэтому я снова вышел на дорогу, чтобы поймать попутку.

Зеленый седан, за рулем которого сидел пожилой мужчина в очках с толстыми линзами, объехал меня, не реагируя на жесты. Следом за ним из-за поворота появился тонированный джип. При виде него у меня неприятно кольнуло в груди и не напрасно. Я почувствовал

сильную черную магию, и на мгновение потемнело в глазах. Со мной что-то делали. Ага, нашли дурака!

Я отпрыгнул в сторону от мчащегося джипа и закрыл себя паутиной-оберегом. Тормоза засвистели, и машина остановилась, как вкопанная, но из нее никто не вышел. Однако по колебанию паутины, я чувствовал, что кто-то ее задевает. И этот кто-то очень силен. Дзинь-дзинь! Паутина звенела, как струна, но ее слышал только я. Прохожие испуганно смотрели на молодого человека, осеняющего себя непонятными жестами. Это я так усиливал паутину, которую бесцеремонно разрывали в разных местах. Дзинь-дзинь! Да ну вас! Я смахнул оберег и ринулся к джипу. Но добежать не успел, машина взревела и рванула прочь от меня.

— Куда ты, паскуда? А ну, вернись!!! — я подобрал с земли камушек и бросил, усилив магией.

Звон, и заднее стекло разлетелось на осколки. Я не успел даже рассмотреть, сколько человек сидело в машине, так как джип резко повернул налево и исчез за домами. Похоже, на меня идет настоящая охота. И мне это не нравится.

***

Я снял пиджак, расстегнул ворот рубашки и закатал рукава. Пот струился по спине и стекал по вискам. Время уже перевалило за полдень, но все равно было очень жарко. Как я уже выяснил у местных, здесь не было общественного транспорта, кроме поездов. А про такси никто и слыхом не слыхивал. Правда, я уговорил одного старикана на древней легковушке подвезти меня, но уже через два квартала у него под капотом задымилось. Я помог потушить пожар с помощью паутины, сотканной из мельчайших капелек воды, но машина больше не завелась. Пришлось снова идти пешком.

Только под вечер я увидел водонапорную башню, на которую тут же взобрался и посмотрел вперед. Вдали, за серыми домами и высоким кирпичным забором открывался изумительный вид. Всё, как я люблю: маковки церквей, густые кроны высоких деревьев, аллеи с клумбами и роскошные дома, больше похожие на маленькие дворцы. Красивые, но ни в какое сравнение с дворцом, который мы с дядей построили в самом центре столицы. Сейчас его, конечно же, не было.

— Ну что ж, завтра увидимся, граф Воронов. Не уверен, что будешь рад этой встрече, но ты первый начал.

Я спустился и осмотрелся, в надежде найти ночлег, но никаких вывесок не было. И вообще меня начал раздражать этот город-угадайка! Магазин можно найти только по снующим туда-сюда людям, больницу — по больным, с перевязанными ранами или гипсом, пивнушку — по запаху и веселому хохоту. Благо местные жители, как правило, знали, что и где находится, поэтому через полчаса я уже топтался у стойки администратора.

— Ну, нет у меня паспорта. Нет, — развел я руками. — Потерял или украли, не знаю. Пусти переночевать, ты же видишь, что я приличный человек.

Я навалился на стойку и подмигнул ярко накрашенной девице с огромной грудью, вываливающейся из глубокого выреза блузы. Та недоверчиво оглядела меня и спросила:

— А деньги-то у тебя есть?

— Конечно, — я засунул руку в карман брюк, куда переложил купюры, но он был пуст. Тревожное чувство нарастало по мере того, как я шарил по карманам, но сколько бы не искал, денег не нашел. Я совсем забыл, что последнюю тысячу оставил Оксане. — Дело в том, что деньги пропали вместе с паспортом.

— Паспорта нет, денег нет, — покачала головой девица и глубоко вздохнула. — Что же мне с тобой делать?

— Я многое умею, — быстро сказал я. Все-таки прожил много жизней и многому научился.

— У нас и делать-то нечего. Разве только, — она оценивающе посмотрела на меня. — Пушу, если поработаешь грузчиком.

— Я согласен! — тут же ответил я.

— Завтра должны прийти грузчики, чтобы перетаскать керамическую плитку из склада в новую ванную. Если это сделаешь ты, то до утра останешься здесь, а деньги за работу я возьму себе. Согласен?

Делать было нечего, поэтому я согласился и пошел вслед за ней. Склад находился на цокольном этаже соседнего дома и был насколько низкий, что приходилось стоять, согнув голову. Зато плитки было столько, что я невольно присвистнул. Похоже, всю ночь придется возиться с ней. Надеюсь, хоть пару часов смогу поспать. Сложность еще заключалась в том, что новая ванная была на втором этаже. Однако пасовать перед сложностями было не в моих правилах, поэтому я закатал рукава и приступил к работе.

Я брал в каждую руку по коробке, в которой было по десять плиток, поднимался с цокольного этажа, переходил дорогу и шагал на второй этаж гостиницы. Затем шел до конца коридора и только туда складывал коробки. Сначала считал, сколько рейсов сделал, но потом мне надоело, и я просто делал свою работу, обдумывая при этом дальнейшие шаги в поиске виноватых за испорченное настоящее.

Только в полночь я отнес последнюю коробку в ванную и совершенно обессиленный подошел к стойке администратора.

— До восьми утра, — строго сказала она. — Потом, извольте покинуть помещение. У меня начальство может заявиться. А за такое не только уволят, но и зарплату не выплатят.

Я устало кивнул и побрел по коридору первого этажа в поисках нужной комнаты. Даже в теле штангиста я не так уставал, как сегодня. Все-таки хорошая вещь, этот артефакт. Правда, теперь он принадлежит Палицкому. Конечно, если он его нашел. Все-таки тайник с артефактом был в совершенно неожиданном месте и если бы не моя удушающая паутина, котроая сдавила колонну так, что та рассыпалась, то я бы ни за что не догадался, что в центре гладкой мраморной колонны хранится такая здоровская вещь.

С трудом заставив себя помыться, я завалился на кровать и тут же уснул. Сначала мне приснилась прежняя счастливая жизнь. Будто мы с дядей устроили бал в честь его помолвки. Дамы в роскошных нарядах, господа во фраках. Море спиртного и длинные столы, ломящиеся от разных яств. Мама танцует со своим генералом, Миха хохочет в кругу милых прелестниц, а я за всеми наблюдаю и радуюсь. Мы многое сделали для того, чтобы обрести эту спокойную, размеренную и роскошную жизнь. Кроме моей семьи, никто не видел и не знает, сколько всего мне пришлось пройти в академии, чтобы стать Пауком. Но я был уверен, что только так у нас появится шанс победить в Великом сражении и сесть на престол. И мы победили, но ценой жизни многих близких друзей.

Вдруг, совершенно неожиданно все пропало и наступила темнота. Я огляделся, но не увидел ни намека на свет. Странно, что за сон такой?

— Попался! — слышался радостный незнакомый голос, но я по-прежнему ничего не видел. — Я так и думал, что таких, как ты, лучше ловить во сне. Ну, здравствуй, Макс! Это я — граф Воронов.

Я не мог понять, это всего лишь сон или то, что услышал, прозвучало наяву. Вдруг вспыхнул яркий кружок света и осветил высокого статного молодого мужчину с черными волосами, блестящими и зачесанными назад.

— Я знал, что надо быть на страже с такими, как ты, — сказал он и поправил синий атласный платок на шее. — Макс Богословский.

Воронов с нажимом произнес мое имя и будто прислушался, как оно звучит.

— Наслышан о тебе. Не волнуйся, все говорили только о том, какой ты сильный маг и отличный человек. Жаль, что не смогу познакомиться с тобой поближе, — он печально вздохнул и посмотрел на часы. — Я нашел тебя и уже отправил своих людей... Прощай!

Я хотел ответить и уже набрал побольше воздуха в легкие, но тут граф пропал, а я вернулся в свой сон. Бал был в самом разгаре. Все веселились, танцевали, ели и пили. Но я знал, что мне надо проснуться. Притом немедленно! Я соткал паутину, способную вытащить меня из сна, но в тот момент, когда она активировалась и должна была сработать, вдруг магия пропала! Я был уверен, что ее оставалось достаточно для такого легкого заклинания, но сколько бы не пытался, не мог себя разбудить.

— Выдохни, — сказал я себе. — Ты просто устал. Этот лоснящийся хрен обманул, а если нет, то тело само проснется, когда появится опасность.

Я попытался сфокусироваться на прекрасном сне, но беспокойство не давало окунуться в приятные ощущения. Червь сомнения и тревоги бередил душу. Вдруг меня подняли. Нет, не во сне, а в реальности. Я почувствовал, как мои руки плетью болтаются в воздухе, а плечи и ноги крепко сжимают чьи-то руки.

— Эй-эй-эй! Что вы делаете?! — завопил я, но получилось только во сне.

Почему я не просыпаюсь? Я пощипал себя за нежные места, отвесил пару пощечин, даже с разбегу ударился о стену, но проснуться никак не получалось. Между тем, я чувствовал, что со мной происходит в реальности. Сначала меня бросили на что-то твердое, затем этот твердый настил подо мной заплясал, отчего голова и локти постоянно об него бились.

— Меня везут куда-то или это такие пытки? — подумал я, прислушиваясь, но звуки не проникали в сновидение.

Примерно через полчаса, или около того, меня снова схватили за плечи и ноги и понесли. Похоже, это все проделки Воронова. Только попадись мне, паскуда, я тебе не только башку маслом намажу, но и целиком в бутылку засуну! По частям!

***

Я уже потерял счет времени. Меня снова положили на что-то, но на этот раз мягкое. И я буквально провалился, будто лег на перину. Полежал немного, силясь пробудиться, и на этот раз удалось.

— Проснулся, наконец-то, — пробурчал знакомый голос, когда я только открыл глаза.

Я повернул голову и увидел Миху. Тот полулежал на своей кровати и щелкал семечки, разглядывая красочный журнал. Я снова лежал на кровати в комнате того дома, откуда сбежал. Меня не убили, уже хорошо. Осторожно пощупал себя и, удостоверившись, что со мной все хорошо, резко сел.

— Что я здесь делаю?

— Ночью тебя охранники привезли. Сказали, что нашли без сознания возле стены... Хотя это очень странно, я там проходил, когда искал тебя, — Миха задумчиво посмотрел вверх, но не найдя ответа, снова вернулся к изучению журнала с полуголыми девицами.

— Вранье! Я сумел выбраться наружу и даже добрался до города и поселился в гостинице, но этот гад Воронов что-то сделал со мной, и я не смог проснуться, пока они везли меня сюда.

Я прикрыл глаза и попытался нащупать остатки магии, но источник был пуст. М-да, надо все начинать с начала. Но я не расстроился, потому что уже знал, как действовать. В животе громко заурчало и я решил подкрепиться, прежде чем приступить к обдумыванию следующего плана побега. Но как только вышел из комнаты услышал слабый голос дяди.

— Максим, подойди ко мне.

— Здравствуй, дядя! Как ты себя чувствуешь? — нарочито бодро сказал я и улыбнулся, но он оставался серьезным.

— Меня предупредили, что если ты еще раз попытаешься сбежать, то они нас всех убьют.

— Вас-то за что убивать?

Дядя тяжело вздохнул и покачал головой.

— Нам нельзя покидать пределы этой деревни без разрешения. Ты забыл? Я уже старый, поэтому меня не жалко, но подумай о своей матери и брате. Император не допустит конкуренции, поэтому не выпустит нас к людям. Мы проживем остатки жизни здесь.

— О чем ты говоришь? Какой конкуренции?

Дядя с кряхтеньем приподнялся на подушках и, впериw в меня помутневшие глаза, еле слышно сказал:

— Мы проиграли. Нас одолели во время Великого сражения, хотя по силе мы во много раз превосходили противников. Я не знаю, как так получилось, — он закашлялся. — С тех пор на троне сидит Федька Палицкий. Тьфу, какой же он гнилой и подлый человечиска, — дядя брезгливо скривил губы, мельком взглянув на портрет императора. — Он не убил нас. Но, по-моему, я знаю, почему.

— И почему же? — я присел на краешек кровати и весь обратился в слух.

— Он качает из нас силы. Кормится нашей магией.

Тут сзади зашуршало, и послышался голос мамы:

— Максимушка, сынок, ты чего удумал, а? У меня чуть сердце не остановилось, когда ты пропал. Мишенька всю деревню по три раза обошел, а тебя не нашел. Хорошо, хоть охранники тебя домой привели.

Я пообещал маме больше не пугать ее и, кивнув дяде, спустился на первый этаж. Повариха напевала какую-то незамысловатую мелодию и месила тесто. От большой печи шел такой жар, что все мухи подошли и черными точками лежали на полу.

— Поесть бы, — подал я голос.

Женщина ойкнула, испуганно посмотрела на меня, но тут же раздобрела:

— А-а-а, господин Максим. Есть рулька свиная и щи из капусты. Будете?

— Буду! Голоден, как зверь. Неси в столовую, а то здесь жарче, чем в бане.

Пока ел, беспрестанно прокручивал в голове слова дяди. Я сам участвовал в сражении за трон, поэтому прекрасно знал, что не было у нас достойных противников. А Палицких я даже за врагов не считал, до того они были слабые и никудышные. Вот в таких родах, как

Воздвиженские или Успенские, были сильные маги, поэтому с ними больше всего пришлось повозиться. Интересно, а что с ними Палицкий сделал?

В это время по лестнице спустился Миха и подошел к входной двери. Я присвистнул и поманил его.

— Чего тебе? — недовольно спросил он. — Я на речку собрался. Поплавать хочу.

— С тобой пойду, — с готовностью вскочил я.

Он пожал плечами и вышел на крыльцо. Я доел сочную жирную рульку, запил клюквенным морсом и побежал следом. Миха уже успел сходить до бани и взял два полотенца.

— С утра солнце палит, — пожаловался брат и намотал полотенце на голову, наподобие чалмы. — В городе, говорят, такие штуки появились, из которых холодом дует. Вот бы нам такую!

— Будет, все будет, Миха. Ты лучше скажи мне, куда делись Воздвиженские и Успенские? Известно о них что-нибудь?

— Пф-ф-ф, — прыснул он. — У тебя до сих пор с головой плохо? Ты же сам к Олесе Успенской хотел подкатить, но ее отец помешал.

Я недоуменно уставился на брата. Никакую Олесю я знать не знаю. Миха посмотрел на меня и понял, что я ни о чем таком не помню, поэтому сжалился и объяснил:

— Во-он за теми деревьями стоит точно такой же дом, как и наш. В нем живут чета Воздвиженских с сыном Гришей и тремя дочерьми. Кстати, двое из влюблены в тебя, как кошки, и постоянно ошиваются под нашими окнами. И что они в тебе нашли? — Миха неприязненно оглядел меня с ног до головы.

— Не отвлекайся! — одернул я его.

— Ладно-ладно... А за тем стогом возле пруда стоит дом Успенских.

— Получается, что все три самых сильных магических рода живут в одной деревне? — удивился я.

— Да, — Миха дернул плечом. — В начале сильно враждовали, но без магии особенно не повоюешь. К тому же теперь делить нам нечего.

Слова дяди о том, что кто-то кормится нашей магией, стали обретать смысл. Мне надо было об этом подумать.

Между тем, мы подошли к речке. Миха быстро разделся и нырнул в прохладную воду, а я стянул рубашку и принялся прохаживаться по берегу, обдумывая услышанное. Во-первых, надо вырваться отсюда. А, во-вторых... что во-вторых? Убить императора Палицкого? Но, что это даст, если Палицкие победили сражение, а это значит, что за него может заступиться народ и не принять меня. Но, как они победили, если у них никогда не было ни собственных достойных магических сил, ни подготовленного войска, ни денег?

— Миха, — окликнул я брата. — А как мы проиграли? Что произошло?

Тот плескался посреди узкой, но глубокой речушки.

— Эх, хорошо! Что ты там застыл? Ай да в воду!

— Я спрашиваю, как мы проиграли? — повторил я вопрос уже намного громче.

Вдруг сзади кто-то откашлялся и я, испуганно вздрогнув, обернулся. По тропинке к нам спускался седой старик с живыми голубыми глазами. Он мне смутно кого-то напоминал.

— Здравствуй, Макс, — прохрипел он. — Ты что же это, забыл, как проиграл? — он засмеялся и снова зашелся в кашле. — А я думал, что такое до смертного одра помнят.

— Да, я головой ударился на днях, — соврал я. — С памятью проблемы начались. Вот и

тебя не помню.

— Э-хе-хе, ну давай заново знакомиться, — он протянул сухую морщинистую руку. — Олег Воздвиженский. Был когда-то графом, но сейчас просто старик. Немоощный, слабый старикан, — он горько усмехнулся.

Я пригляделся и понял, что он не пошутил. Передо мной, действительно, стоял глава одного из могущественного рода.

— Расскажи, что случилось? — я жестом пригласил на бревно, лежащее на берегу у кострища.

Старик, хрустя суставами, опустился на бревно и заговорил:

— Если честно, то я даже не понял, как тебя скрутили. Мы уже отступали после того, как ты обездвигил всех моих воинов и запер мой источник. А потом — БАЦ! — он хлопнул в ладоши. — По громкоговорителю оповестили, что императором становится Палицкий, — он огляделся, не подслушивает ли кто-нибудь, и продолжил. — Мы охренели, честное слово! Все уже признали и смирились с тем, что Саня, дядя твой, на трон сядет, но Палицкий? Он-то каким боком? А потом нас, Успенских и вас сюда привезли. Правда, — старик наклонился в мою сторону и прошептал, — вы все были без сознания. Я своими глазами видел, как вас на носилках в дом затаскивали. И забор этот с сеткой тут же натянули, будто у них все было готово. Уж сколько лет прошло, а мы так ничего и не узнали.

Он прихлопнул комара, впившегося в щеку, и почесал затылок.

— А сколько лет мы уже здесь?

— Тридцать лет.

— ЧТО?! Тридцать? — воскликнул я, не в силах сдержаться. — Но без магии, я бы уже выглядел, как... ты!

Я ткнул пальцем в его седые волосы, торчащие в разные стороны.

— Если бы ты был «пустым» человеком, то уже был бы, как я. Но в нас живет магия, она не может просто исчезнуть. Мы уже с дядькой твоим обсуждали это. Если бы мы смогли вырваться отсюда, то наполнились бы своей магией и дали отпор, а так из нас ее просто выкачивают, — он тяжело вздохнул. — Как только мы попали в этот загон, то все сразу же почувствовали, как магия утекает. Будто вода просачивается сквозь пальцы.

— Но почему за тридцать лет вы так и не смогли ничего придумать и вырваться отсюда? — во мне все бурлило от негодования. — В этом нет ничего сложного, у меня почти получилось!

— Максим, тебя бы в лазарет положить, — покачал головой Воздвиженский. — Совсем с головой плохо. Как мы без магии и оружия справимся с охранниками Воронова? Они круглосуточно дозором обходят стену. В первое время без стеснения нам под ноги стреляли, когда мы пытались с ними поговорить или просили позвать начальство. Ты забыл, как нещадно они тебя били? Как морили нас голодом? Как угрожали убийством? Это сейчас мы живем хорошо: обзавелись хозяйством и прислугой, а в начале ничего не было.

Я молчал. Меня не было с ними все эти тридцать лет. Я не мог помнить того, что со мной не происходило. Несколько дней назад я изнывал от скуки во дворце и мечтал найти новый способ развлечься, а теперь оказался в такой жопе, что прежняя жизнь казалась раем. В это время Миха вылез из воды и растирался серым махровым полотенцем. На его спине я увидел несколько длинных белых шрамов, которых раньше не было.

— Может и хорошо, что ты ничего не помнишь, — старик поднялся. — Я бы тоже хотел забыть все, но...

Он не стал договаривать, а печально вздохнул и поплелся вверх по тропинке. Погруженный в свои мысли, я разделся и медленно зашел в воду. После жары вода казалась ледяной, поэтому сердце бешено застучало и перехватило дыхание, но я смело шел вперед, увязая в мягком илистом дне. Глубоко вздохнув, я задержал дыхание и нырнул. Пока плыл против течения, пытаюсь хоть что-то рассмотреть в мутной воде, возникло ощущение, что все это не по-настоящему.

От нехватки воздуха в груди защемило, поэтому пришлось всплыть наверх. Брат сидел на бревне ко мне спиной, и я снова обратил внимание на его шрамы. Откуда они? Я быстро подплыл к берегу, вылез из воды и ковырнул ногтем самый длинный шрам, пролегающий по диагонали от левого плеча к правому боку.

— А-а-ай!!! Больно же! Ты что, дурак? — завопил он, вскочил на ноги и бросился на меня.

Мы повалились на песок и принялись кататься по земле. Он пытался ударить меня, а я крепко прижимал его руки.

— Идиот! — кричал Миха. — Совсем кукухой поехал?

— Прости, я не знал, что они настоящие! — мне было одновременно смешно и больно от его тумаков.

— Может, ты и свои поцарапаешь? Может, и твои ненастоящие?

Я отпустил его, вскочил на ноги и завел руки за спину. Неужели кто-то посмел тронуть наследника престола?! Точно! Нащупал твердые неровные полосы.

— Кто это сделал? — зло процедил я.

Миха стоял по колени в воде и смывал песок с разгоряченного тела.

— Да-а-а, похоже, у тебя серьезные провалы в памяти... Они нас приучали подчиняться. Плетями.

Я видел, что брат не врет и что ему очень тяжело даются эти воспоминания. Только сейчас я понял, почему моя семья так спокойно относится к тому, что мы живем в этом загоне. Их просто пригнули, прижали к ногтю, поставили на колени. Твари!!! Я убью всех, кто к этому причастен!

Я закинул одежду на плечо и быстрым шагом направился к дому. Мне нужно было снова поговорить с дядей. Мы с ним вдвоем участвовали в сражении, и он должен знать, что тогда произошло. Лично я помнил каждую секунду боя. Я знал каждого, кто пытался пробить мою броню, и беспрепятственно вытягивал из них магию.

После смерти предыдущего императора — Алексея Благородного, мы, его ближайшее окружение и представители древних родов, встретились на огромном поле, на котором раньше выращивали пшеницу. Главы родов договорились честно биться до победы, используя магию и свои войска. Так все и было! Никто не подличал и не действовал исподтишка. Сначала против нас выступили Успенские. У них были не только русские воины, но и много наемников из других стран. В том числе вудуисты и шаманы. Мне даже понравилось вытягивать из них чужеродную магию.

Сотканную из магии паутину видел только я, и она всегда была сверкающего белого цвета. Но после того, как я высосал ведьму, практикующую вуду, на паутине появились красные вкрапления, которые пульсировали и притягивались друг к другу. Воины Успенских, на которых попали эти вкрапления, в муках погибали, в то время как остальные лишь стояли обездвиженные. Мне не было жаль погибших. Они сами к нам пришли с такой магией и на их месте могли быть наши воины.

— Максим! — услышал я девичий крик и обернулся.

Ко мне бежала девушка в длинном белом платье и с золотистыми распущенными волосами. Я не успел опомниться, как она бросилась в мои объятия, схватила за шею и жадно впилась в губы. Неплохое начало знакомства!

— Пойдем, скорее, — девушка схватила меня за руку и потянула за собой.

— Куда? — я не был готов к такому напору, поэтому заупрямился.

— Какой же ты недогадливый, — топнула она ножкой. — На сеновал. Куда же еще?

Нет, я, конечно, еще тот сердцеед, но все же предпочитал сам выбирать с кем спать. А эта девушка, хоть и была довольно миленькая, не вызывала сексуального желания. Может, именно потому, что сама вешалась. Я мягко освободился из ее объятий и, отступив на шаг назад, спросил:

— Кто вы такая?

— В каком это смысле: кто? — еле слышно спросила она и опустила уголки губ. Вот-вот заплачет.

— Дело в том, что ударился головой на днях, — вновь повторял я заготовленное объяснение. — Поэтому плохо помню людей, события, даты. Короче, всё.

— Сильно ударился? — вмиг забеспокоилась она и потянула руки к моей голове. — Где больно? Покажи. Может, сбегать до ворот и попросить медика прислать? С головой шутки плохи. Вот дядя мой, Ипполит Валентинович, в детстве с печки упал. Так дурачком на всю жизнь и остался. Нет, ты не подумай: гены у нас хорошие, наследственных проблем с головой нет. Это за ним недоглядели, недолечили и все — идиотом остался. Мама говорила, что он до третьего класса доучился, а дальше не смог. Он и до сих пор жив-живехонек. Любит радио ремонтировать и на охоту ходить. Только ни читать, ни писать так толком и не научился...

— Девушка, — строго прервал я длинную тираду. — Со мной все в порядке, а вашего имени я так до сих пор и не услышал.

— Олеся я... Успенская.

Знакомое имя. Помнится, Миха что-то про нее говорил.

— Олеся? Очень приятно! А я Максим Богословский, — я протянул руку для рукопожатия. Она с удивлением уставилась на нее, затем легонько пожала. — Так чем я могу быть для вас полезен?

— Ничем, — пригорюнилась она. — Я просто поздороваться хотела.

Я кивнул, развернулся и бодро зашагал к дому, чувствуя на спине ее взгляд. Вот так-то, милая, Богословский никогда не станет ручным и податливым. Еще ни одна женщина не может похвастаться тем, что заарканила Паука.

Чтобы немного сократить путь, я свернул с дороги на луг, сразу за которым стоял наш дом. Над густой травой летали шмели и стрекозы. Солнце пересекло небо и повисло над деревьями. Где-то вдали тарахтел трактор.

Я неспеша добрался до дома и, скрипнув калиткой, зашел во двор. Повариха и еще одна женщина возились на грядках, мама на крыльце плавно покачивалась в кресле-качалке и вязала носок, мужик в лаптях косил траву вдоль забора.

— Ты почему в лаптях? — подошел я к нему. — Не девятнадцатый век на дворе.

— Мне нравится, — пожал он плечами. — Вернусь домой и снова надену костюм, туфли и завяжу галстук.

— Так ты не местный? — удивился я.

Он удивленно посмотрел на меня, будто я уже задавал этот вопрос. Как же меня это

достало! Но виду я не подал.

— Я работаю бухгалтером, а сюда приезжаю отдыхать в отпуске. Впрочем, как и все, — он выпрямился и с улыбкой огляделся. — Здесь так красиво! Не то, что в городе — серая серость.

Услышав, что он городской, я воодушевился. Наконец-то смогу прояснить то, что меня волновало:

— Почему нет вывесок и везде всё одинаковое? Ведь раньше все было по-другому. Помнится, при Алексее Благородном столько церквей, музеев и парков построили, что город сам стал похож на музей. А сейчас куда ни глянь — серые квадраты.

Он вытащил из-за пазухи потной рубахи пачку сигарет и протянул мне. Я отказался, так как никогда не поощрял любые виды пристрастий, кроме карточных игр. В своей прежней жизни за карточным столом в компании благородных и честных людей я проводил ночи напролет. Дело даже было не в сумме выигрыша, а в самом выигрыше. Мне нравилось побеждать везде и всюду.

— Все это делается для того, чтобы уравнивать нас, — сказал мужик и глубоко затынулся. — Чтобы никто не выделялся и не завидовал. Все знают, что я из семьи бухгалтеров, поэтому не могу стать кем-то другим. Все знают сколько я зарабатываю и что могу себе позволить. Никаких тайн и сюрпризов — все предельно прозрачно. Я не жалею, мне очень повезло родиться в такой семье. Вот мой друг работает дворником. Умнейший человек! Но так распорядилась судьба.

Он выпустил густой дым через нос и задумчиво посмотрел на небо, а я его не торопил и внимательно слушал. Мне нужно было знать все, что творится в этой новой реальности. Когда правила моя семья, все люди были свободны. Каждый мог делать то, к чему лежала душа. Кто-то пек хлеб и приманивал людей красивой вывеской с аппетитной булкой и ароматами, исходившими из кухни. Кто-то чинил часы и обвешивал свою витрину циферблатами разных размеров и расцветок. Люди были свободны и... счастливы? По крайней мере мне так казалось.

— Только в охранники и в наемники принимаются добровольцы. Поэтому их так много, что страшно на улицу выходить. Могут подойти к тебе, схватить под руки и увести в кафе.

— Зачем? — удивился я.

— Затем, чтобы ты оплатил их обед, — грустно усмехнулся он. — Моего соседа в магазин затащили. Так он всю зарплату там оставил, а потом ходил и у всех денег занимал, чтобы семью прокормить... Хуже бандитов, честное слово.

— Куда же смотрит император? — возмутился я. Хотя, понятное дело, без его попустительства или прямого одобрения, такого быть не могло.

Мужик усмехнулся и, понизив голос, сказал:

— Здесь всем Воронов заправляет. Вся власть в его руках, а император только развлекается. Глупый он и ленивый. Поэтому до людей дела нет... Никому дела нет, мы сами по себе.

Он снова взялся за косу, а я пошел в сторону дома. Опять этот Воронов. И откуда он вылез? Когда поднялся на крыльцо, мама улыбнулась мне и снова вернулась за вязание. Миху я нашел в столовой. Он сидел за столом и со скучающим видом ел малиновое варенье.

— Пришел, наконец-то, — проворчал он. — Я уж испугался, что ты опять что-то учудил.

— Что ты помнишь о днях Великого сражения? — я сел рядом, отобрал ложку и

подвинул к себе пиалу с вареньем.

— Ничего не помню. Меня там не было. Я в тылу был на подхвате. Сам же велел мне не вмешиваться, — сухо сказал он. — Не надо было тебя слушать. Может, тогда все по-другому бы было.

Я промолчал. Он прекрасно знал, почему я его не взял. Во-первых, из-за мамы. Я не был уверен, что вернусь живым. Во-вторых, потому что он почти не развил свои магические способности. Даже академию с трудом закончил и то с помощью дяди. Мой брат не был воином и с гораздо большим удовольствием поехал бы на пленэр куда-нибудь в Кижисрисовать церкви.

Доев приторно сладкое варенье, я поднялся на второй этаж и подошел к комнате дяди. Он спал, тихо посапывая. Решил не будить его и уже закрывал дверь, когда взгляд упал на зеркало. В прошлый раз мне не понравилось то, что я увидел, но сейчас я уже многое знал, поэтому смело подошел и посмотрел на себя. В принципе не так уж и плохо. Всего лишь надо скинуть пару десятков лет и подкачать мышцы. Что же все-таки случилось, пока меня не было? Ясно было одно — изменилось прошлое. Жаль, что я лишился возможности контролировать магическое поле империи. Тогда бы я точно знал, где появился могущественный маг, способный на такое сильное заклинание, и обязательно бы его остановил.

Медленно, чтобы не скрипели половицы, я вышел из комнаты и спустился на первый этаж. Миши в столовой не было, поэтому я вышел на улицу.

— Максимушка, — позвала мама. — Никуда не уходи. Банька подроспела. После Мишеньки пойдешь ты, пока жар крепкий.

Я кивнул, а она поднялась с кресла и зашла в дом. Банька... Раньше для меня баня была скорее экзотикой. Обычно я принимал ванну в компании моих прелестниц. Они намывали меня, поливали, делали массаж, кормили сладостями и поили вином. Верните мне прежнюю жизнь!!!

В расстроенных чувствах я вышел за калитку и быстро зашагал в сторону стены, чтобы еще раз посмотреть на нее. Меня, словно магнитом, тянуло к ней. «Стена безумцев» виднелась над деревьями и походила на сетку, натянутую для игры в волейбол. Только голубой переливающийся свет предупреждал об опасности. Было так странно, что с помощью тонкой, на вид невзрачной сетки, удерживают самых сильных магов империи. Кто ее сделал? Что это за магия такая? Я все больше и больше убеждался в том, что объявился кто-то очень сильный. Но у меня даже не было догадок, кто бы это мог быть.

Я спрятался в кустах и огляделся. Возле стены не росли ни деревья, ни кусты, поэтому пришлось лечь на землю и подползти к стене по-пластунски. Неподалеку слышались голоса и смех, хотя я находился на противоположной стороне от ворот. Интересно, они усилили охрану после моего побега или их всегда было так много? Удостоверившись, что меня никто не видит, я открыл источник и принялся вытягивать энергию сетки. Как и в прошлый раз, она не хотела мне подчиняться, поэтому после двухчасового усердного скачивания, в источнике были лишь жалкие крохи. Разозлившись, я уже хотел позвать охранников и вытянуть их жизни, но вовремя опомнился и пошел домой. Сейчас нужно быть очень осторожным, ведь я пока слаб и не могу защитить свою семью.

Миха стоял у калитки, вытирал полотенцем волосы после бани и с беспокойством высматривал меня.

— Где ты опять ходишь? — напустился он. — Если не успокоишься, я тебя к кровати

привяжу.

— Не сможешь, — усмехнулся я. — Вместо того, чтобы ругаться, давай лучше вместе подумаем, как выбраться отсюда.

— Всё уже думали и передумали не по одному разу. Нет отсюда выхода! Лучше наслаждайся последними деньками на воле. Когда нас переселят в город, улицу мы будем видеть только из крохотного окна.

Упадническое настроение брата мне не нравилось, хотя я понимал, что он здесь уже тридцать лет, а я всего лишь несколько дней.

— Мы будем свободны, — твердо сказал я. — Не сомневайся.

Я решил не откладывать в долгий ящик изменения своей внешности, поэтому первым делом пошел в дровяник и, взвалив на плечи тяжелую чурку, принялся приседать. Колени хрустели, плечи болели, но я присел аж двадцать раз. Затем подтянулся на стойке для выбивания ковров. Правда, смог всего лишь пять раз. С непривычки мышцы заныли, но я не останавливался и, взобравшись на крыльцо, начал отжиматься. Миха смотрел на меня с интересом, но не спешил присоединиться.

Солнце уже скрылось за деревьями, когда я, уставший и голодный, зашел в остывшую баню, разделся и с трудом опустился на скамью. Все тело ныло, а ноги подрагивали от напряжения. Но меня это мало волновало. Я привык к нагрузкам и знал, что через пару дней боль уйдет. Меня угнетало то, что я и мои родные вынуждены жить в клетке, которую местные называют загоном. Если бы я не был Максом Богословским, то может быть и смирился со своим положением и постарался построить жизнь здесь, но я был Максом и к тому же Пауком!

Я сделал теплую воду в эмалированном тазу и взялся за мыло. Это был светло-коричневый брусок, пахнувший стухшими носками и запревшим сеном. М-да, после благоухающих эликсиров в хрустальных флаконах мыться таким мылом было тяжело. Будто я, наоборот, пачкался. Наскоро помывшись, я вышел в предбанник и лег на лежанку на старый матрас. В полутьме бани хорошо думалось, поэтому я полностью окунулся в план побега.

Я бы мог снова попытаться сбежать через ворота, но боялся за свою семью. В первую очередь я должен позаботиться об их безопасности. Мы все лишились магических сил, поэтому дядя сильно постарел и одряхлел, от мамы не осталось бывшего величия, а Миха смирился. Но даже если мы сможем сбежать, то куда мне их спрятать? В деревне не было безопасного места, поэтому надо вывезти их в город и спрятать. Даже если я смогу открыть ворота, то куда мне их отвезти? В этой реальности у меня не было доверенных людей. Хотя...

— Гостиница! — воскликнул я и хлопнул в ладоши.

Идея была рискованная, ведь оттуда меня уже забирали. Но другого выхода я не видел. К тому же администраторша вроде адекватная женщина и если хорошо попросить и придумать правдоподобное объяснение, то может и не сдаст. Только надо где-нибудь раздобыть деньги.

— Фу-у-у-ух, — с облегчением выдохнул я. — Одной проблемой меньше. Теперь осталось понять, как открыть эти чертовы ворота!

Конечно, можно было попытаться сделать подкоп подальше от ворот в надежде, что охранники не помешают, но мне все равно была нужна машина. Без нее я не смогу отвезти стариков в город.

Тут дверь предбанника распахнулась и на пороге появилась дородная девица с

подносом в руках.

— Госпожа велела принести вам чаю, — громко провозгласила она, зашла и поставила поднос на небольшой столик.

На подносе были тарелка с пышным омлетом, корзинка с пирожками и большая кружка чая. Я потянулся к кружке и замер, с удивлением глядя на девицу. Та, без стеснения стягивала юбку, а хлопковая блуза уже была расстегнута, и виднелись полные груди.

— Ты что делаешь? — опешил я.

— А что? Не надо? — она остановилась и посмотрела на меня томным взглядом из-под густых черных ресниц.

Я на мгновение потерял дар речи. Ну, до чего же здесь девицы наглые и распущенные!

Когда я был наследником престола, меня пытались обольстить все свободные придворные женщины. Притом от совсем молоденьких девушек до знатных мадам, но ни одна из них не была раскрепощенной (или развязной) до такой степени. Видимо, кроме меня здесь больше не было хороших любовников.

Между тем девица застыла в нерешительности и выжидательно уставилась на меня.

— Спасибо за поднос с едой, — улыбнулся я. — Вы свободны. Хотя, можете помыться, но печка уже остыла, поэтому жара нет. А воды еще достаточно, — я взял пирожок и откусил большой кусок.

Она покрылась красными пятнами, глаза увлажнились, и нижняя губа стала чуть подрагивать. Мне даже стало совестно, что я вот так вот взял и отшил любвеобильную девицу, но мне, если честно, претило такое поведение. Секунды три она смотрела на меня телячьими глазками, затем быстро оделась и выскочила на улицу. Ну, я не прогонял, могла бы и помыться.

Съев всё, что было на подносе, я поплелся к дому. Мышцы после бани еще сильнее заныли, но это была приятная боль, которая говорила о том, что они начали работать и расти.

В доме было темно, только на кухне горел ночник и светило бра на стене у лестницы. Я порадовался тому, что есть электричество и не надо искать свечу или лучину. Когда проходил мимо комнаты дяди, увидел, что он не спит, а читает газету. Я зашел в комнату, поздоровался и прикрыл за собой дверь. Мне нужно было поговорить о том, что произошло во время сражения.

Когда дядя услышал вопрос, то замолчал ненадолго, затем аккуратно сложил газету и заговорил:

— Все отступили. Я даже успел распорядиться, чтобы открывали вина и жарили мясо для наших воинов. Потом... — он задумался. — Последнее, что я помню — это ты. В своих позолоченных доспехах, с красным плащом за спиной. Я знал, что ты закрыт паутиной-оберегом и все еще выкачиваешь чью-то энергию, но это была уже победа. Больше никто не осмелился выступить против тебя. Затем... наступила темнота. Это произошло так внезапно, что я сначала подумал, что ослеп. Помню, что видел кого-то, но так и не смог вспомнить кого. Потом мы все проснулись здесь. Без магии, без войска и без денег. Они отобрали все, что у нас было.

Мы посидели немного в тишине, погруженные в свои мысли. Затем дядя сложил газету и положил ее на тумбочку.

— Я опять не смог прочитать ни слова. Зрение совсем испортилось, — пожаловался он. — Но привычка брать газету в руки перед сном осталась... Чувствую, как жизнь утекает.

Он накрылся одеялом и закрыл глаза. Я пожелал ему спокойной ночи, прикрыл дверь и ушел в свою комнату. Миха опять полулежал на кровати и рассматривал тот же самый истрепанный журнал. Я достал с сундука чистые трико с рубашкой, переоделся и лег в кровать. От усталости и переживаний, долго не мог уснуть, и проворочавшись не меньше часа, погрузился в дрему.

Сначала мне ничего не снилось, только темнота. Но вдруг вспыхнул кружок света и в нем появился граф Воронов.

— Ну что, Макс, ты уже понял, что проиграл?

В мой сон опять пробрался прилизанный Воронов. Он щелкнул пальцами, и в центре светлого круга появилось бархатное кресло.

— Ты не против, если я сяду? — с издевкой спросил он и развалился в кресле.

— Что ты хочешь? — мой голос прозвучал приглушенно, будто я находился в небольшом замкнутом пространстве.

— Ничего, — усмехнулся он. — Просто зашел в гости. Нельзя?

— Нельзя! — рявкнул я. — Я тебя не звал. Убирайся отсюда! Но помни, что мы обязательно встретимся и тогда...

— Ой-ё-ёй, как страшно! — перебил он и расхохотался. — Ты себя-то видел? А годы идут, и ты будешь стареть, как «пустой» человек. Потому что ты и есть «пустой»! Весь ваш род вымрет, как и остальные неподвластные нам. А мы будем жить не три столетия, а пять или шесть. Пока не знаем, насколько хватит тех сил, что мы выкачиваем из вас.

— Твари! Я доберусь до вас, можешь не сомневаться! — я бы с удовольствием навалял ему, но не знал как, потому что не чувствовал своего тела.

— М-м-м, — Воронов озадачено сдвинул брови. — Ты поменялся. За последние годы ты успокоился и принял свою новую жизнь. Что же произошло?

— Не твое собачье дело, ублюдок! Отпусти нас и верни трон, иначе ты уже мертвец!

— Зачем же так грубо? Я пришел к тебе с благими намерениями.

— С какими же? Подразнить меня? Поздравляю, тебе удалось. Можешь не сомневаться — я убью тебя! Выпотрошу твои кишки и...

— Закрой свой рот! — взвизгнул он и вскочил на ноги. — Я не хочу это слушать!

— Нет, ты послушай! Что произошло во время сражения? Что вы сделали? Ведь ты прекрасно знаешь, что это мы, Богословские, победили. Мы должны править империей!

— А вот и нет! — заорал он и весь затрясся, теряя самообладание. Его лицо покраснелось, а длинные черные волосы в беспорядке разметались в разные стороны. — Мы просто ждали, когда останется один враг, чтобы не тратить силы. Мы победили вас!

— Мы — это ты и император? — спокойно спросил я. — Или с вами еще кто-нибудь был?

— Нет-нет, никого, — энергично замотал он головой.

Его глаза бегали, а лицо побелело. Я понял, что что-то нащупал и решил давить дальше.

— Так, кто там еще был?

— Всё! Разговор окончен! — прокричал он и пропал вместе с креслом и кружком света.

Остаток ночи прошел без происшествий. Я так устал, что даже сны не снились. Утром проснулся от яркого солнечного луча, бьющего в глаза. Миха храпел с журналом на лице.

После сытного завтрака, состоящего из молочной рисовой каши, вареных яиц и пирога с малиной, я вышел на улицу и рысцой побежал к сетке. Я решил, что буду вытягивать столько энергии, сколько смогу. Рано или поздно я сумею наполнить источник хотя бы на четверть. Однако за два часа смог накопить лишь на то, чтобы поджечь спичку. Такими темпами мне придется копить силы в течение нескольких лет, но меня это не устраивало. Тем более, когда нас собираются переселять в город в крохотную квартирку.

Когда вернулся домой, то у калитки меня встретил Миха.

— Скоро придут.

— Кто? — не понял я.

— Охранники. Проверка сегодня, — увидев мой недоуменный взгляд, он пояснил. — Раз в квартал приходят с какой-то штукой и у каждого измеряют уровень магии. Больше одного деления быть не должно, иначе уведут и вернут через день в истощенном состоянии. Тебя три раза уже уводили. И откуда ты только магию черпал?

Я промолчал. Видимо, раньше я тоже пытался вытягивать из сетки, но меня ловили на этом и снова лишали всей магии. Вдруг сзади послышался звук двигателя и из-за поворота появился коричневый внедорожник. Я решил, что лучше не попадаться с ворованной из сетки магией, поэтому быстро использовал ее на то, чтобы вырастить подсолнух. Растение прямо на глазах вытянулось и раскрыло лепестки, обнажив черную сердцевину спелых семечек.

Внедорожник остановился у забора, и из него вывалились пятеро молодчиков. Они неспеша подошли к нам, и один из них вышел вперед. Это был крупный мужчина с густыми темными бровями и огромными мускулами, обтянутыми серо-зеленой формой.

— Уже ждете меня, детки? — усмехнулся он. — Соскучились по дяде Вене? А чего такие напуганные? Опять что-то натворили?

— Мы не детки. И ничего не творили, — с вызовом сказал Миха. — Доставай свок хрень и проверяй.

«Дядя Веня» усмехнулся и вытащил из кармана круглый амулет с красными камнями и непонятными знаками. Миха расстегнул рубашку на груди и подошел к нему. Тот приложил амулет к груди брата, и все воззрились на камни. Один красный камушек сначала слабо замигал, но уже через пять секунд потух.

— Норм, — кивнул мужчина. — Следующий!

Он многозначительно посмотрел на меня. А я еле сдерживался, чтобы резким ударом не положить его на землю и прижать коленом, требуя извинений.

— Ну-у-у! — прогудел он. — Шевелись, дохляк!

Миха повернулся ко мне и еле заметно кивнул, будто предупреждал, чтобы я не злил этого «дядю Веню» и сделал так, как он говорит.

— Ладно, — выдохнул я. — Дай мне эту штуковину. Я сам проверю.

— Щас-с-с! Не зли меня, бывший граф, — он сплюнул. — Довольно ты нам нервы попортил своим поведением. Опять за старое взялся?

Сзади послышался шелест ткани, и я понял, что к нам торопится мама. Пришлось нехотя расстегнуть рубашку и подойти к нему. На амулете сначала вспыхнули два камня, но второй пару раз мигнул и погас. Зато первый горел ярким красным пламенем.

— Хм, — мужчина задумчиво помял подбородок. — Тебе повезло. Если бы второй не погас, то поехал бы снова в изолятор.

Он окинул изучающим взглядом встревоженную маму, остановившуюся неподалеку.

— В тебе, старой, точно нет магии, так что можешь быть свободна. И брата твоего проверять не буду. В прошлый раз уже был одной ногой в гробу, — он повернулся к своим людям. — Поехали дальше!

Я смотрел вслед удаляющейся машине и дал себе слово, что больше никто и никогда меня не унизит безнаказанно.

— Где находится этот изолятор? — шепотом спросил я у Михи.

— Где-то в городе, — махнул он рукой. — Бутырка называется. Но я там никогда не был.

— Ой, поглядите-ка, подсолнух созрел! — воскликнула мама.

Миха и я промолчали, а повариха увидела и тоже принялась охать и ахать.

— Пойдем, позанимаемся? — предложил я брату.

— Зачем? — равнодушно спросил он. — Какой в этом смысл?

— Тебя, кроме журнала, уже ничего не интересует? — напустился я. — Ты же совсем распустился!

Я ткнул пальцем в его впалую грудь и потрогал тощие руки.

— Журнал остался еще с тех времен, когда мы жили в особняке на побережье. До этого проклятого сражения, когда мы потеряли всё! — он развернулся и быстрым шагом направился к дому.

— И что теперь? Лечь и ждать смерти?! — крикнул я ему вслед.

— Хотя бы, — буркнул он и с силой хлопнул дверью.

Мама и повариха притихли и с беспокойством посмотрели на меня. Я их успокоил, сказав, что Миха просто не в духе, и зашагал к дровянику. В течение двух часов я таскал тяжелые чурки, отжимался, приседал и растягивался. Я был спокоен, потому что в моем мозгу уже зрел план освобождения.

Когда я подошел к колодцу, чтобы набрать воды, то услышал со стороны леса за речкой пронзительный крик. Я замер и прислушался, но крик больше не повторился. Тревожное чувство в груди не давало расслабиться, поэтому снял мокрую от пота рубашку и со всех ног бросился к лесу. Чем ближе был, тем сильнее мне стало казаться, что кричала птица или животное. Я остановился на берегу реки и прислушался, пристально вглядываясь в лес и тяжело дыша. Сначала ничего не услышал, но когда отдышался, то разобрал какую-то возню. Недолго думая, сбросил кеды и полез в воду. Река была узкая, поэтому уже через минуту я вылез на другом берегу и побежал в густой лес. Звуки борьбы и хруст веток стал ближе. Вдруг среди толстых многолетних берез я увидел девушку в знакомом белом платье, а рядом с ней охранника. Мне было больно идти без обуви по лесу, но я не обращал на это внимания. Тем более, когда разглядел охранника. Это был тот самый «дядя Веня».

Он прижимал зареванную Олесю к дереву, одной рукой закрывая ей рот, а второй разрывая на ней платье. Я понимал, что пока уступаю ему в физической форме, поэтому надо действовать решительно. Устроившись за тополем так, чтобы охранник меня не увидел, я открыл источник и принялся выкачивать из него жизнь. Я очень боялся прихватить силы Олеси, поэтому тщательно фильтровал энергию «пустого» человека.

— Ты что делаешь, ведьма?! — заорал «дядя Веня».

Я выглянул из-за дерева и увидел, что он схватил девушку за шею, а та захрипела. Времени на обдумывание не было, поэтому я заорал диким голосом и побежал к ним. Охранника уже шатало, но он все еще был силен. Увидев меня, он отпустил Олесю и выставил кулаки перед собой. Недолго думая, я подпрыгнул, схватился за толстую ветку и двумя ногами пнул его в грудь. «Дядя Веня» отлетел и грузно упал в малинник. Чертыхаясь, тут же выполз обратно и поднял с земли тонкое поваленное дерево, у которого торчали сучки в разные стороны. В два прыжка я очутился рядом с ним и теперь уже без стеснения распахнул источник и вытягивал из него энергию. Однако у охранника еще были силы, поэтому он замахнулся и ударил. Я пригнулся, но острый сучок успел поцарапать мне шею. Я не обратил на это внимания и с размаху ударил его по горлу, не забывая вытягивать жизнь. Он уронил дерево, схватился за горло и сдавленно застонал. Через полминуты охранник упал и, прямо на глазах, высох и почернел, превратившись в мумию. Я подошел и подобрал с

земли амулет с камнями, который выпал из его кармана.

— Надо его спрятать, — услышал сзади хриплый голос девушки.

Повернулся к ней и вдруг почувствовал прилив нежности. Зареванная, испуганная, растрепанная и незащищенная. Она смотрела на меня с таким обожанием и благодарностью, что мне стало неловко.

Я нежно прижал ее к себе и дал вволю поплакать. Она рыдала так, что слезы дождевыми каплями катились по моей груди и пропитывали и без того мокрые штаны. Спустя десять минут, когда Олеся немного успокоилась, я внимательно осмотрел ее: на скуле синяк, руки и ноги в царапинах и кровоподтеках, на шее бордовые кружки от пальцев. Вот урод! Оказалось, что он увел ее из дома под предлогом примерки гуманитарной помощи в виде женских нарядов, которые отправили городские женщины. Такое уже бывало, поэтому ему поверили.

— Его нельзя оставлять, иначе найдут и догадаются, кто это сделал, — настойчиво повторила она.

— Не волнуйся, я избавлюсь от него, — я поцеловал ее в лоб, затем нагнулся и взвалил мумию на плечо.

Если бы охранник остался при прежнем весе, то мне пришлось бы туго, но в виде мумии он весил не больше двадцати килограммов. Олеся показала, где ближайший брод, и мы перешли на другой берег.

— Куда ты его несешь?

— К кострищу. Сожгу эту паскуду!

С помощью энергии, которую вытянул из «дяди Вени», я поджег бревно, на котором сидел старик Воздвиженский, и бросил мумию в пламя. Огонь затрещал, и в небо повалил черный дым.

Олеся не хотела пугать родителей, поэтому попросилась ко мне домой, чтобы успокоиться и привести себя в надлежащий вид.

— А синяки ты куда спрячешь? Завтра они еще сильнее будут видны.

— Я им все объясню. Но позже. Сейчас мне нужно успокоиться.

Я согласился и мы, взявшись за руки, зашагали по тропинке к дому. Мы шли молча, обдумывая произошедшее. Я украдкой поглядывал на нее и с удивлением отметил, что она милая и в обычной жизни я бы не прошел мимо, а обязательно познакомился и, вполне вероятно, начал ухаживать. Но сейчас было точно не до этого. Мне надо было спасти семью, найти виноватых в изменении реальности и вернуть все на прежние места.

Увидев Олеся, мама забеспокоилась и принялась выпрашивать и хлопотать. Царапина на моей шее оказалась глубокой, поэтому кровь успела пропитать рубашку, отчего мама еще сильнее занервничала. Затем причитая и скорбно покачивая головой, быстро обработала рану и заклеила ее пластырем.

Мы плотно пообедали, и я вышел на крыльцо и опустился в кресло-качалку. Мне надо было остаться наедине и хорошенько обдумать новый план. Я вытащил из кармана амулет и приложил к груди. Зажегся всего один камень, но горел ярко и непрерывно. Этого было мало, очень мало. Как же мне наполнить источник? Может, кто-нибудь добровольно поделится? Точно!

Я вскочил и бросился в дом. Через десять минут Миха и Олеся вышли из калитки и зашагали в разные стороны: Олеся — домой, а Миха к Воздвиженским. Я не мог найти себе места и непрерывно слонялся по столовой, бросая нетерпеливый взгляд в окно.

— Да, сядь ты уже! — прикрикнул дядя. — Придут, никуда не денутся.

Он лежал на диване и строго смотрел на меня из-под седых кустистых бровей. Шумно выдохнув, я взял стул и сел у окна. Тем временем, мама и повариха носили из кухни тарелки и блюда с едой.

— В последние годы мы уже почти не ругаемся, — дядя с кряхтеньем сел и опустил ноги на пол. — Если они тебе не поверят, значит полные идиоты.

— Вообще-то, вы мне тоже не верите, — горько усмехнулся я.

— Я верю! — твердо сказал он. — Скажу честно, сначала думал, что ты перепил, когда бычков на базар возил. Но теперь и сам вижу, что ты снова такой же, каким был, когда нас сюда поселили. Будто и не было этих тридцати лет.

Спустя полчаса томительного ожидания калитка скрипнула. Я бросился к окну и увидел, как вслед за Михой идут старик Воздвиженский с женой и за ними молодой мужчина с красным родимым пятном на щеке. Я узнал Гришу Воздвиженского. Ох и сильный он был противник! Но сейчас шел, сгорбившись и подволакивая левую ногу. Последними во двор зашли три женщины, в которых я с трудом узнал дочерей Воздвиженского. Как же сильно все изменились!

Я побежал навстречу и распахнул дверь, когда они только поднимались на крыльцо.

— Милости прошу! Спасибо, что пришли.

— Отчего же не прийти, если в кои-то веки соседи в гости позвали, — ворчливо сказал старик. — Мы с пустыми руками. Уж не обессудьте.

— Ничего-ничего, — торопливо сказала мама, выплывшая из-за моей спины. — Приходите, гости дорогие. Мы уж и на стол накрыли.

— Видно, трудный будет разговор, — усмехнулся Воздвиженский и первым зашел в дом. Остальные потянулись за ним.

Я кивнул с благодарностью Михе. В это же время с улицы донеслись голоса. Это Олеся вела свою семью и упрашивала их дать мне возможность выговориться.

— От вас пока ничего не требуется. Просто послушайте то, что хочет сказать Макс.

— Ничего путного он не скажет. Уж сколько раз пытался сбежать, но до сих пор здесь прохлаждается. Что за муха его опять укусила? — я усмехнулся, услышав гнусавый голос Гены Успенского.

Этим голосом он не раз жаловался на меня преподавателям Петербургской академии. Гена был на год старше, но я его частенько задирал из-за его нытья и жалоб. Ничего не поделаешь: молодой был и вспыльчивый.

Через пару секунд из-за сарая появились Олеся, Гена, их отец и младший брат Женя. Девушка замахала рукой, счастливо улыбаясь. Я помахал в ответ, на что получил уничтожающий взгляд Гены.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — мама поклонилась и указала рукой. — Проходите-проходите, не стойте в дверях.

Теперь все были в сборе, поэтому я закрыл дверь на засов и, собравшись с духом, вошел в столовую. Все активно переговаривались и без стеснения накладывали еду в свои тарелки.

— Я рад, что вы пришли..., — начал было я, но дядя меня остановил.

— Сначала поедим, выпьем, а потом уж и к делу приступим. Правильно говорю?

Прозвучал гул одобрительных возгласов. Я не стал настаивать и, придерживаясь правил светской беседы, уделил внимание всем гостям. Братья Олеси на мои вопросы отвечали односложно, поэтому я быстро переключился на сестер Воздвиженских. Вот они-то были

вне себя от радости и беспрестанно строили мне глазки и заигрывали. Было видно, что Олесе это не нравится, но она вела себя достойно и тоже поддерживала разговор. Наконец, когда все было съедено и выпито, дядя откашлялся и постучал вилкой по бокалу.

— Друзья, мой племянник хочет вам кое-что рассказать. Скажу сразу, в это трудно поверить, но я ему верю.

Все притихли и выжидательно уставились на меня. Ну что ж, была не была! Я начал свой рассказ издалека, со дня Великого сражения. Когда мы — Богословские, в честном поединке победили остальных претендентов и заняли императорский трон. Затем, опуская ненужные подробности нашей роскошной жизни и своих развлечений, включая перемещение в будущее, рассказал о том, как я проснулся здесь и первое время думал, что это постановка и все играют. Меня никто не перебивал и только двое смотрели недоверчиво: братья Олеси.

— Зачем ты нам это рассказал? — прервав тишину, спросил старик Воздвиженский.

— Надо вернуть все на свои места, — решительно сказал я. — Мне нужна ваша помощь. Когда я верну трон дяде, вы все будете вознаграждены. Обещаю!

Все переглянулись, а некоторые отвернулись и еле слышно принялись обсуждать. Я опустил на стул и поймал одобрителный взгляд дяди. Он гордился мной, впрочем, как и всегда. Пока плененные представители сильнейших древних родов обсуждали услышанное, я терпеливо ждал, но для верности скрестил пальцы под столом и не сводил с них пристального взгляда.

Ожидание затянулось, а Успенские и Воздвиженские уже ругались. Одни считали, что помочь надо, другие, что это пустая трата магии, которой и так почти нет.

— Для чего тебе сдались те крохи, что оставляет стена, старый ты маразматик?! — кричал старик Воздвиженский, тряся кривым пальцем у носа старшего Успенского.

— Сам такой! — возмутился тот. — У меня порезы плохо заживают, туда и трачу.

— Откуда тебе порезы? Где ты шляешься? — не унимался старик. — Сиди уж дома, пень ты трухлявый!

Успенский обозвал его коровьей лепехой и послал огороды удобрять. Они почти схватили друг друга за грудки, но вовремя подоспели сыновья и оттащили их в разные стороны.

— Хватит! — прикрикнул дядя и ударил ладонью по столу. — Что вы твякаете, как шавки?! Отвечайте, поможете Максиму или нет? Если да — будем благодарны, а на нет и суда нет. Вы уж потом не обижайтесь — оставим вас здесь оставшийся век куковать.

Старики вмиг притихли и, понуриив головы, вернулись за стол. Мне было неловко просить о помощи, ведь в прежней жизни за защитой обращались ко мне, но другого выхода я не нашел.

— Я согласен! — громко сказал Воздвиженский и обвел взглядом свою семью. — Мы все согласны.

— Мы тоже! — взвизгнул Успенский. — Все, кроме Олеси, отдадим часть своей магии. Ей и так сегодня досталось. Кстати, — он повернулся ко мне и, глядя куда угодно, только не в глаза, добавил. — Спасибо, что выручил мою дочь. Уверен, она сама бы смогла дать отпор, но хорошо, что ты оказался рядом.

Я лишь кивнул в ответ и вытащил амулет из кармана. Все уставились на знакомый артефакт и притихли.

— Я не хочу вытягивать из вас всю магию, так как это сильно подорвет ваше здоровье. Особенно у пожилых. Вы и так стареете быстрее, чем обычно.

Все одобрительно закивали, а я продолжал:

— Подходите ко мне по очереди и прикладывайте к груди амулет. Как только камень потускнеет, я остановлюсь... Это единственная попытка вернуть все, как было. Обратного пути нет. Если вернусь с победой или... погибну, — женщины испуганно запричитали. — Единственное, что вы должны сделать, это спрятать свою семью, иначе их убьют. Но я не хочу, чтобы вы думали будто я бросаю остальных... Я обязательно помогу всем вам! — с жаром добавил я и обвел взглядом притихших гостей.

Кто-то утирал уголки глаз носовым платком, кто-то ковырял ногтем скатерть, кто-то не сводил с меня изучающего взгляда. Одна Олеся смотрела на меня с улыбкой и обожанием. У меня забилось сердце от ярости, когда я увидел, что синяки потемнели и стали еще больше. Даже смерть «дяди Вени» не успокоила моего внутреннего демона.

— Кто первый? — спросил я, сглотнув ком в горле.

— Я! — старик Вознесенский с трудом поднялся и заковылял ко мне, на ходу расстегивая рубашку.

Дрожащей рукой он взял амулет и приложил в костлявой груди с редкими седыми волосами. Сначала зажглись сразу три камня, но уже через секунду два потускнели. Зато

один горел так, что было больно смотреть.

— Ого! — восхитился я. — Как тебе удалось сохранить столько?

— Ты, наверное, забыл, что мы маги Земли? Вот с земли-матушки и черпаю энергию. Только стена все забирает. Остается лишь столько, чтобы выжить.

Я кивнул и раскрыл источник. Магическая сила в виде сверкающей белой паутины потянулась ко мне. Не спуская взгляда с амулета, я вытягивал магию Земли и молился, чтобы ее оказалось много, но уже через полминуты свет камня начал слабеть. Я остановился и проверил источник. Оказалось, что он заполнен примерно на пять процентов, не больше. Однако я был рад даже этому и, поблагодарив Вознесенского, помог ему дойти до дивана и сесть. Следующей была его жена, милая пухляшка с круглыми зелеными глазами и тугим пучком на затылке.

Она оттянула ворот платья и приложила амулет к груди чуть ниже ключиц. Сначала камень вспыхнул ярко, но тут же погас и лишь изредка мигал.

— Прости, не смогла тебе помочь, — она с сочувствием посмотрела на меня. — Все силы уходят на здоровье. Неважное оно у меня.

Я успокоил женщину, сказав, что ее жизнь и здоровье дороже всего и что себя надо беречь. Вслед за ней потянулись дети Воздвиженских. Я аккуратно вытягивал магическую силу, стараясь не навредить. Ведь когда магическая сила заканчивалась в ход шла жизненная энергия. А ее ни в коем случае трогать нельзя, если не хочешь навредить.

Через два с половиной часа мы проводили гостей до калитки, не забывая благодарить и клясться в верности. Я не знал, чем закончится мой побег и смогу ли я вернуть трон, но этих людей я никогда не забуду и постараюсь вернуть долг.

— Максимушка, возьми мои силы, — сказала мама и приложила амулет к груди. — Смотри, как ярко горит камень.

— Нет, мама, тебе самой понадобится магия, когда мы выберемся отсюда. На груди дяди камень еле тлеет, не хватало еще чтобы и ты слегла.

— А я? — воскликнул Миха. — Возьми у меня!

Он хотел стянуть рубашку через голову, но я остановил его.

— Нет! Вдруг понадобится твоя помощь?

Когда начало темнеть, я велел маме собрать самое необходимое, а сам заперся с Михой в комнате и еще раз проговорил план действий. Я не успокоился, пока он не выучил наизусть и не повторил все по пунктам.

— А если пойдет не так, как ты задумал? Что тогда? — спросил он упавшим голосом.

Я пожал плечам и глубоко вздохнул:

— Будем действовать по обстоятельствам. Но ты должен понимать, что мы рискуем не свободой, а жизнью. Если меня убьют, то и вас не пощадят.

— Я сделаю все, что смогу! — с жаром ответил он, а затем еле слышно добавил. — Но я... не Паук.

***

Мама раньше обычного отпустила работников по домам, поэтому нам никто не мешал и не останавливал. Она собрала самое ценное и нужное в небольшой саквояж и оставила у двери. Дядя оделся по-дорожному и сел в кресло-качалку на крыльце. Все были собраны и полны решимости.

Я приложил амулет к груди, чтобы проверить уровень магии в моем источнике и заодно

зарядить его. Теперь на нем горели три камня, а четвертый слабо мигал. Совсем неплохо, но могло быть и получше.

— Миха, пора, — шепотом сказал я и протянул ему магический амулет.

Брат крепко сжал его в руке, выбежал из калитки и скрылся во тьме. Мама крестила его вслед и нашептывала молитвы.

— Они не поверят, что он предатель, — покачал головой дядя. — Уж очень хороший у нас Миха.

— Поверят, никуда не денутся, — ответил я, скатился с крыльца и вышел на дорогу.

Мне надо было найти место, куда не попадет свет фар, когда охранники заявятся за мной. По плану, Миха должен побежать к воротам и рассказать охранникам, что я накопил сил и взял «дядю Веню» в заложники. В доказательство он покажет амулет с горящими камнями. Я сначала боялся, что охранники не поверят, но потом понял, что они уже хватились своего начальника и ищут его. А тут приходит щуплый парнишка и рассказывает о том, что он у меня в заложниках. Как сказал дядя, охранники хорошо знают про мой взрывной характер и непокорность, поэтому возьмут автоматы и приедут сюда. А я их встречу так, что они надолго запомнят... Хотя, нет, не запомнят. Трупы ничего не помнят.

Через дорогу от дома росли низкие кусты, а дальше пролегал луг со скошенной травой до самой речки, на берегу которой я сжег мумию «дяди Вени». Здесь прятаться было негде, поэтому меня могли заметить заранее, а это в мои планы не входило. Наоборот, я хотел появиться неожиданно и эффектно. Так, чтобы они поняли, что имеют дело с самым могущественным магом империи — Пауком!

Наконец, я все-таки решился немного использовать магию и соткал отражающую паутину, которую набросил на себя. Я стоял посреди дороги и не боялся быть увиденным, потому что превратился в зеркало. Паутина отражала дорогу, кусты, дом, а когда появится машина, то отразит яркие слепящие фары. Вот они удивятся, когда увидят точно такую же машину, мчащуюся им навстречу!

Ждать пришлось недолго. Через десять минут я услышал шум и понял, что едут как минимум два внедорожника. Впереди заплясал свет и показались машины. Я пригляделся и увидел, что они битком набиты вооруженными охранниками. Двое высунулись из люка на крыше первой машины и держали наготове автоматы, остальные выставили стволы из окон и озадаченно смотрели перед собой. Я не удержался и прыснул, увидев их недоуменные лица. Внедорожники съехали с дороги, не доезжая до дома, и охранники высыпали на улицу.

— Это что, б***, такое?! — закричал низкорослый коренастый охранник с черной повязкой на лбу.

— Мутотень какая-то, — отозвался кто-то.

Они приближались, вглядываясь в зеркало, и держали оружие наготове. Я беззвучно засмеялся, когда они увидели свое отражение и недоуменно переглянулись.

— Похоже на зеркало, — сказал толстопузый блондин с детским лицом.

— Не нравится мне это, — отозвался охранник с черными полосками краски на лице. — Магия какая-то.

— Стреляйте! — прозвучал приказ, но никто не успел нажать на курок. Моя любимая паутина Наваждения накрыла их за доли секунды. Я смахнул зеркальную паутину и зашагал им навстречу, хохоча во все горло. Вот олухи! Неприятное чувство пустоты щемило грудь, ведь магии почти не осталось, зато охранники были в моей власти.

— Ты и ты, — ткнул я пальцем в двух мужиков с перекошенными грозными лицами. —

Вы — заклятые враги! Каждый из вас ненавидит другого до скрежета зубов. Так убейте же друг друга!!!

Я снял с них оцепенение, и охранники сцепились с такой яростью, что тут же раздались звуки раздираемой плоти и ломающихся костей.

— Вам, — я показал на пятерых застывших людей, — надоело жить и вы решили утопиться. Кстати, река там.

Они побросали автоматы и наперегонки рванули в том направлении, куда я показал.

— А вам я советую одновременно застрелить друг друга, — сказал я троим оставшимся.

Оглушительные выстрелы разнеслись по округе, и тела с глухим ударом попадали на землю. Я не знал, сколько еще охранников дежурит на воротах, поэтому подобрал автомат, вытащил у одного из кобуры пистолет и даже забрал охотничий нож у застреленного охранника с черными полосками. Затем прошелся по карманам и забрал всю наличность.

— Макс! — услышал я голос Михи.

Он бежал по дороге, тяжело дыша от быстрого бега, но весь сиял от радости.

— Все получилось! Ворота открыты. Они так занервничали, что даже не подумали их запереть.

— Отлично! Забирайся в машину. Я зайду за мамой и дядей.

Я побежал к дому, но они уже сами шли мне навстречу. Мама несла саквояж и непрерывно тараторила молитвы, а дядя восхищенно пересказывал то, что видел:

— Это ты здорово придумал! Я бы на их месте не останавливался, а сильнее на педаль нажимал. Вот олухи! Сами виноваты. Выставили свои пушки и идут, как будто на медведя охотятся. Это ж надо! Ты, наверное, опять источник опустошил? Наваждение дорого стоит.

— Да, почти ничего не осталось, — согласился я. — Зато у нас есть машина, оружие и ворота открыты.

Я помог маме и дяде забраться на заднее сиденье внедорожника и сел за руль. Один из тех, кому я внушил, что они враги, тихо постанывал. Переломанный и растерзанный он молил о помощи. И я помог. Теперь он не чувствует боли, так как стал мумией.

— Почему ты не высосал у них у всех жизнь? — спросил Миха, когда мы уже мчались к воротам.

— Я бы не успел. Наваждение быстро проходит, а высасывать силы пришлось бы по очереди. Тем более с «пустых» людей толку мало.

Как и сказал Миха, ворота были настежь открыты. Это они так торопились за мной, идиоты! Я нажал на газ, вылетел из ворот и помчался по проселочной дороге. Машина подпрыгивала на ухабах, мама испуганно охала, дядя кряхтел, а брат восторженно кричал:

— Наподдай газку! Ура!!! Мы свободны!

Я тоже почувствовал облегчение, но не позволял себе расслабиться, ведь нас могли перехватить по дороге. Когда выехал на трассу, то тревожность усилилась: я не знал, кто едет нам навстречу или, кто догоняет. Постоянно казалось, что вот-вот нанесут удар.

«Мы выбрались. Нас не найдут», — повторял я про себя, пытаюсь успокоиться.

Только когда въехал в город и покатыл по узким улочкам, смог выдохнуть и присоединиться к веселью Михи.

— Ты самое интересное пропустил, надо было быстрее бежать.

— Да, жаль, не успел на представление. Я бы хотел увидеть, как ты их зеркальной паутиной запутал. А-ха-ха! Они думаю, мы обычные уголовники и хватит автомата, чтобы держать нас в страхе? Воронов совсем расслабился. В первые годы стену боевые маги

охраняли. Потом их, говорят, перебросили на границу. Палицкий сначала соседям гадит, а потом их же и боится. Форменный идиот!

— Так и до войны недалеко, — слышался голос дяди. — Глупый он, только смерть империи принесет.

— А где же «Слава императору» и «должны благодарить»? — усмехнулся я.

— Я так и не думал никогда. Просто вас не хотел подставлять, — признался он.

Между тем я доехал до гостиницы и припарковался за углом в кустах.

— Значит так, — строго сказал я. — Администратор не знает, кто я такой. Вы ей тоже не говорите, что мы Богословские.

— А если назовемся Курочкиными? — спросила мама. — У нас повариха была Анна Курочкина. В деревне нашей жила, пока не померла.

— Отлично! — поддержал я. — Так и скажем, что мы — семья Курочкиных и выехали из деревни с Неделимых земель. Уверен, все уже слышали о том, что Неделимые земли велено освобождать. Документы наши сгорели при пожаре, поэтому ничего нет. Вот только денег маловато.

Я достал из кармана купюры и пересчитал: ровно четыре тысячи. На несколько дней должно хватить, а дальше...

У меня на груди на золотой цепочке висел медальон с нашим гербом, в который были инкрустированы три бриллианта. Я даже удивился, что его не сняли. По большей части, наверное, потому, что он был закрыт заклинанием и его можно было снять лишь с помощью кусачек. Видимо, никто утруждаться не захотел.

Я без сожаления снял медальон с шеи и протянул маме.

— Этого должно надолго хватить.

— Да ты что! — ужаснулась она. — Отцовский подарок. Его нельзя продавать!

— Мама, послушай меня внимательно, — я строго посмотрел на нее. — Для меня ваша жизнь бесценна, а это всего лишь металл и камни. Я думаю, отец не был бы против. Наоборот, похвалил бы и сказал, что я все правильно решил.

Она нехотя взяла медальон и спрятала в глубине саквояжа. Мы вышли из машины и направились к центральному входу гостиницы. Я шел первым, в надежде, что администраторша узнает меня и будет меньше задавать вопросов. Однако, к моему великому разочарованию за стойкой сидела другая женщина. Я едва не выругался, когда увидел ее, но вовремя взял себя в руки и, натянув улыбку, поздоровался.

— Доброй ночи, уважаемая. Мы бы хотели снять два двухместных номера.

— Паспорта, — буркнула она и протянула руку.

— Дело в том, что все наши документы сгорели при пожаре, — я старался говорить спокойно и уверенно, чтобы у нее не возникло ни малейшего сомнения в моих словах. — Мы живем в деревне на Неделимых землях. Точнее, жили. Император велел освободить их для государственного использования. Квартиру нам пока не предоставили, поэтому мы хотим пожить здесь.

Администраторша слушала внимательно, пристально разглядывая моих родных. Но те тоже не выдавали волнения и изображали усталость: зевали, сонно хлопали глазами, кряхтели и жаловались друг другу на боль в теле после долгой дороги.

— На сколько дней? — уточнила она, взяла ручку и приготовилась писать.

— Пока не знаем. Может, неделю или две. Зависит от того, как быстро нам предоставят жилье.

— Если нет паспортов, то хоть какой-нибудь документ, — настаивала она. — На квартиру, например. Или об образовании.

— Милая, мы очень устали, — я достал одну купюру и подсунул ей. — С ног валимся. Курочкины мы. Если не веришь, то уточни, зарегистрированы мы в нашей деревне или нет? Нас все знают, поэтому каждый подтвердит, что так оно и есть.

Я так искренне смотрел ей в глаза, что сам себе бы поверил.

Администраторша сначала немного помедлила, но затем записала фамилию «Курочкины» и в столбце напротив два числа: тринадцать и двадцать шесть.

— Комнаты на втором этаже напротив друг друга, — проворчала она. — Оплата вперед. На сколько дней заселяетесь?

— А сколько стоит один день? — заволновалась мама.

— Двухместный номер стоит шестьсот рублей. Вам требуется два. Значит тысяча двести за один день.

Мама тяжело вздохнула, а я протянул администраторше оставшиеся три тысячи и сказал, что завтра еще добавим. Та дернула плечом и полезла в шкафчик, висящий справа от нее. Получив два ключа, мы зашагали к номерам.

— Миха, завтра найдешь ломбард и продашь мой медальон, — строго сказал я.

— А почему не ты? — вмиг взбеленился он. Я усмехнулся, время шло, а он так и остался протестующим младший братом.

— У меня дела. Я даже на ночь не буду здесь оставаться.

— Куда ты собрался? — мама испуганно схватила меня за руку. — Никуда не отпущу!

Я с мольбой посмотрел на дядю. Тот все понял и стал уверять маму, что со мной все будет хорошо, а сидеть здесь и ждать нападения Воронова — очень плохая идея. Лучше действовать. Она тяжело вздохнула и кивнула.

Проводив семью до дверей номеров, я заверил, что буду беречь себя и с них взял слово, что они будут жить тихо и никак себя не проявят.

— Можешь не беспокоиться, — усмехнулся дядя. — Имперских замашек у нас нет.

Попрощавшись, я вышел на улицу. Прохладный ветер заставил поежиться и охладил разгоряченное лицо. На востоке уже занималась заря, а где-то вдали тархтел старенький трактор.

Я забрался в машину, повернул ключ и включил горячий обдув на полную мощность. Пока машина прогревалась, закрыл глаза и окунулся вглубь себя. Ура, источник наполнялся! Теперь, когда пропало воздействие сети, мое тело заново училось сохранять и приумножать магическую энергию, дарованную мне Вселенной. Раньше, на то, чтобы наполнить источник до краев, мне хватало три часа. Даже, когда в период бурной молодости тратил всё без остатка, надо было лишь три часа сна или ленивого отдыха и мой внутренний резервуар снова был полон.

Однако уже через пару минут я понял, что трех часов точно не хватит. С того момента, как мы вырвались из заточения, прошло около двух часов, но источник был заполнен лишь на одну десятую часть.

— Почему так медленно?! Где моя магия?! — вспыхнул я и ударил кулаком по рулю.

Прогудел громкий сигнал и распугал голубей, прохаживающихся в траве у кустов. Я выругался, вырулил на дорогу и помчался в Долину изобилия.

— Готовься, Воронов, мы скоро встретимся. Но перед смертью ты мне обо всем расскажешь, не будь я Пауком, — сквозь зубы процедил я и резко нажал на педаль газа.

Мотор взревел и стрелка спидометра плавно поплыла по часовой стрелке, подгоняя мою встречу с врагом.

Я остановился на возвышенности, с которой открывался потрясающий вид на Долину изобилия. На самом деле так назывался элитный поселок с роскошными домами и садами, окруженный высоченной стеной с бойницами и башнями по углам. Серый безликий город резко контрастировал с разноцветными домами Долины, утопающими в зелени и цветах.

— Любуешься, — послышался смешливый голос с хрипотцой.

Я вздрогнул от неожиданности и повернулся к окну. Возле машины стояла худая старая женщина с помятым лицом и нечёсанными волосами. Она держала в пожелтевших пальцах сигарету и медленно затягивалась.

— Хоть издали посмотреть, как они живут, — она сплюнула себе под ноги. — Нам больше ничего другого не остается. Только смотреть и завидовать.

— Зачем же завидовать? Надо самим там поселиться.

— Ну и шутки у тебя, — хмыкнула она. — Нам даже близко подходить нельзя. Увидят, — она провела пальцем по шее.

— Убьют? Прямо так сразу? — недоверчиво сощурился я.

— Не убьют — сам умрешь. Уж не знаю, что там за магия такая, но вот Гунька — сосед мой, помер. Только к стене прикоснулся и всё. Хрясь! — она вытаращила глаза и зловеще зашептала. — Упал замертво.

— Хрясь, говоришь, — я сделал серьезное лицо. — Спасибо за подсказку!

Она приставила руку ко лбу и, резко развернувшись, зашагала прочь, чеканя шаг. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась в подъезде серого обшарпанного дома.

— Видимо, служила еще при Алексее Благородном, — решил я и медленно поехал вниз по дороге прямо к воротам Долины изобилия.

Я не хотел близко подъезжать, поэтому припарковался у трансформаторной будки и внимательно огляделся. За пару десятков метров от металлических ворот с шипами, дорога расходилась на три ответвления. Одно из них вело прямо в Долину, а два других огибали высокий забор с двух сторон. Я закрыл глаза и проверил источник — без изменений. Ну, может совсем чуть-чуть накопилось с прошлого раза. Такими темпами я даже за день его не наполню. Неужели так на меня подействовали годы за магической сеткой? Мне это совсем не нравилось!

Между тем город оживал. На дорогах появились машины, по тротуарам спешили прохожие. Я нашел в бардачке соломенного цвета кепку, нахлобучил ее так, чтобы лица не было видно, и поехал по дороге, огибающей Долину слева. За частоколом разлапистых елей высилась бетонная стена, покрытая какими-то блестящими крапинками, а из узких бойниц выглядывали стволы орудий. От кого они так защищаются? От собственного народа?

Вдруг через дорогу, прямо перед машиной, пробежала белка и с разбегу наскочила на стену. Я притормозил, чтобы посмотреть, что будет дальше. Она быстро вскарабкалась до первой крапинки и схватилась за нее. Яркая вспышка и обугленная тушка отлетела на асфальт. Я нервно сглотнул и почувствовал, как по спине пробежал холодок. Хорошо, что я не успел ковырнуть ногтем эту хрень. Что это вообще такое? Магия или технологии? Я попытался вытянуть из стены магию, но безуспешно. Значит, технологии, но без хранителя в виде аккумулятора или генерации. И с того и другого я бы смог вытянуть доступную энергию.

Я поехал дальше, внимательно осматриваясь. Городские постройки, выжившие слева от меня, закончились и начался лес. Неухоженный старый лес. Когда правили мы — Богословские, вместо этого леса были поля, засаженные различным зерном, а территорию Долины изобилия занимали ряды теплиц.

Когда подъехал к первой башне, то явственно почувствовал магию. Ага! Вот это удача! Но, как только открыл источник, то тут же в ужасе прервал соединение.

— Фух-х-х, — выдохнул с облегчением и провел рукой по лицу. — Чуть не попался.

Боевые маги! Человек пять, не меньше. Как только я бы начал тянуть магию, они бы ухватились за паутину и вышли на меня. А сейчас я еще очень слаб и не смогу дать им отпор. Мне было трудно признаться себе в беспомощности, но в данный момент это было так. Да, у меня хилое тело, нет магической силы и за душой ни гроша, но это только пока. Я был уверен в себе и в своих способностях. Надо только прокачаться. Злой, как чёрт, я с силой нажал на педаль газа. Деревья превратились в мешанину за окном, а я летел вперед, будто пытался убежать от реальности.

Я не заметил, как обогнул всю Долину изобилия и вновь вернулся на перекресток. В замешательстве, остановился на распутье, не зная, что делать и куда ехать. От адреналина бешено стучало сердце, шумело в голове и тряслись руки. Мне надо было успокоиться и обдумать следующие шаги, поэтому я припарковался у очередного серого здания и вышел из машины. В нос ударил запах еды и свежее испеченного хлеба. То, что нужно! Я нашел в бардачке несколько мятых купюр и выгреб монеты из отсека в двери. По запаху быстро нашел небольшую забегаловку, но смог купить лишь три ленивых голубца, стакан морса и пять кусков черного хлеба. Я был так голоден, что не заметил, как все съел и с завистью посмотрел на целую горку сладких булочек и дымящуюся кастрюлю с густым мясным борщом. Никогда не думал, что буду мечтать о еде... Зато не скучно!

Я вышел из полутьмы столовой и зажмурился от яркого солнечного света. Был полдень, и солнце нагрело серый город так сильно, что казалось, будто подошва старых ботинок прилипает к асфальту. После обеда я немного успокоился и стало легче думать. Во-первых, мне надо было где-то переждать, пока не заполнится источник. Но только не в гостинице. Я не хотел подставлять семью. А, во-вторых...

— Стоп! — вслух воскликнул я, отчего напугал двух женщин, неспешно прогуливающихся рядом. — Прошу прощения! Я это не вам.

Я вспомнил про друга детства, с которым не виделся много лет. Он тоже был из семьи магов, но выбрал жизнь в деревне, а не при дворе, как все остальные. Я лично ездил к нему после победы в сражении и приглашал жить в столице, но он отказался, сославшись на то, что он, как маг Плодородия должен больше находиться на лоне природы, а не просиживать штаны на роскошных диванах дворца.

— Ну что ж, Ванька, ты моя единственная надежда.

Я отлично знал дорогу до его деревеньки, но волновался, потому что здесь все поменялось. Может, и он стал другим? Я ехал медленно, стараясь не привлекать к себе внимания. Где-то вдали слышались яростные сигналы и рев двигателей мчащихся машин. Наверное, обнаружили нашу пропажу и тела охранников. Сами напросились!

Через пару часов я выехал за пределы города и помчался в сторону деревни друга. Вскоре на панели внедорожника зажглась лампочка, оповещающая о том, что топливо на исходе.

— Только не это, — разочарованно простонал я.

Дорога была плохая, с глубокими трещинами и ямами, поэтому разогнаться не получалось. Только когда показались крыши домов знакомой деревни, я выдохнул. Однако и здесь многое было не так, как раньше: дома заброшены. Некоторые из них провалились в землю и стояли скособооченные. У нескольких рухнула крыша, а остальные были спрятаны в зарослях кустарника и за частоколом тонких берез.

— Нет его здесь, — с горестью проговорил я и уже хотел развернуться и ехать обратно, но тут меня остановило еле уловимое дуновение магии. Что это? Неужели это он?

Дороги дальше не было, только узкая тропинка, поэтому пришлось остановиться и идти пешком. Чем ближе я подходил к дому друга, тем сильнее чувствовалась магия. Завидев крышу его дома, я не смог сдержаться и побежал.

— Ваня! Ванька! — радостно закричал я и замахал руками.

На крыльце дома стоял коренастый мужчина с густыми волосам медного цвета. В детстве я дал ему прозвище — Огненный смерч, за рыжие волосы и любовь к пиротехнике.

— Макс? Это ты? — он спустился с крыльца и пошел мне навстречу.

Я буквально налетел на него, обхватил и поднял над землей. Ну-у-у, с этим я переборщил. Если раньше я без труда закидывал его себе через плечо, теперь же лишь чуток смог приподнять.

— Максимка! — он сначала обнял, но тут же испуганно отпрянул. — Ты что здесь делаешь? Ты как сюда попал?

Ваня огляделся, затем схватил меня за руку и потянул к дому.

— Тебя отпустили? — он запер дверь и задернул занавески.

Я устало опустился на лавку у холодной печки.

— Нет, сбежал.

— Сбежал? — ахнул он и прижал ладонь ко лбу. — Значит, тебя сейчас ищут?

— Да. И не только меня... Я убил охранников и вывез семью в город, но моя магия очень медленно восстанавливается, поэтому мне надо куда-то спрятаться, прежде чем я наполнюсь и убью этого гада Воронова.

Ваня опустился рядом и помотал курчавой головой.

— Здесь тебя найдут. Как только ищейки выйдут на твой след, то не остановятся.

— Ищейки? Ты про боевиков?

— Да, у императора много боевых магов. Меня не трогают только потому, что я отошел от дел еще задолго до Великого сражения... Тебе нельзя здесь оставаться.

Я молчал. Он был прав, а я не знал, что мне дальше делать. Всё пошло не по плану, согласно которому я должен был прижать Воронова к ногтю, узнать, что они натворили и все исправить. Но, оказалось, что до Воронова не так-то легко добраться. Еще и источник не желает наполняться.

Вдруг Ваня встрепенулся, повернулся ко мне и восторженно заявил:

— Я знаю, куда тебя спрятать!

***

Мы проехали совсем немного, прежде чем машина заглохла. Дальше были вынуждены идти пешком. Сначала бежали насколько хватило сил, затем быстро шли, а под вечер еле тащились по высокой траве, опутывающей ноги.

— Погоди, — остановил я Ваню. — По-моему, мы неправильно идем. Ты же сказал, что он живет в лесу под Рязанью, а мы уже сместились в сторону...

— Нам нужна река, — прервал он.

— Зачем?

— Чтобы оборвать след, ты должен пересечь реку не меньше трех раз... Правда, и это ненадолго.

— Точно! А я и забыл об этом. Течение подхватит мой след и унесет далеко вниз.

Вдруг резкий толчок в груди заставил невольно задержать дыхание. Я сначала испуганно уставился на друга, а затем, прищурившись, посмотрел вдаль.

— Что? — прошептал он и оглянулся.

— Они совсем близко, — прикрыл глаза и почувствовал, как колышется одна из сигнальных паутин, которые я оставлял по пути. — Надо бежать!

Мы рванули, собрав остатки сил. Солнце уже успело скрыться за деревьями, и на потемневшем небе вспыхивали звезды. Мое нынешнее тело было намного слабее, поэтому я очень устал и тяжело дышал, но попадаться цепным псам императора совсем не хотелось.

— Давай отдохнем, — взмолился Ваня. — Я с детства столько не бегал. Скоро начну выплевывать легкие.

Я кивнул на густо растущие кусты. Мы буквально влетели в них и рухнули в траву. Вся рубашка была мокрая от пота, волосы слиплись и сосульками свисали со лба, сердце бешено стучало, отдаваясь в ушах.

— Кто-то задел паутину, которую я оставил сразу за машиной. Если бы это был зверек или «пустой», то она бы так не среагировала. Это маг... или маги. Я уверен, что он или они ее не засекали, но такая вероятность есть.

— Вот поэтому-то нам и нужна река, — Ваня сорвал ветку и отмахивался от полчища писклявых комаров. — Они не хуже собак натренированы на поиск. Правда, не по запаху, но тоже по очень различимому следу. Как-то я разговорился с одним боевиком в баре. Он много интересного рассказал, про то, как неудобных отлавливали. Вот ты бы смог найти мага за сотни километров?

— Сотни? Нет, — твердо ответил я. — Могу лишь почувствовать за пару десятков метров.

— Вот и я только так могу. А их учат видеть магический след, как ты свою паутину, и идти за ней.

— Значит они должны задеть все мои ловушки, если идут по следу? — предположил я.

— Думаю, да.

Но как только он сказал об этом, как я снова почувствовал толчок в груди. Эту паутину я оставил там, где мы уже не могли бежать и, немного передохнув, быстро зашагали.

— Надо идти! — я вскочил и выбрался из кустов. — Они движутся очень быстро. Наверное, на машине. Далеко еще до реки?

Ваня устало вздохнул и пожал плечами.

— Точно не знаю. Я пару раз с дедом по реке на лодке сплавлялся, а пешком до нее не ходил.

— Ты уверен, что мы правильно идем? — с тревогой спросил я и взгляделся вдаль.

— Направление верное, но расстояние не знаю.

Я не стал больше спрашивать, все равно не было другого выбора. Мы с Ваней снова побежали, но уже не так резво, как в начале. Во-первых, не было сил. А, во-вторых, стемнело. Я постоянно прислушивался к себе, но паутина пока молчала. Значит до остальных ловушек еще не дошли.

Густая высокая трава, кустарники и редкие деревья закрывали обзор, поэтому реку невозможно было увидеть. Мы молча бежали, обливаясь потом и тяжело дыша. Я предлагал Ване пару раз вернуться домой, но тот отказывался.

— Я не оставлю тебя, пока ты в опасности.

Я возражал, давил на то, что теперь и за ним могут прийти, но он был непреклонен. Настоящий друг! Наконец, я услышал звук воды. На берегу густо росла ива, поэтому пришлось протискиваться через ветки, чтобы добраться до воды. Первым делом мы вдоволь напились прохладной воды с привкусом тины. После изнурительного бега, казалось, будто вкуснее этой воды никогда ничего не пил.

Мы разделись, завязали одежду в виде свертка и полезли в воду. Рыбы было столько, что стоило захотеть и я бы с легкостью ловил ее руками. Крупная и мелкая, щуки и окуни сновали туда-сюда совершенно нас не пугаясь. Мы поплыли, держа одежду одной рукой, и умело орудуя второй. На середине реки я еле сдержался, чтобы не вскрикнуть. Болезненный толчок предупредил, что мои преследовали уже близко. Очень близко.

Я не стал говорить об этом Ване, а лишь поторопил его.

— Почему три раза надо переплыть? — спросил я, когда мы вылезли из воды на противоположном берегу. — Может, одного раза хватит?

— Может и хватит, — дернул он плечом. — Но лучше не рисковать и сделать так, как нас учили, — он хмыкнул и съязвил. — Но откуда тебе знать, ведь в академии ты только и делал, что девчонок клеил и друзей заводил.

Сначала хотел возмутиться, ведь мало кто столько времени уделял учебе и подготовке, как я, но потом понял, что это он так шутит. Плоские шутки — его конёк.

Мы оделись и зашагали вверх по течению. Надо было перейти реку в разных местах, чтобы запутать след, если ищейки доберутся раньше, чем река успеет смыть нашу магию. Я с беспокойством прислушивался к себе. Осталось две паутины, и одна из них на берегу реки.

Через три десятка шагов мы снова полезли в воду. Все небо заволокли вечерние тучи, поэтому мы еле различали друг друга. На этот раз вода мне показалась холоднее. Когда мы вылезли из воды и с трудом натянули одежду на мокрые тела, толчок оповестил о том, что наши преследователи уже на берегу.

Я посмотрел в ту сторону, откуда мы пришли, но не увидел ни света фар и ни темных силуэтов. Как же они тогда смахнули паутину?

— Они близко. Уже у реки, — прошептал я Ване. — Думаю, в воду больше лезть не надо.

— Согласен, — ответил он. — Лучше продолжим путь к отшельнику.

— Кстати, ты не говорил, как его зовут?

Он задумался на пару секунд и, почесав затылок, ответил:

— Я не помню. Его никто и никогда по имени не называл. Всегда звали Отшельником.

Мы выбрались из зарослей ивы и зашагали к лесу. Я постоянно с беспокойством оглядывался, а Ваня был на удивление спокойным. Тяжелое чувство страха поселилось в моем сердце. Я вдруг осознал, если боевые маги пошли по моему следу от ворот загона, то могли найти мою семью. И что они с ними сделали? Посадили в тюрьму или уб... Нет-нет-нет. Даже думать об этом не хочу!

Я закрыл глаза и проверил источник. С прошлого раза прибавилось процентов пять-семь, не больше. Паршиво!

Вдруг прозвучал какой-то свист, и мы оба свалились на землю.

— Попались! — послышался сзади радостный голос. — Это я их поймал, поэтому награда достанется мне!

Я лежал лицом в траве и еле дышал. Они меня обездвжили. Твари! Вы хоть понимаете, против кого выступили?! Скосив взгляд направо увидел Ваню. Он лежал на боку и постанывал.

— А вот и наш уголовничек, — прозвучал насмешливый голос, и сильная боль пронзила бок. Он меня пнул! Силился сказать что-то, но не смог выдать ни слова. Эти гады использовали против меня то, чем я сам владел в совершенстве. Но не учли одного...

— Переверните его, — послышался властный голос.

Меня грубо схватили за плечо и повалили на спину. Надо мной стояли три фигуры в черных плащах. Лиц не было видно из-за глубоких капюшонов. Один из них наклонился и зло прошептал:

— Вам, ущербным, нельзя выходить из своей крысиной клетки. Такие, как вы, вообще не должны жить. Я бы всех вас порешил, и возни было бы меньше. Но то, что вас используют, как дойных коров, мне тоже нравится.

— Господин Уткин, — обратился к нему тот, что пнул меня в бок. — Что со вторым делать?

— А кто это?

— граф Вяземский.

— Бывший граф, — презрительно поправил Уткин и выпрямился. — Он уже давн потерял свой титул, поэтому можете называть его просто Ванька Вяземский. Ну, или забулдыга, потому что он обменивает остатки графского наследия на бутылку горячительного.

— А что делать-то с ним? — повторно прозвучал вопрос.

— Хм, — задумался Уткин. — Тоже отвезем к графу Воронову. Пусть сам разбирается. Если Вяземский связался с врагом империи, значит сам такой же.

Между тем я лежал и наслаждался. Эти олухи до сих пор не поняли, что я распахнул источник и вытягиваю из них магическую энергию. Ну-ну, скоро осознаете да поздно будет!

— На себе их не будем тащить. Конский, подгони вездеход.

Третий кивнул, развернулся, но не успел отойти и на пару шагов.

— Что-то плохо мне, — признался он и приложил ладонь ко лбу. — Будто жар.

— Заболел, что ли? — равнодушно спросил Уткин и принялся обшаривать мои карманы. — В медсанчасть сходи, когда прибудем на базу.

Тут второй откинул капюшон и принялся озираться. В это время туча отползла в сторону, и под лунным светом блеснула его лысая макушка.

— Здесь кто-то есть, — испуганно прошептал он.

Я еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Идиоты, вы настолько тупы, что даже не осознаете, что сейчас с вами происходит! С помощью их же магии я снял с себя оцепенение и теперь просто лежал и наслаждался эффектом.

— На нас напали! — закричал Уткин и обвел себя кругом, делая непонятные жесты. — Ставьте оградительные заклинания! Их тут больше, чем двое!

Остальные приспешники последовали примеру главаря и делали все, чтобы закрыть свои потоки. Но их враг лежал у них под ногами.

«Вот бы сейчас сладкого коктейля через трубочку, — подумал я и еле сдержался, чтобы

не закинуть ногу на ногу. — Интересно, у них все боевые маги такие недоумки? Или только мне попались бракованные?»

Однако долго мне наслаждаться процессом не дали. До Уткина наконец-то дошло, откуда ноги растут.

— Ах ты, козлина! — заорал он и бросил в меня огненный шар.

К этому моменту источник уже был заполнен наполовину, поэтому мне не составило труда закрыть себя паутиной-оберегом. Я быстро вскочил на ноги и встал между Ваней и магами. Сноп искр и огненных шаров полетели в мою сторону, но ударялись о невидимую стену и в виде жидкого металла стекали вниз, прожигая землю.

— Олухи! — расхохотался я, наслаждаясь тем, как магия колышется и теплыми волнами расходится по телу. — Вы не знали, что я — Паук?! Какой же идиот ваш Воронов! Он отправил цыплят к лисе. А чего сам не захотел со мной побороться? Испугался?

Тут один из них рухнул на колени и начал жадно хватать ртом воздух.

— О, поглядите-ка, один уже заканчивается. Вот остальных допью и можете быть свободны... от своего тела!

Уткин прекратил попытки попасть в меня шаром и теперь судорожно осенял себя знаками. В это время Конский упал, вскинув руки, и издал протяжный свистящий выдох. Его лицо побелело, глаза замерли, губы начали синеть.

— Первый готов, — успел сказать я, прежде чем второй завалился набок и как-то неестественно съежился. — Еще один в топку! Ну что, Уткин, готов к смерти?

Уткин весь затрясся, сложил молитвенно руки и бухнулся на колени.

— Пощади, — прохрипел он и из темных глаз потекли слезы. — У меня маменька старая, жена — красавица, кто же о них будет заботиться?

Я тут же вспомнил про свою семью и спросил:

— А что вы сделали с моей семьей, а? Тебе не было их жалко?

— Я... я... я ничего о них не знаю. Мы их не нашли. Их нигде нет, — затараторил он. — Клянусь честью, мы с ними ничего не сделали!

Я внимательно посмотрел на него и понял, что он не врет.

— Ну, хорошо. Допустим, я тебе верю. А что вы хотели сделать со мной?

— Как что? — он вытер слезы и поднялся с колен. — Отвезти к Его Сиятельству — графу Воронову. Мы подвластны только ему и Великому императору Федору Павловичу.

— К Воронову, говоришь. А чего ж он тогда сам меня не нашел?

— Так вы ж до сих пор спать не легли, — всплеснул руками Уткин. — Он только во сне может пленить.

Я задумался, но взгляда с мага не спускал. Уже вторую ночь не сплю, но именно это меня и спасло. Но сколько я выдержу без сна? Еще одну ночь? А что потом? Я хотел выведать побольше информации об этом Воронове, но тут заметил, что ко мне что-то ползет по земле. Трава была густая, поэтому сколько не приглядывался, рассмотреть не мог. Однако уловил хищнический взгляд Уткина и понял, что действовать надо быстро.

Ядовитая и жгуче-кислотная паутины легла на землю, как раз в то место, где колыхалась трава. Душераздирающий писк длился всего пару секунд и затих. Уткин испуганно воззрился на меня, затем резко развернулся и поскакал во тьму.

— Такой наивный, — усмехнулся я. — Ты думаешь, что он меня легко уйти?!

Я соткал особо прочную паутину и, раскрутив ее на манер лассо, бросил ему во след. Хлоп! Паутина затянулась на его груди, и я дернул.

— А-а-а! — заорал во все горло Уткин. — ПО-МО-ГИ-ТЕ!!!

— Тебе никто не поможет, гнида, — процедил я сквозь зубы и притянул его на прежнее место. — Сиди и не рыпайся, а я посмотрю, что за подарочек ко мне приполз.

Я присел на корточки и раздвинул обугленную траву. Ядовито-зеленый слизняк был разрезан паутиной на три куска. На первой части — голове, находился круглый рот с маленькими зубами, а из хвоста торчал пучок острых иголок.

— Что это за хрень? — я посмотрел на притихшего и ссутулившегося Уткина.

— Это не моё! — взвизгнул он. — Сам первый раз вижу.

Я знал, что он врет, но больше не хотел тратить на него свои силы и время, поэтому просто выкачал оставшуюся энергию и убрал паутину-лассо. Тело Уткина грузно упало на землю. В отличие от «пустых» людей, маги редко превращались в мумию, но в этот раз я постарался и сделал из него пустую синюю оболочку. Это было посланием для тех, кто захочет пойти по моему следу.

Я оттащил Ваню к дереву, принес в ладонях воду и аккуратно налил ему в рот. Сначала вода просто вытекала обратно, но уже со второго раз все получилось, и Ваня сделал глоток.

— Просыпайся, спящая царевна, — усмехнулся я. — Хватит бока отлеживать.

Он с трудом разлепил глаза и, посмотрев на меня мутным взглядом, спросил:

— Где я?

— Все там же. Нас догнали боевые маги. Даже река не помогла.

Ваня повертел головой, затем потер глаза и сел.

— Всё, вспомнил. Надо было минимум три раза перейти реку. К тому же они были так близко, что просто нас увидели.

Он вскочил на ноги и осмотрелся, но луна снова скрылась за тучами и наступила кромешная тьма.

— А где они?

— Умерли, — равнодушно пожал я плечами. — Раскаялись в содеянном и добровольно ушли из жизни.

— Так уж и добровольно? — недоверчиво спросил он.

— Только самоубийцы нападают на Паука и ведут с ним беседы вместо того, чтобы убить.

— Ну, хорошо. Туда им и дорога, — он лег на траву и вытянулся. — Поспим немного и пойдем дальше.

Я был в замешательстве. С одной стороны, мне спать нельзя, иначе снова явится Прилизанный и всё, конец котенку! Но ведь Ваня не должен страдать из-за меня. Я решил все ему выложить и пусть сам решает, как поступить. Он внимательно выслушал и тут же поднялся на ноги.

— Идем дальше. Только умоюсь, чтобы сон прогнать.

***

Примерно через два часа небо посветлело. Туман поднялся над рекой и растекся жидкой кашей по округе. Уставшие, голодные, мокрые по пояс от росы, мы шли по густой траве и молчали. Каждый из нас пытался решить ребус: как не спать и не умереть от усталости?

— А если поставить будильник, чтобы он будил тебя каждые полчаса? — предложил Ваня.

— И что это даст?

— Если Воронов проберется в твой сон, то ты сможешь проснуться.

— В том-то и дело, что не смогу, — с раздражением выдохнул я. — Я спал пока охранники несли меня в машину. Спал, пока везли в деревню. Спал, когда заносили в дом. Я все чувствовал, но не мог проснуться. Боюсь, в этот раз будет также. Тем более, именно во сне он меня нашел.

— М-м-м, — Ваня понимающе кивнул, приложил ладонь ко лбу и посмотрел вперед.

Яркое утреннее солнце выглянуло из-за деревьев и осветило чудесное место, в котором мы очутились. Это была возвышенность с низкими кустами и густорастущими цветами. Вдали виднелась широкая полоска реки, а сразу за ней начинался густой темно-зеленый лес. Лучи солнца золотили верхушки деревьев и бликовали на водной глади реки.

— Красота-то какая! — выдохнул я, любуясь.

— Да-а, хорошее место выбрал Отшельник.

— Мы уже рядом? — воодушевился я.

— Не совсем. К вечеру дойдем.

— К вечеру? — приуныл я. — Как же есть хочется. Я уже и забыл, когда ел в последний раз.

Ваня удивленно посмотрел на меня, но промолчал. Я попытался вспомнить, вдруг сморозил какую-то глупость, но в голову ничего не приходило.

— В чем дело? Что я не так сказал?

— Если хочешь есть — приготовь, — ответил он. — Лично я уже долгие годы магию не использую, поэтому даже боюсь начинать, но ты же получил силу боевых магов. Почему не хочешь использовать ее?

— Приготовить еду с помощью магии?!

— А что тут такого? Ты не спишь, а если и есть не будешь, то долго не протянешь.

— С этим я согласен, но не знаю, как готовить, — вынужден был признаться я.

Ваня меня быстро этому научил. Сначала паутиной-лассо я поймал молоденьких голубков, воркующих неподалеку, и выпотрошил. Затем обернул их огненной паутиной и хорошенько прожарил. Аромат жаренного мяса приятно щекотал нос, и я чуть не захлебнулся собственными слюнями. Мясо было мягкое, но пресное, поэтому мне хватило одной тушки, чтобы наестся. Ваня же съел оставшиеся три.

— Кайф, — с улыбкой протянул он, лег на траву и похлопал себя по животу. — Спасибо за сытный завтрак! Еще бы яблочного сидра и жареных семечек.

— Все будет. Только верну трон и...

— Что-что? — он аж сел от удивления. — Трон? Зачем тебе трон? Хочешь, я тебе резное кресло подарю?

Блин, я ведь Ване не успел ничего не рассказать! Я уже открыл рот, чтобы обо всем поведать, но, увидев его довольное и умиротворенное лицо, решил этого не делать. Зачем нагружать старого друга проблемами? Отшельнику все выложу начистоту, а Ваня пусть живет, как и раньше.

После непродолжительного отдыха мы снова пустились в путь. Первым делом подошли к речушке и переплыли ее четыре раза. Три раза — для того, чтобы спутать следы, а четвёртый — чтобы вернуться на нужный берег. Я чувствовал себя хорошо даже без сна, но это было благодаря источнику. Правда, после вчерашней подпитки я уже не понимал, сколько сил вернулось мне самостоятельно, а сколько я выкачал из врагов.

По пути Ваня рассказывал о своей жизни, об отказе от магии, о заброшенной деревне и

о сбежавшей жене.

— Сбежала? — удивился я. — Куда?

— Не знаю куда, но знаю с кем, — зло процедил он сквозь зубы и сжал кулаки.

Я не хотел беречь его рану расспросами, но он сам решил выговориться:

— Сначала мы жили хорошо. Первые годы после сражения Палицкому было не до нас — деревенских жителей, поэтому смену власти мы почувствовали гораздо позже городских... Мы с Настей занимались хозяйством и любили друг друга. Но потом император объявил, что любой деревенский может жить в городе и начал раздавать квартиры. Что тут началось! Все ринулись продавать свои угодья, дома, огороды, чтобы жить в цивилизации с унитазами и водой из-под крана, — он горько усмехнулся и покачал головой. — Как же все потом пожалели. Оказалось, что квартира размером со спичечный коробок, а обратно вернуться в свой дом ты уже не можешь. Но в первое время находились смельчаки, которые, плюнув на закон, снова переезжали. Тогда для них начинался самый настоящий ад.

— Что такое? — озадачено спросил я.

— Молодчики в балаклавах грабили и поджигали их дома, угрожали расправой и похищением детей. Они спокойно ходили по улице с оружием в руках и держали всех в страхе.

— Куда император смотрел? — возмутился я. — Что ж вы к нему не пошли?

— Как мы пойдем к императору, если это были его люди? Он загонял всех в город, чтобы контролировать. Чтобы все было под его пристальным наблюдением. Мы понимали, что он очень боится. Но никто не понимал, чего именно.

Он замолчал, но потом я вспомнил, с чего начался разговор и переспросил:

— А жена-то почему сбежала?

— Она хотела в городе жить. Там подружки, магазины, салоны и тому подобное. А мне этого ничего не нужно. Тогда она психанула и переехала жить в квартиру к маме, а потом снюхалась с охранником и все. Помахала мне ручкой и попросила ее не беспокоить.

— Как тебе удалось остаться в деревне, если выгоняли и угрожали?

— У меня с ними договоренность.

У меня неприятно кольнуло сердце. А вдруг Ване нельзя доверять, и он ведет меня на смерть? Он будто прочитал мои мысли и сразу же принялся объяснять.

— Ты не подумай, я не продался! — он остановил меня и начал шарить по карманам. — А-а-а, вот он!

На его вытянутой руке лежал точно такой же амулет, как и тот, что я отобрал у «дяди Вени», но только с синими камнями.

— Что это?

— Эти камни вытягивают из меня магические силы. Я обязан носить амулет с собой, иначе отправят в тюрьму. У Палицкого одна политика — все маги должны перестать быть магами. Исключение составляют боевики и ближайшее окружение императора.

За разговорами мы не заметили, как подошли к густому темному лесу, в который с трудом проникал солнечный свет.

— Где-то здесь он и живет, — шепотом сказал Ваня. — Надо искать.

Я зашагал первым, стараясь улавливать малейшее изменение своей ауры, чтобы засечь чужую магию. Ведь всем было известно, что Отшельник один из самых сильных магов, когда-либо живущих на земле. Пресытившись своей силой и мощью, он добровольно ушел от людей и спрятался там, где его трудно найти.

— Неужто у Отшельника тоже Высшая категория? — спросил я. — Вообще-то я всех магов с Высшей категорией знаю. Все они состояли у меня на службе.

— Так, он вроде самоучка, — почесал затылок Ваня.

— Хм...

Лес был темный и мрачный. Со всех сторон слышались шорох, скрипы, щелчки. Я не боялся зверей или птиц — только Отшельника. По рассказам, он не был приятным человеком и душой компании, наоборот, ярость, злость и презрение были его визитной карточкой.

Вдруг я услышал еле различимый голос, и остановился. Ваня шел сбоку, не обращая внимания ни на что. Я подумал, что мне показалось, и тоже продолжил путь, но тут снова явственно услышал голос:

— Как ты смеешь, пёс, входить в хоромы хозяина без разрешения? Кто тебе дал право топтать мою землю своими грязными ногами? Убирайся, пока цел!

— Вань, — позвал я друга. — Ты слышал что-нибудь?

Тот остановился и прислушался.

— Нет, только лес шумит. А что?

— Отшельник велел, чтобы я убирался.

— Может, тебе показалось?

Я ответить не успел. Громогласный голос пронесся по лесу и испугал птиц, сидящих на ветках.

— Убирайтесь в-о-о-н!!! Иначе вас ждет страшная смерть! Смерть, которую не пожелаешь даже врагу!

— Похоже, он не очень радушный хозяин, — усмехнулся я, когда смолк голос Отшельника. — Ты не расслышал, с какой стороны он кричал?

Ваня ткнул пальцем в густо сплетенные кроны над головой и ответил:

— Мне показалось, что сверху.

Мы дальше продолжили путь, прислушиваясь к лесным звукам. То тут, то там стучали дятлы, куковали кукушки, шелестела листва и... кто-то начал завывать. Сначала это было похоже на жалобные стоны раненного зверя, но звук усиливался, а жалоба перешла в угрозу. От этого звука щемило сердце и будто проваливалось в пустоту. Я никогда не боялся зверей, но это был необычный зверь. Или вовсе не зверь.

Чем глубже мы заходили в лес, тем тяжелее становился воздух, будто мы очутились в закрытом душном помещении. Еще через несколько шагов в нос ударил гнилостно-тошнотворный запах. Я невольно задержал дыхание и натянул на нос ворот рубашки. Ваня последовал моему примеру.

— Чем так воняет? — спросил он и вытер слезы с уголков глаз. — Даже глаза щиплет.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Кто-то сдох, наверное.

Между тем вой стал еще ближе, а вонь все усиливалась. Вдруг краем глаза я уловил какой-то движение и резко обернулся. Белый полупрозрачный силуэт промелькнул между деревьев и пропал.

— Ты видел это? — шепотом спросил я Ваню.

Тот не ответил, а с вытаращенными глазами смотрел перед собой. Я медленно повернул голову и испуганно замер. Неясные очертания призраков бесшумно скользили над землей, окружая нас. Недолго думая, я запустил паутиной, но она пролетела сквозь них и осела на стволе дерева, которое тут же обуглилось.

— Мне страшно, — еле слышно сказал Ваня. — Давай уйдем отсюда.

В это время вой стал таким громким и протяжным, что превратился в зловещий рокочущий гул. Мы остановились и закрыли уши руками. Я хотел крикнуть Ване, что надо идти дальше, но замер на полуслове. Большой старое дерево перед нами чуть вздрогнуло и открыло глаза! Аа-а-а!!! Что это такое?! Оно смотрела на нас кроваво-красными глазами с вытянутыми продольными зрачками.

Ваня испуганно попятился, мотая головой, и закричал:

— Это демоны! ДЕМОНЫ!!!

Я отвел зачарованный взгляд от большого дерева и обнаружил, что на нас смотрят все деревья. Множество красных глаз пристально наблюдают за нами.

— Встань рядом со мной! — скомандовал я и соткал настолько прочную паутину, которую не смогла бы пробить даже пуля. Но на это ушла почти вся энергия.

Мне надо было подумать. Итак, что мы имеем: жуткий запах гнили, душераздирающий вой, призраки и деревья с глазами. Я ничего не забыл? Как оказалось, это было не все. Деревья начали раскачиваться и заскрипели ветками, будто хотели отцепиться от других и схватить нас.

— Это Наваждение! — радостно воскликнул я и хлопнул друга по плечу. — Ванька, не бойся! Это Отшельник нас пугает.

Он недоверчиво посмотрел на меня, затем подошел к ближайшему дереву и привел

рукой по красным глазам.

— Ничего нет. Только кора... Фух-х-х! Я чуть со страху не помер! — с облегчением выдохнул он и расхохотался.

Я закрыл глаза и вдохнул полной грудью. Пахло влажной землей и мятой травой — никакой вони. Затем прислушался и понял, что не слышу жуткого воя, только шум ветра в листве. Призраки исчезли вместе с красными глазами. Все это время мы боялись того, чего не было.

— Э-ге-гей, Отшельник! — крикнул я во все горло. — Тебе не удалось нас напугать! Лучше прими по-хорошему и выслушай!

Мы прислушались, но ответа не дождались.

— Меня зовут Макс Богословский! Мне нужна твоя по-мо-щь! — я надрывал горло, как только мог. — Не бойся! Я ничего плохого тебе не сделаю!

— Тебе и не удастся, — послышался спокойный голос, и из-за дерева показался высокий широкоплечий мужчина с короткой седой бородой и густыми прямыми волосами до плеч.

Он внимательно оглядел нас и, сложив руки на груди, спросил:

— Что тебе надо от меня, Макс Богословский?

Я нервно сглотнул, улыбнулся и приветственно кивнул:

— Здравствуй. Я не ожидал, что ты так выглядишь. Думал...

— Думал, что я сутулый старик, — прервал он меня и усмехнулся. — И таким могу быть, если захочу. Зачем пришел?

— За мной гонятся боевые маги, а я не могу восстановить свою магию после тридцати лет жизни за сеткой. Буду благодарен, если поможешь делом или советом.

Он прищурился и пристально посмотрел мне в глаза.

— Вижу, что не врешь. Ладно, пойдем со мной. А ты, — он кивнул в сторону притихшего Вани. — Иди домой, но помни: ты ничего не видел, не слышал и не знаешь. Как бы тебя не пытали, ты должен молчать. Понял? — Ванька быстро закивал. — А теперь иди!

Он замаялся и вопросительно уставился на меня. Я подошел и крепко обнял друга.

— Спасибо тебе за все! Ты — единственный мой друг. Береги себя.

— И ты береги себя. Надеюсь, ты сможешь выжить, и мы когда-нибудь увидимся.

Я заверил, что Паука не так легко убить и обязательно дам о себе знать. Ваня побрел в ту сторону, откуда мы пришли, изредка оглядываясь. Отшельник стоял, не шелохнувшись, пока Ваня не скрылся из виду.

— Иди за мной, — твердо сказал он. — Расскажешь, что случилось. Но если что-то утаишь — то пеняй на себя. Выгоню и больше никогда не приму.

Я заверил, что буду честен и расскажу все без утайки. Отшельник бодро зашагал по лесу, ловко уворачиваясь от веток и сучков, будто знал здесь все до мельчайших подробностей. Хотя я был очень уставший, все равно старался не отставать и поэтому частенько получал колючей веткой по лицу.

К моему счастью, идти прошлось недолго. Примерно через десять минут мы вышли к пруду, на берегу которого стоял добротный дом. Отшельник быстро подошел к крыльцу, поднялся на него и исчез в доме. На меня он ни разу не посмотрел и ничего не сказал, поэтому я устало опустился на замшелую скамью у пруда.

От напряжения подрагивали ноги, от недосыпа болела голова и слипались глаза. Я решил, что ничего страшного не случится, если я немного полежу, но как только закрыл

глаза, как сон тут же опутал меня. Однако не прошло и минуты, как над самым ухом послышался голос Отшельника:

— Ты спать сюда пришел?

Я встрепнулся, с огромным трудом открыл глаза и сел. Отшельник опустился рядом и вперился в меня ясными голубыми глазами.

— Рассказывай, но помни о моем предупреждении.

Устало вздохнув, я потянулся и начал. Сначала рассказал о том, как на самом деле закончилось Великое сражение, и кто в нем победил. Затем перешел к своему увлечению — перемещение в будущее и проживание жизнью других людей, а потом поведал о том, что случилось после моего последнего перемещения. Отшельник не прерывал, ни о чем не спрашивал, никак не реагировал. У меня даже создалось впечатление, что он меня не слушает. Однако, когда я дошел до того места, где он нас пугал, Отшельник поднял руку.

— Ты был правдив. Я верю тебе и готов помочь, но...

Если при первых словах я воодушевился, услышав НО у меня даже сердце перестало биться.

— ... ты должен полностью мне подчиниться. Каким бы родовитым ты не был, сколько бы власти не было в твоих руках — ты будешь беспрекословно выполнять все мои поручения. Даже если они будут казаться тебе нелепыми и ненужными. Здесь всё решаю я. Согласен?

Я с облегчением выдохнул и кивнул. Мы пожали друг другу руки, и Отшельник пригласил меня в дом. Я понимал, что с этого момента моя жизнь круто поменяется, но даже не представлял, насколько сильно.

***

Отшельник встал и твердо сказал:

— Задание на сегодня: вычистить мой дом. Прибрать все углы и помыть полы.

— Что?! — я аж вскочил от возмущения.

Я — Паук и наследник престола, а не прислуга. Что он себе позволяет? Или это шутка такая?

Отшельник прошествовал мимо меня и зашел в дом. Мне ничего другого не оставалось, как пойти следом. За толстой деревянной дверью, обитой железными полосами, был настоящий хаос. Сначала я даже не знал, на чем остановить взгляд: под хламом и грудой посуды не было видно стола, кровать состояла из намотанного в рулоны разноцветного тряпья, черную от сажи печь загромождала посуда из бересты: туюски, коробка, корзинки. Весь пол покрывал толстый слой грязи, а стены и потолок были занавешены старой пыльной паутиной.

— Мне надо отдохнуть, — сказал он. — Не хочу тебе мешать, поэтому посплю в гамаке на чердаке.

Он подошел к лестнице, приставленной к стене, и поднялся в квадратное отверстие в потолке. От тяжелых шагов мне на голову посыпались сор и сухой мох.

— М-да-а-а, — протянул я и горько усмехнулся. — Из наследника престола в прислуги.

Я прошелся по дому, попинал комки пыли, и нехотя взялся за работу. Первым делом решил освободить стол. Но, когда все переложил на пол, понял, что теперь нельзя было пройти к двери. Все не так легко, как мне показалось в начале. Немного подумав, сложил грязную посуду в стопку, вынес на улицу и положил на доски у пруда. Морщась от

отвращения, я принялся отмывать плесневелые глиняные тарелки, кружки в коричневых разводах и чугунки с засохшей едой. В холодной воде и без мыла все отмывалось очень плохо, но я старался. Старался так, что даже ногти стер. Не знаю почему, но мне казалось будто в этом есть смысл. Будто Отшельник уже чему-то меня учит. Но чему? Чистоплотности? Вряд ли. Не останавливаться перед трудностями? Может быть. Или хочет прогнать меня? Хм...

Отмыв гору посуды, я разложил ее на скамье, чтобы просушить, и вернулся в дом. Следующим место уборки стала кровать. Широкая деревянная добротная кровать представлял собой склад для ненужного тряпья, начиная от грязных носков и заканчивая съеденным молью цветастым ковриком. Как только я прикоснулся к вещам, как в воздух поднялся целый рой мохнатой серой моли и в нос ударила вонь грязного запревшего белья. Я не выдержал и выскочил на улицу. Забежав за угол дома, опустошил и так пустой желудок.

Меня трясло от злости, отчаяния и отвращения. Сверху доносился храп Отшельника, что еще сильнее вывело меня из себя.

«Я — маг, а не слуга! Сам мой свои горшки! — полный решимости я снова зашагал к дому. — За кого он меня принимает?! За мальчика не побегушка?!»

Я забежал в дом, но, когда подошел к лестнице, ведущей на чердак, замер. А если он меня так испытывает? Или таким образом хочет от меня избавиться? Нет, я не сдамся!

Плотно сжав губы и задержав дыхание, я схватил тряпье и вынес на улицу. Разбираться с этой вонючей кучей я не хотел, поэтому обложил со всех сторон сухими полешками и поджег. Пламя взметнулось вверх и за считанные минуты уничтожило большую часть вещей. И пусть. Нечего было такой срач разводить!

Нашел в сенях железное ведро и решил помыть пол. Для этого набрал воду из пруда и просто вылил ее посреди комнаты. Вода растеклась в разные стороны и намочила ошметки грязи, глины и еды. Поскользнувшись на размокшей грязи, я начал мыть пол полотенцем, которое нашел на гвозде за печкой.

«Надеюсь, это того стоит», — подумал я, когда выгреб из-под шкафа груды мышиного помета.

Через час, уставший и голодный, я опустился на ступеньку крыльца и смотрел на ярко-оранжевые лучи закатного солнца. В доме стало намного чище, но до полок, шкафов, стен и потолка у меня не дошли руки. Вернее, я больше не хотел этим заниматься. Всё, хватит! Тем более, скоро наступит следующая ночь...

— Долго еще он будет дрыхнуть? — раздраженно подумал я. — Пойду разбужу.

Но как только поднялся, услышал шаги и скрип. Отшельник спустился с чердака и теперь прохаживался по дому. Интересно, что он скажет? А может, я зря сжег его вещи? Я уже хотел зайти, но тут он вышел сам.

— О! Ты еще здесь? — искренне удивился он. — А я уж думал, что ты сбежал.

— Сбежал?! — вспыхнул я. — Я заколебался отмывать твою посуду и оттирать твои полы. Столько грязи в жизни не видел! После всего, что я сделал, ты теперь мой должник!

Он откинул голову и громко расхохотался. Волна злости и раздражения захлестнула, поэтому я еле сдержался, чтобы не запустить в него ядовитой паутиной.

— Что смешного?! Ты хоть раз убирал свой дом? — напустился я на него. — Я пришел к тебе не за тем, чтобы...

— Погоди-погоди, — он примирительно поднял руки. — Давай зайдём и все обсудим. Я нехотя зашел в дом и пораженный замер на пороге.

— Проходи, — махнул рукой Отшельник. — Ужинать будем.

Я встряхнул головой, потер глаза и понял, что все это время был под Наваждением. На самом деле в доме царили чистота и порядок. На окнах висели занавески в голубой цветочек, на столе лежала зеленая скатерть, печь была побелена, а от пыли и паутины на стенах и потолке не осталось и следа. Пока я приходил в себя, Отшельник накрывал на стол: вытащил из буфета деревянные тарелки с хлебом, сахаром и вареньем, ухватом достал из печи чугунок, налил воду в электрический чайник и включил его.

— Зачем печь, если есть электричество? — немного успокоившись, спросил я.

— Это ты сейчас узнаешь, — улыбнулся он. — Садись, будем есть.

Я с готовностью прошел в комнату, сел за стол и взял кусок хлеба. Отшельник открыл крышку чугунок, и мой рот тут же наполнился слюнями. Там было мясо, тушенное с овощами. Обжигаясь от нетерпения, я принялся за еду. Такого нежного и вкусного мяса я в жизни не ел, даже когда жил во дворце и нам прислуживали лучшие повара империи.

— Теперь понимаешь, почему я готовлю в печи? — спросил Отшельник, когда мы вышли на улицу, чтобы освежиться после горячего ужина.

— Да-а-а, — протянул я. — Было очень вкусно. Спасибо! Но зачем ты заставил меня столько времени убить на уборку?

— Это было первое испытание. Ты его достойно прошел. Правда, мне теперь придется спать без подушек.

— Почему? — не понял я.

— Потому что ты их сжег, — усмехнулся он. — Три подушки с лебяжьим пухом.

Я посмотрел на то место, где устроил костер, и увидел белые пушинки, разлетевшиеся по траве.

— Ты сам виноват, — отмахнулся я. — Для меня это было грязное вонючее тряпье.

Зевнув во весь рот, я с сожалением посмотрел на потемневшее небо. Пришла еще одна долгая ночь.

— Боюсь, я так устал, что засну даже на ходу, — признался я Отшельнику. — Есть у тебя какое-нибудь снадобье или заклинание, чтобы не дать мне уснуть?

— Ничего такого у меня нет. Но ты неправильно мыслишь: надо не прогнать сон, а найти способ не допустить в него Воронова. Ведь если ты заснешь, он тут же найдет тебя и отправит сюда боевиков с головорезами. Я их не боюсь, но вряд ли долго смогу держать оборону.

— В том-то и загвоздка. Я не знаю, как закрыться от Воронова.

Отшельник задумчиво посмотрел на меня, встал и зашел в дом. Я еще немного посидел на крыльце и присоединился к нему. Однако его нигде не было. Я уже было подумал, что он снова напустил Наваждение, но тут доски над головой затрещали. Он был на чердаке.

— Иди сюда! — позвал Отшельник. — Если сами не можем решить этот вопрос, значит обратимся к праотцам.

Лестница на чердак выглядела хлипкой, а ступени опасно хрустели, но я быстро поднялся и очутился в библиотеке. Так мне сначала показалось. На самом деле этот чердак мало походил на типичный: никаких коробок с барахлом, ненужной мебели или сундуков с нафталиновыми вещами. Вдоль стен стояли полки, доверху набитые различными свитками, книгами и прочими бумажками. Слева у стены, в которой было прорублено небольшое круглое окно, висел вязаный гамак.

— Не помню, — послышался сзади голос Отшельника, и я обернулся.

Он сидел за громоздким письменным столом и пролистывал толстую книгу в кожаном переплете.

— Вроде здесь видел... Или не здесь? Так, «Уникумы и реликты», — он взял с полки другую книгу. — Посмотрим-посмотрим.

— Что ты ищешь? — спросил я, но Отшельник не ответил. Он быстро перелистывал страницы, мельком бросая взгляд на текст.

Я увидел картину на стене и подошел, чтобы внимательнее рассмотреть. На ней было изображено черное безобразное существо с огромными когтистыми лапами и ощерившейся красной пастью. Ее окружали три мага в мантиях и со светящимися шарами в руках. Внизу была надпись: «Пленение верлока».

— Нашел!!! — я аж вздрогнул от крика Отшельника. — Ведь помнил, что где-то читал про них.

— Про кого? — не понял я.

— Про сноходцев, как твой Воронов. Здесь написано, как с ними бороться.

— И как же? — я подошел вплотную к Отшельнику и заглянул ему через плечо.

Однако сколько не силился прочесть, не понял ни слова. Было написано не по-русски, а других языков я не знал.

— Ну, что там? — не унимался я.

— Подожди, — строго сказал Отшельник. — Мне нужно время, чтобы понять.

— А что это за язык такой чудной?

— Это дневник кельта по имени Брит. Он путешествовал по миру и записывал обо всех необычных дарах, которые встречал... Вот! Слушай: «Сноходец держит сознание жертвы в узде. Он с легкостью манипулирует слабым магом или «пустым» человеком. Сильному противнику он не дает проснуться и может продлить сон до нескольких дней». Ну, дальше про то, что сноходец переходит в сон человека по так называемому «затяжному мосту». С помощью этого же моста он находит спрятавшуюся жертву.

— А победить-то его как?

— Не торопи, — отмахнулся Отшельник. — Древний кельтский язык не родной мне, поэтому быстро не получится... Хм, здесь написано, что слабый маг и «пустой» человек не смогут справиться со сноходцем, а вот сильный может прогнать магией.

— Какой еще магией? — вспыхнул я. — Как я могу воспользоваться ею во сне?

Отшельник пожал плечами, перечитывая непонятные загогулины:

— Ну да, так и написано: «прогнать своей магией».

— Попадись мне этот Воронов, голыми руками задушу, — процедил я сквозь зубы и сжал кулаки до хруста в пальцах. Моя ненависть к нему росла с каждым часом. Я очень устал и хотел спать, а из-за этого прилизанного гада должен был выслушивать всякую небылицу. Как можно воспользоваться магией во сне? Для применения магии нужна концентрация, собранность и ясный ум. Даже в подвыпившем состоянии у меня не всегда получалось справиться с паутиной, не говоря уж о сне. Дурак — этот кельт Брит!

Я подошел к гамаку и без спросу залез в него. Мне было уже на все наплевать. Я прекрасно понимал, что даже если выдержу эту ночь, в следующую точно вырублюсь. Так зачем оттягивать неизбежное? Вязанный шерстяной гамак обволакивал и плавно укачивал меня. Я закрыл глаза и будто снова очутился в детстве и засыпал на руках доброй мягкой няни, пахнувшей хлебом и терпким потом.

— Не спи! — громко сказал Отшельник и подошел ко мне.

— Я только полежу, — сонным голосом ответил я, но даже не смог открыть глаза. Усталость тяжелым пуховым одеялом навалилась и не давала пошевелиться.

— Ты отдохнешь, но по-другому. Вставай, я покажу тебе кое-что.

— Давай завтра ты мне все покажешь, а сейчас я просто хочу немного полежать в тишине, — еле слышно проговорил я, повернулся набок и подложил руки под щеку.

Но тут гамака резко завалился, и я рухнул на пол, больно стукнувшись головой и копчиком.

— Э-э-э, ты что делаешь? — сон как рукой сняло. Я поднялся на ноги и грозно двинулся на Отшельника, но тот испуганно замахал рукой и попятился к выходу.

— Это не я. Это гамак. В нем не поспишь, как на кровати. Осторожнее надо быть... Ну раз уж ты не встал, то пойдем вниз. Я покажу, как можно расслабиться и отдохнуть.

— Лучше сна ничего нет, — пробурчал я, но поплелся вслед за Отшельником.

Мы спустились вниз, и он велел придвинуть стул к стене и сесть.

— Теперь навались спиной на стену и закрой глаза.

— Если я закрою глаза, то тут же вырублюсь, — признался я.

— Нет, закрой и слушай меня, — я даже не предполагал, что Отшельник задумал. Не сделал, как тот велел. Тем временем, он чем-то зашуршал, чиркнул спичкой, и в нос ударил запах пряного дыма. Я открыл глаза и увидел, как он дует на пучок тлеющей травы.

— Что это?

— Дурман трава, багульник, зверебой и... Как же его... М-м-м, — Отшельник задумчиво посмотрел наверх. — Короче, не помню, как четвертая трава называется. Закрой глаза, дыши глубоко и внимательно слушай.

Я снова закрыл глаза, вдыхая аромат трав, а Отшельник заговорил приглушенным монотонным голосом:

— Ты не в моем доме, а на вершине холма. Внизу простирается равнина, усеянная цветами, вдали пролегает полоска речушки.

Образ тут же возник перед глазами, так как нечто подобное мы видели с Ваней, когда шли сюда.

— Вдохни, — он сделал глубокий вдох. — Приятно пахнет луговыми травами, свежий ветер развеивает твои волосы. От жаркого утреннего солнца прищуриваются глаза и щекочет нос.

Он еще долго описывал мне, что я должен видеть и чувствовать и... О, Боги! Я действительно, очутился там. Это было так неожиданно, что я даже испугался и подумал, что уснул, но голос Отшельника все также звучал рядом.

— Ты сел в траву и поймал божью коровку. Она быстро перебирает лапками и ползет вверх по большому пальцу. Ты не чувствуешь ее веса, но тебе хочется держать ее на ладони и наблюдать. Вот коровка свернула влево и проскользнула между большим и указательным пальцами и исчезла из виду. Ты поворачиваешь руку и видишь, как она ползет по костяшкам пальцев.

Я полностью окунулся в вымышленный мир и даже когда голос Отшельника пропал, продолжал находиться там и чувствовать, как колется трава и пахнут цветы. Жужжание недовольного шмеля, крики птиц в небе, шелест ветра в траве — все это было так реально, что я даже забыл, где нахожусь, пока меня не потрясли за плечо.

— Очнись!

Открыл глаза и увидел улыбающегося Отшельника. На столе дымилась каша, выключился электрический чайник. Я потянулся и понял, что затекла спина и ноет задница. Я все также сидел на стуле у стены.

— Это был сон?

— Нет, ты просто расслабился, но твоя голова продолжала работать и создавать мир, в который я тебя окунул. Но это был не сон! — строго сказал он. — Один раз ты можешь обмануть свой мозг и заставить его работать, когда отдыхает тело, но второй раз уже не прокатит. Понял?

Я кивнул и встал. В окно светило солнце, слышалось чириканье птиц. Прошла вся ночь, а я даже не заметил. Не сказать, чтобы я хорошо отдохнул, но мне стало легче. Правда, в голове шумело будто вчера выпил как минимум три литровые кружки пива.

— Это от трав, — Отшельник будто прочитал мои мысли. — После крепкого чая станет

легче. Кстати, как твой источник? Наполнился?

Я закрыл глаза и мысленно окунулся в него. Боевые маги здорово помогли мне, но источник до сих пор не был заполнен. Я разочарованно выдохнул и рассказал об этом Отшельнику. Но тот лишь равнодушно кивнул и с наслаждением откусил ломоть белого хлеба с медом. И зачем я сюда так рвался?

— Скажи честно, чтобы я зря не тратил время, — твердо сказал и встал напротив. — Ты мне поможешь?

— Я? — он удивленно вскинул брови. — Нет, не помогу.

Я думал, что он будет отмазываться или пытаться заговорить мне зубы, поэтому опешил от такого прямого и честного ответа. Просто стоял и смотрел на Отшельника вытаращенными глазами, как дурак. Хотелось возмутиться, ударить его по довольной физиономии и вернуться в город к семье, но что-то останавливало меня.

— А кто мне поможет? — зачем-то спросил я.

— Ты сам, — пожал он плечами. — Твоя жизнь в твоих руках. Я дам знания, а ты сам решишь, как ими распорядиться... Когда-то у меня были ученики и я с удовольствием делился с ними всем, что знал и умел. Но, — он развел руками. — Никто из них не стал даже наполовину таким, как я. Как только у них начинало получаться, они бросали учебу и решали свои проблемы. Также поступишь и ты.

Я не стал его переубеждать. Именно так я и поступлю.

— После завтрака начнем, — сказал он и кивнул на стул. — Тебе понадобятся силы.

***

Мы стояли посреди небольшой поляны за домом. Отшельник принес с собой повязку и длинную жердь.

— Сначала ты должен научиться бороться со сноходцем, — сказал он и протянул мне повязку. — Иначе либо свихнешься, либо приведешь сюда Воронова.

— Ты боишься его? — осторожно спросил я и завязал полоску плотной ткани на глаза.

— Не его, а тех, кто рядом с ним. Судя по твоему рассказу, у них есть тайный козырь в рукаве. А я не люблю сюрпризы.

Дальше последовала четкая инструкция того, что я должен делать, но даже она не помогла понять, как мне действовать.

— Ай, больно!!! — воскликнул я и потер ушибленное плечо через полчаса тренировок.

Даже представить не могу, сколько у меня уже синяков и ссадин.

— Ты должен увидеть! — закричал Отшельник и ткнул жердью в бедро рядом с пахом.

Это было уже слишком! Я взревел и пустил в него паутину, но она не достигла цели, а плавно опустилась на землю и растворилась.

— Если ты еще раз захочешь меня обездвижить — пеняй на себя! — грозно закричал Отшельник и со всего размаху ударил меня по спине.

Я охнул и свалился на колени.

— Вставай и борись! Ты должен включить магическое чутье, иначе не сможешь справиться с Вороновым.

— Я не знаю, как это сделать, — еле слышно выдавил я.

От боли и беспомощности хотелось выть, но я изо всех сил держался. Не хватало еще показать слабость и уязвимость этому извергу! У меня болело все тело, а местами жгло. Мне даже показалось, что я слышал хруст своих ребер, когда Отшельник ударил меня по спине.

— Поднимайся! — вновь послышался его повелительный голос. — У тебя нет времени на отдых, мы только начали.

«ЧТО?! Только начали?! Издевательства еще не закончились?»

Я поправил сползшую набок повязку и, стараясь не застонать от боли, поднялся. Шаги Отшельника слышались рядом. Жердь со свистом пролетала мимо, и я каждый раз невольно сжимался, ожидая очередной удар.

— Ты можешь защитить себя в любом состоянии. Просто поверь в это и научись доверять себе.

Ага, «доверяй себе»! Все мои мысли были лишь о том, чтобы эта дурацкая палка не прилетела по лицу или по яйцам. Отшельник продолжал кружить вокруг меня, размахивая жердью так близко, что я чувствовал свист и порыв ветра. Так, надо вспомнить, о чем он говорил: сканировать пространство, подключить ощущения со спины и затылка, открыть третий глаз. Что за «третий глаз»? И как его открывать?

После пары минут обдумывания, я пришел к выводу, что теории было мало, поэтому на практике ничего не получалось.

— Давай ты мне еще раз объяснишь, как я должен сканировать, чувствовать спиной и про «третий глаз»? — я уже хотел сдернуть опостылевшую повязку, но получил такой удар по предплечью, что не стерпел и взревел от боли. — Ай! Бл..., су...! Всё! Хватит!

Злость, ярость и боль захлестнули волной, и я уже хотел отомстить Отшельнику и отправить в него одну из самых опасных паутин, но вдруг черное пространство вокруг меня колыхнулось. Я замер, боясь спугнуть неизведанные ощущения. Повязка оставалась на месте, но я начал видеть очертания деревьев, а пару секунд спустя — Отшельника. Но видел я не как обычно, а будто в крошечной тьме появились светлые деревья, белая трава колыхалась от ветра, от белого круга солнца в разные стороны расходились светло-серые лучи.

— Бей! Быстрее! — закричал я, боясь, что эффект пропадет.

Я увидел, как Отшельник, стоящий позади меня, занес жердь над головой и с силой опустил вниз. Он бы попал мне по левому плечу, но я ловко увернулся, и жердь ударилась о землю.

— Неужели?! — радостно воскликнул Отшельник и снова попытался ударить. Опять мимо.

Я видел все, что творилось вокруг меня. И это было офигенно! Потрясно! Удивительно! К тому же я понял, что мне не надо фокусироваться на чем-то одном. Я видел все и сразу — одновременно. Вот Отшельник снова пытается дотянуться до меня. Вот птица пролетает над лугом. Вот пупырчатая жаба сидит в траве. Вот стрекоза ловит мошек.

Я перехватил жердь, летящую мне в голову, выдернул из сильных рук Отшельника и сломал надвое.

— Да ты крут! — похвалил он. — Я уж думал, что придется до вечера тебя бить. Сам устал, если честно.

Мы пошли к дому, но я даже не думал снимать повязку. Так хорошо я не видел никогда в жизни.

— Ты думаешь, это поможет мне прогнать Воронова? — с сомнением спросил я.

— Конечно! — он хлопнул меня тяжелой рукой по плечу, и я сморщился. Попал по ушибу. — Достаточно научиться лишь раз и больше никогда не забудешь. Даже во сне ты сможешь все контролировать. Тем более, когда в твой разум проникают.

Я остановился, убрал ткань с глаз и сощурился от солнечного света. Когда глаза

привыкли, меня поразили цвета. Сочные цвета после черно-белого монохрома казались кричащими и неестественно яркими. Когда снова закрыл глаза, то без проблем подключил «другое зрение».

— Пойдем, поедим и ляжешь спать. Тебе надо набраться сил, чтобы вернуть свою магию. Без нее ты не сможешь противостоять врагам.

Я с готовностью последовал за ним и умял все, что передо мной положил: большую тарелку каши, три ломтя белого хлеба, сало и головку молодого сочного лука.

— Иди в гамак, — велел он. — К вечеру ты должен быть, как огурчик. Впереди у тебя до-о-олгая ночь.

Я хотел спросить, что же будет ночью, но он уткнулся в книгу и что забубнил. Поблагодарив за сытный обед, я поднялся из-за стола и только сейчас почувствовал, как устал. Тело было ватным, мышцы болели, кости ныли и в голове шумело. Сам не заметил, как поднялся на чердак, завалился в гамак и заснул.

Даже во сне я чувствовал, как дергаются от усталости ноги и руки, как затекла шея, как скрутило живот. Видимо, от большого количества мягкого сала с прожилками мяса. Вдруг в полной тишине раздался голос:

— Ну, наконец-то!

Зажегся кругляш света и появился прилизанный граф Воронов. На нем был бархатный сиреневый костюм и красные лаковые туфли. М-да, тот еще попугай!

— А я уж испугался, — насмешливо сказал он и плюхнулся в кресло, внезапно появившееся в светлом кругу. — Думал, что ты помер. Ай-йа-йя! Нельзя же так пугать. Где мы еще такого добытчика найдем?

— В каком смысле «добытчика»? — напрягся я и без труда переключился.

Да, именно так все и произошло! Будто повернул тумблер и сразу же увидел все, что вокруг меня происходит. Я по-прежнему лежал в гамаке, за столом сидел Отшельник и осторожно перелистывал крошащиеся от времени страницы. На голове у него горел налобный фонарь. У меня неприятно кольнуло в груди, когда я понял, что не вижу Воронова. В панике я мысленно заметался, но дальше чердака ничего не видел. Что за черт! Как увидеть Воронова? Где этот гад прячется?

Между тем граф вел неспешную беседу.

— Да-да, добытчика, — он пригладил брючину. — В империи мало таких сильных магов. Поэтому ты — очень ценный экземпляр. Я бы даже сказал, незаменимый. Заметь, я не хочу к тебе подмазаться, а лишь говорю правду, — он замолчал и сдвинул брови. — Хм... Ты не в городе, что ли? Не могу тебя найти... Но ты не волнуйся, мне просто понадобится чуть больше времени. А пока, мы можем поговорить.

Воронов улыбнулся и провел рукой по волосам, зачесанным назад и покрытым толстым слоем блестящего геля.

— Как Палицкий выиграл сражение? — озвучил я первый попавшийся вопрос и продолжил искать способ добраться до него.

Что там говорил Отшельник? Смогу контролировать того, кто проник в мой разум? Но как мне переключиться на свой разум? Пока что я видел только то, что меня окружало.

— Зачем тебе знать, как ТЫ проиграл? — равнодушно ответил он. — Да, мы оказались сильнее и умнее. Да, мы нашли способ поработить тебя и твою семью. Да, теперь ты наш источник.

— Что? — недопонял я, услышав только последнюю фразу.

Воронов деланно засмеялся.

— Мы наладили очень эффективную систему насыщения собственных ресурсов. Теперь нам не нужно ждать, когда накопятся силы. Достаточно подключиться к резерву, который полон свежесобранной магии.

— Свежезабранной, незаконно отобранной, сворованной! — вспыхнул я.

И тут я увидел тот самый «затяжной мост» сноходца, про который говорил Отшельник. Он был в виде дуги, как радуга, только не разноцветный, а черный. Я мысленно полетел вдоль нее, удаляясь от дома Отшельника. Внизу проплывали луга, лес, река, через которую я переплывал несколько раз, заброшенная деревня Вани, а впереди показался город и Долина изобилия. Я с легкостью перелетел через стену Долины и устремился к роскошному особняку, из которого и торчала черная радуга.

— Зачем ты снова сбежал? — разглагольствовал Воронов, сидя в кабинете в том самом кресле, которое появилось в моей голове. — Мы же вернем вас на место и сделаем ваше пребывание еще невыносимее. Оно тебе надо?

— Хороший портрет, — спокойно ответил я.

— Какой портрет?

— Тот, что висит у тебя за спиной. Кто это? Твоя мать? М-м-м, а кольцо-то не из дешевых. Сам подарил?

Воронов побелел, вытаращил глаза и вскочил на ноги.

— А что такое? — издевательски спросил я. — Уже не так смешно, правда?

— Г-г-где ты? — он начал испуганно озираться и попятился к двери.

— Я ЗДЕ-Е-ЕСЬ!!! — заорал я так громко, как только мог.

Воронов выскочил из кабинета и с дикими воплями помчался по коридору.

— Боевиков! Боевиков ко мне!

В это время дуга испарилась, а я вернулся на чердак. Отшельник по-прежнему сидел за столом и переписывал с книги в тетрадь.

«Вот и славно, — подумал я. — Теперь можно спокойно выспаться».

Я был уверен, что Воронов больше не попытается проникнуть в мой сон. По крайней мере сегодня.

— Вставай! — послышался повелительный голос Отшельника. — Скоро полночь.

— Спать хочу, — пробурчал я и натянул подушку на голову.

— Зачем ты пришел ко мне? Учиться или спать? — он явно был не в духе, поэтому я нехотя поднялся.

— После вчерашнего до сих пор все болит, — пожаловался я. — Может, перенесем обучение?

— Мужайся — это жизнь, — усмехнулся он и зашагал к лестнице. — Полминуты на сборы.

Я подошел к небольшому окну и выглянул на улицу. Даже не верилось, что уже полночь, ведь я только что закрыл глаза. Аккуратно, чтоб не навернуться, спустился вниз и огляделся. В комнате царила полутьма. Слабый свет исходил от ночника, висящего над кроватью, и от яркого пламени костра за окном. Отшельника нигде не было видно. Со стоном и кряхтением я вышел на улицу и поежился от ночной прохлады. Над землей вился туман, трещали цикады, черное небо было сплошь усеяно звездами, а на берегу пруда горел большой костер.

— Не стой, как истукан, — услышал сзади недовольный голос Отшельника. — Иди к костру и сядь на чурку.

— Зачем? — морщась от боли, я спустился с крыльца и зашагал к потрескивающему костру.

— Сила Огня поможет восстановить приток магии. Если я правильно помню, то Пауки берут энергию из Вселенной? — он зашагал рядом и вопросительно уставился на меня.

— Да, — я поднял голову и снова посмотрел на звездное небо.

Неизведанное, но такое притягательное. Я с детства любил смотреть на небо и мое настроение менялось в зависимости от того, что творилось сверху: темные тучи — становился угрюмым, ясная голубизна — летал от счастья, серая пелена — ходил весь день грустным. Я тогда еще не знал, что в тринадцать мне даруется самый сильный дар — магия Вселенной. А к двадцати годам кровью и потом я заслужу Высшую категорию — Паука.

— Садись! — строго сказал он, и я рухнул на чурку.

— Я знаю, почему твои ученики разбежались, — усмехнулся я. — Ты не учитель, а садист.

— Погоди, — ответил он. — Это я только начал.

Отшельник меня не жалел, когда учил открывать «другое зрение». С одной стороны, я был ему за это благодарен, но с другой... Неужели нельзя было бить не так сильно?!

— Он приходил ко мне, — сказал я, чувствуя, как вспыхнули щеки от жара, исходящего от костра.

— А? — Отшельник будто очнулся.

— Я говорю, Воронов приходил во сне.

— И что? — в его голосе послышалась тревога. — Как это выглядело?

Я хотел рассказать про черную радугу, но потом вспомнил, что когда переключаюсь, то все становится черно-белым. Может и радуга была цветной? Или это была не радуга?

— Я нашел «затяжной путь» и полетел по нему, — ответил я, а Отшельник смотрел на меня, не моргая, и весь обратился в слух. — Теперь знаю, где он живет. Видел бы ты, как он испугался и сиганул с кабинета.

Вспомнив, как надменно-высокомерное выражение лица Воронова сменилось на ошарашенно-плаксивое, я весело рассмеялся. Отшельник тоже расслабился и спросил:

— Что дальше было?

— Ничего. Путь пропал, а я вернулся обратно.

— Но ты успел запустить в него одну из своих смертельных паутин?

Я вытаращился на него, переваривая услышанное.

— Погоди-погоди! — после минутного ступора поднял руку. — Я еще и паутиной могу метать во сне?

— Ну, конечно!

— То есть, я мог убить Воронова?

— Да, мог. И я не понимаю, почему ты этого не сделал, — пожал плечами Отшельник.

Ну это уж слишком! Я вскочил на ноги и, не обращая внимания на боль в теле, заметался вокруг костра.

— Он же у меня был почти в руках. Почему ты не сказал, что я могу пользоваться магией?

— Я говорил, — Отшельник был само спокойствие.

— НЕТ! Я не помню такого! Вот черт! — я пнул чурку, отчего та повалилась и покатила к пруду. — Я уже сейчас мог праздновать победу над ним, а получается, что только спугнул.

— Ты прав. Он больше к тебе не заявится. Надеюсь, — он вопросительно уставился, и я заверил, что Воронов не успел найти меня.

Кипя от возмущения и досады, я слонялся по влажной траве и вспоминал каждое мгновение в перемещении в дом Воронова.

«Кто меня дернул болтать про портрет вместо того, чтобы запускать в него огненной паутиной? Или жгуче-кислотной? Даже обычная удушающая справилась бы на раз-два! Идиот!»

Я бы еще долго занимался самоуничижением, но Отшельник велел вернуться к костру и заняться делом. Умывшись прохладной водой из пруда, я немного успокоился, прикатил чурку обратно и сел на нее. Костер к тому времени немного ослаб, поэтому Отшельник снова подбрасывал в него сухие березовые полешки.

— Может и хорошо, что ты не израсходовал остаток магии на Воронова. Для того чтобы вернуться, тебе бы понадобились силы.

Я пожал плечами и решил, что если ничего вернуть нельзя, то и переживать не имеет смысла. Между тем костер снова разгорелся и трещал, бросая искры в разные стороны.

— Я — маг Огня, — сказал Отшельник и пристально посмотрел на меня. — Огненная стихия для меня все равно, что дом родной. Но не для тебя. Имей в виду: то, что собираюсь сделать, отлично работает для магов Огня, но я не знаю, какие будут последствия для тебя.

Он замолчал и смотрел на меня. Я понимал, что он ждет ответа, но мне надо было

подумать.

— А что самое плохое со мной может случиться? — осторожно спросил я.

— Не знаю. Надо пробовать.

— Я могу умереть? — совсем тихо спросил я.

— Можешь, — кивнул он.

Мне было тяжело решиться на то, что могло меня убить, но внутри была уверенность, что Отшельник этого не допустит.

— Хорошо. Я согласен. Что нужно делать?

Он кивнул и начал раздеваться. Сначала на траву полетела рубашка, затем штаны, сапоги. Я чуть не упал с чурки, когда увидел, что совершенно голый Отшельник, не колеблясь ни секунды, забрался внутрь костра.

— Ты что делаешь?! — заорал я во все горло и попытался схватить его за руку, но он ловко увернулся. Зато я обжег руку и отпрыгнул в сторону, с ужасом наблюдая за тем, как объятый пламенем Отшельник устраивается в центре костра.

— А-а-а! — заорал я и бросился в дом.

В сенях нашел большой алюминиевый таз, выскочил с ним на улицу и побежал к пруду.

— Что ты собираешься делать? — спокойно спросил Отшельник.

Я остановился и медленно, словно боялся увидеть что-то очень страшное, повернулся к костру. Целый и невредимый Отшельник по-прежнему стоял в костре и поправлял горящие полешки под ногами.

— Как это? — я никак не мог взять в толк.

Нет я, конечно, понимал, что он маг Огня, но не до такой же степени! Как он это делает?! Почему не горит? Почему не вопит от боли?

Эти вопросы я не успел задать, Отшельник их прочитал на моем лице и весело рассмеялся.

— Расслабься, — выдавил он и вытер несуществующие слезы в уголках глаз. — Мне понадобился не один год упорных тренировок, чтобы обуздать огонь и подчинить его себе. Положи таз на землю и садись на чурку. Скоро рассвет, а мы даже не начали тренировку.

— А что за тренировка? — напрягся я.

— Попробую передать тебе часть силы Огня, чтобы Вселенная воспротивилась и наполнила твой источник своей энергией.

— Знаешь, не думаю, что это хорошая идея.

— Если ты мне не доверяешь, значит ВАЛИ отсюда!!! — вспыхнул Отшельник. — Уматывай к черту!! Пошёл вон, неблагодарный!

Сначала я хотел психануть, развернуться и уйти, но пары секунд хватило на то, чтобы остыть и вспомнить для чего пришел сюда.

— Хорошо, — буркнул я. — Что надо делать?

— Пока ничего, — спокойно ответил он. — Твое тело знает, что делать.

Я нехотя опустился на чурку, а Отшельник задрал голову вверх, развел руки и принялся шептать непонятные слова. Видимо, все из той же книги кельта. Или нет.

Сначала ничего не происходило. Я даже успел успокоиться и снова мысленно вернулся в сон, в котором испугал Воронова.

«Если заехать в Долину через главные ворота, то его усадьба будет слева возле дальней сторожевой башни», — думал я.

В это время пламя костра резко увеличилось в несколько раз и стало голубого цвета,

однако жара я не почувствовал, наоборот, показалось, будто огонь холодный. Я хотел немного отодвинуться, но Отшельник сделал страшную гримасу и завопил:

— Стой на месте! Не двигайся! Если ты помешаешь мне, то второй попытки не будет!

— Ладно-ладно, — я примирительно поднял руки. — Просто хотел...

Договорить я не успел, так как голубое пламя раздвоилось и обхватило меня в кольцо. Мне стало не по себе, особенно когда я увидел, как кольцо начало судорожно подергиваться, бросая голубые искры.

— Отшельник, — позвал я. — Что происходит?

Вдруг в груди появилось жжение. Сначала это было похоже на горячую картофелину, которую мнут и кладут детям на грудь, чтобы вылечить от простуды. Я даже распахнул рубашку и приложил руку. Кожа была прохладная, но жар внутри нарастал.

— Какая-то нездоровая фигня со мной творится, — встревожился я.

Между тем картофелина превратилась в кипяток, который льют тонкой струйкой. Мне стало больно, поэтому я попытался прекратить это и выйти из кольца. Но не тут-то было! Голубой огонь начал жечь. Воздух стал таким горячим, что я боялся глубоко вздохнуть, чтобы не обжечь горло. Руки и лицо покраснели от адского жара, который нарастал. Одновременно с ним нарастал огонь в груди.

Я посмотрел на Отшельника и сердце неприятно сжалось. Он криво ухмылялся и пристально смотрел на меня, не моргая.

— Ты что делаешь? А ну, выпусти меня!

Но Отшельник помотал головой и презрительно оглядел меня с ног до головы.

— Ты знаешь, у меня хватит магии, чтобы накрыть тебя смертельной паутиной. Выпусти, по-хорошему прошу! — пригрозил я и предпринял еще одну попытку вырваться из огненного круга. Но как только коснулся голубого огня, рукав тут же загорелся. Я прибил огонь рукой и стал судорожно думать, что делать.

«Может, он сошел с ума?» — первое, что пришло мне в голову. Затем я попытался понять пользу от такого жесткого испытания, но не смог.

— Ты хочешь меня убить?

— Я выжгу твой источник и передам тебя Воронову, — злобно сказал Отшельник и усмехнулся. — Думаю, за такой трофеей он много денег отвалит. И те только денег. Хочу быть при власти и жить в Долине изобилия. Почему я должен скитаться по лесам и довольствоваться малым? Я обменяю тебя на графский титул, землю и деньги.

Сначала я не мог поверить своим ушам, но потом меня прорвало:

— Предатель!!! Паскуда! Тварь! Чтоб ты сдох, иуда!!! Хрен вам, а не Макс Богословский!

Я собрал остатки магии и с дикой яростью бросил в него самую сильную из всех своих паутин. Светящейся сеткой паутина полетела на улыбающегося Отшельника, но не достигла его и плавно осела на землю.

— НЕ-Е-Е-ЕТ!!!! — неистово заорал я и в отчаянии бросился прямо в пламя.

Дальше происходило то, что я с трудом смог вспомнить. Меня дернуло и приподняло над землей. Я почувствовал, как жжение в груди сменилось жутким распирающим. Будто в меня засунули шар и начали надувать. И... магия бурным потоком хлынула в источник. Я висел над землей, задрал голову к небу, и наполнялся своей магией.

— Все хорошо, — услышал спокойный голос Отшельника. — Ты справился.

Я медленно повернул голову и увидел, что это он меня держит, а голубое пламя

пропало.

— Что... что случилось? — я высвободился и едва не упал от слабости в ногах. Со мной что-то творилось, но я никак не мог понять, что именно.

— Ты не только наполнился магией, но и увеличил источник, — Отшельник подобрал одежду с земли и начал одеваться.

— Наполнился? — у меня кружилась голова и подташнивало.

Я опустился на землю и огляделся. Вокруг меня вся трава была выжжена, на месте костра догорали красные угли, небо посветлело. Наступал рассвет.

Распахнув рубашку, я посмотрел на грудь. После того ужасного жжения думал, что увижу глубокую рану и обугленные кости, однако даже кожа не покраснела. В голове был полный сумбур, поэтому никак не мог собраться с мыслями.

— На, выпей, — Отшельник сел рядом и протянул мне большую кружку.

Приятное тепло разлилось по телу, едва я сделал глоток. Это была крепкая медовуха с пряными травами. С наслаждением допив до дна, протянул ему кружку и вдруг вспомнил то, что он говорил. Кружка покатила по земле, а я схватил Отшельника за грудки и заорал:

— Ты меня хотел Воронову сдать, да? Да я тебя за это...

Но Отшельник громко рассмеялся.

— Зато дело пошло намного быстрее. Я хотел, чтобы ты сбросил остатки магии и заново запустил свой источник. Так и произошло.

Я отпустил его, закрыл глаза и обратился к источнику. Точно! Он не только заполнился до краев, но и увеличился в два раза. Зае***ь!

Я тут же дал магии расползтись по телу, и почувствовал небывалый подъем сил. С легкостью вскочив на ноги, соткал водяную паутину и опустил ее на догорающий костер. Угли с шипением потухли и выпустили белые прожилки пара. Затем сделал лассо, забросил на верхушку ближайшей елки и без особого труда пригул ее к земле. Ого! Такой силы у меня в жизни не было!

— У-ух-х-х! Держитесь недруги! Я теперь горы могу свернуть! — радостно завопил и закрутился юлой, пуская в небо золотистые нити паутины.

Эту паутину я придумал специально для особенных случаев. Сегодня был один из них.

— Что надо сделать? Ты только скажи! — я протянул руку Отшельнику.

Тот усмехнулся и крепко пожал ее. Сам он выглядел не очень: глаза с красными прожилками, опущенные плечи, ввалившиеся щеки.

— Приготовь завтрак, а я пока вздремну. Все-таки уже не молод для такой встряски.

— О чем ты говоришь? — отмахнулся я. — По виду тебе примерно столько же, сколько и мне. Лет сто тридцать — сто пятьдесят.

Он беззвучно посмеялся и помотал головой.

— Не угадал. В прошлом году был юбилей. Правда, на празднование никто не пришел. Но я не в обиде, многих друзей уже на свете нет.

— И сколько же тебе? Неужели двести? — предположил я, но сам был уверен, что этого быть не может. Слишком уж молодо он выглядел для двухсотлетнего человека.

— Снова не угадал. Четыреста сорок один будет в следующем месяце.

— Да ладно! — воскликнул я. — Моему дяде трехсот пока нет, а он уже сам на мумию похож.

— Эх-х-х, Паук-Паук. Многого ты еще не знаешь. Оно и понятно, молод еще.

Пока Отшельник отсыпался, я сходил на охоту и принес молодого лося. В прямом

смысле принес. Сначала удушил смертельной паутиной, а затем обмотал самыми прочными нитями и приволок к дому. Раньше я бы не смог тащить трехсоткилограммового лося по лесу целый километр, а сейчас с легкостью. Хотя нет, вру. Не с легкостью, но смог.

Быстро освежив тушу, нарезал мясо большими кусками, сложил в чугунок, залил водой и засунул в горячую печь. Остальное мясо разложил по тазам и оставил в прохладных сенях. Пусть сам разбирается, что дальше делать: котлеты крутить или пельмени лепить.

Когда сидел на крыльце, подставив лицо полуденному солнцу, до меня дошло, что сегодня мы с Отшельником расстанемся. Я, конечно, здорово набрал магии и сейчас чувствовал, как быстро она восполняется. Но смогу ли я в одиночку уничтожить не только Воронова, но и боевых магов? Или позвать с собой Отшельника? В это время скрипнула дверь и вышел зевающий Отшельник.

— Как ты? Подзаправился? — спросил я и подвинулся, освобождая место.

Он сел, еще раз зевнул и кивнул.

— Слушай, я тут подумал, — замялся я. — Может, ты со мной пойдешь?

— Куда? — нахмурил он брови.

— Воронье гнездо бить.

— Так ты что ж уже собрался к Воронову идти?

— Да. Думаю, я уже готов.

Договорить снова не успел. Свет померк, и я провалился... в могилу.

— А-А-А-А!!! — истошно вопил я, летя в пропасть.

Комья земли, песок и сор сыпались мне на голову. Руки и ноги царапали корни, торчащие из свежевырытой могилы. Тьма сгущалась, и я вскоре перестал что-либо видеть. Запахло тухлятиной и гнильем. Я барахтался, пытаюсь уцепиться за что-нибудь, но пальцы скользили по влажным земляным стенам. Хотел использовать лассо, но сколько не бросал вверх, нить возвращалась обратно.

«Почему я подумал, что это могила? Скорее похоже на нору или колодец, — подумал я. — Лишь бы дно было мягким».

Больше всего я боялся приземления. Ведь неизвестно, что меня ждало внизу. СТОП!!! В каком, к черту, «внизу»?! Как я вообще сюда попал? Я же с Отшельником на крыльце сидел.

— ОТ-ШЕ-ЛЬНИК! Я знаю, что это ты! Убери наваждение! — заорал я во все горло! ОП! — все пропало.

Я по-прежнему сидел на крыльце, светило солнце, а Отшельник тихонько посмеивался.

— Не смешно, — буркнул я. — И почему я подумал, что провалился в могилу?

— Я тебе так внушил. Сильно испугался?

— Вот еще! Ничего я не испугался. Сразу понял, что это ты ерундой страдаешь.

— Так уж сразу, — он смахнул муравья, ползущего вверх по штанине. — А что ж орал, как резанный?

— Я тебе орал, чтобы ты убрал наваждение, — выкрутился я.

Он пожал плечами и замолчал, а я понял, для чего он это сделал. Я не был готов к встрече с лучшими магами империи. Одно дело, когда участвуешь в честном сражении и совсем другое, идти одному против всех. Притом, я уверен, они будут действовать жестко и подло. Никто из них не бросит вызов, чтобы бороться один на один. Никто не объявит о нападении. Никто не захочет разбираться в правомерности приказов Воронова. Или императора Палицкого?

— Сегодня мы отдыхаем, а вот уже завтра продолжим обучение.

— Согласен. Надо выспаться.

Отшельник недоверчиво покосился на меня и спросил:

— Так ты спать будешь? А я хотел позвать тебя в Рязань. Там такие бары! Вам, москвичам, и не снились.

— Бары?! — я не ожидал такого.

Насмотревшись на серую скукотень столицы, я подумал, что вся страна такая. А в Рязани, оказывается, даже бары есть!

— Далеко до города идти? — воодушевившись, спросил я.

— Идти далеко, а ехать — близко.

— У тебя конь есть? — сразу начал прокручивать в голове азы верховой езды.

Когда-то я довольно сносно ездил на коне по кличке Матрос. Думаю, если поупражняться немного, то все вспомню.

— Ты с берлоги вылез, что ли? — усмехнулся Отшельник. — Мой конь в гараже стоит и бензином питается.

Я вскочил на ноги и стал озираться. Никакого гаража здесь не было. Или он опять надо мной смеется?

— Эх, Богословский, — Отшельник подошел ко мне. — Неужели ты думаешь, что у такого крутого спеца по Наваждениям, как я, все будет стоять на виду?

Если честно, то сначала я так и думал, но после его слов засомневался. Между тем Отшельник провел рукой и сразу за домом появился гараж с железными воротами. От него грунтовая дорога убегала вглубь леса.

— Ничего себе, — выдавил я и поплелся к гаражу. Мне было очень интересно посмотреть на машину Отшельника.

Ворота не были закрыты, поэтому я взялся за ручки и потянул на себя. Первое, что я увидел — хромированный бампер. Затем в глаза бросился кричащий ярко-красный цвет кузова, а потом и вся машина. Это был громадный внедорожник с фарами повсюду. И зачем ему столько света? Бойтся белку задавить?

Пока я любовался машиной, Отшельник вытащил носовой платок из кармана и протер фары.

— Моя красавица, — он любовно провел рукой по машине. — На заказ делал. Я тебе сейчас кое-что покажу.

Он открыл багажник и подозвал меня. Я не знал, что ожидать от такого мощного мага и непредсказуемого человека, как Отшельник, поэтому подошел с опаской, готовый в любой момент закрыться паутиной-оберегом.

— А-ха-ха! Серьезно? — я еще долго не мог успокоиться, глядя на огромные колонки, усиленные магическими знаками.

Оказалось, в Рязани у него есть квартира, в которую мы и поехали. Как только выехали из гаража, я понял, что лучше пристегнуться и держаться за что-нибудь. Я сам любил лихачить, но, когда за рулем другой человек, чувствовал себя неудобно.

— Это твоя личная дорога? — кивнул я на ровную ухоженную грунтовую дорогу.

— Да, моя, — с гордостью ответил он и сильнее надавил на педаль газа.

Меня припечатало к сиденью и заложило уши. От внедорожника я не ожидал такой прыти.

— Я — богатый человек! — прокричал он. — У меня по всей империи есть закутки, в которых могу спрятаться от Палицкого и его наперсников!

— А зачем тебе от них прятаться?

— Сначала Федька Палицкий предлагал мне вступить в их ряды и жить в Долине изобилия. Когда я отказался, они решили посадить меня за стену, как вас, Успенских и Воздвиженских, и выкачивать магию. Но меня не так-то легко поймать! — усмехнулся он и резко затормозил, увидев на дороге енота. — С тех пор я только и делаю, что бегаю по лесам и прячусь. Я — не трус, но идти против престола не хочу. В Великом сражении я не участвовал, поэтому им не удалось добраться до меня так же быстро, как до вас.

Мы снова поехали, но я уже не смотрел на дорогу и не обращал внимания на скорость. Все мое внимание было приковано к тому, что говорит Отшельник.

— Я знаю, что у Палицкого нет даже половины тех сил, что есть у тебя или у меня, но он победил. После того как провозгласили его императором, весь народ взвыл от несправедливого решения. Если честно, я болел за вас — Богословских, — он кинул на меня внимательный взгляд. — Я знаю твоего дядю и дружил с твоим отцом.

— Что?! Ты знал моего отца? — я аж подпрыгнул от неожиданности. Но ремень безопасности вернул меня на место.

— Не только знал. Он был мне, как брат, — Отшельник тяжело вздохнул. — И умер на

***

Мой отец погиб, когда мне было десять лет, а Михе всего два. Я много раз спрашивал маму и дядю, как это произошло, ведь он был одним из самых сильных магов и занимал важный пост в Министерстве магических и боевых искусств. Однако они неохотно отвечали и, по большей части, пытались перевести разговор в другое русло. Когда я вырос, то сам записался на прием к императору и напрямую задал вопрос про отца.

— Вы, я вижу, очень самостоятельный и смелый юноша, — сказал император Алексей Благородный и по-отечески потрепал мне волосы. — Сейчас я не могу ответить на ваш вопрос, но мы обязательно отправим письмо, в котором изложим то, что написано в наших архивных данных.

— Зачем мне архивные данные? — возмутился я. — Просто скажите, как погиб мой отец? Неужели это так трудно?

Я увидел, как замялся император и с мольбой повернулся к своим министрам. Меня тут же окружили и начали уверять, что обо всем напишут, а сейчас на меня нет времени. У императора, видите ли, еще целая толпа просящих топчется в приемной. Правда, письмо я получил ровно через неделю. В нем говорилось, что отец погиб в бою и награжден посмертно какими-то орденами. «Погиб в бою» — раз за разом прокручивал в голове. Но в каком бою и с кем — осталось загадкой.

После, я тщательно изучил историю того периода, но ни о каких войнах или сражениях не было упоминаний. Все было очень туманно и непонятно. И вот теперь рядом со мной сидит человек, который знает моего отца, и что самое главное, знает, как он погиб.

— Расскажи мне, как он умер? — сдавленным голосом попросил я.

Каждый раз, когда речь заходила об отце, в горле появлялся ком. Отшельник с тревогой посмотрел на меня и, сдвинув брови, спросил:

— Тебе не сказали, что случилось?

— Нет, мне ничего не сказали. А если и ты не расскажешь, то пеняй на себя. Понял? — пригрозил я.

— Тогда я, пожалуй, остановлюсь, — он съехал на обочину и долго смотрел перед собой.

Было видно, что ему нелегко вспоминать об этом, но я терпеливо ждал.

— Был такой Демьян. Слышал про него? — я помотал головой. — Владелец заводо-пароходов, — горько усмехнулся он. — А по совместительству — предатель родины и вражеский засланец... Мы долго не могли понять, кто сливает информацию о разработках и военных базах. Через границу и муха не пролетит. В другие государства разрешалось выезжать только проверенным людям, но поляки знали о нас всё!

Отшельник так сильно ударил по рулю, что гудок взревел, и из леса поднялась стая птиц.

— Мы нашли его. Это был Демьян Сорокин. Та еще мразь! Я, твой отец и дюжина верных магов бросились за ним в погоню, но он долго готовился к своему побегу, поэтому почти ушел. Почти, — Отшельник говорил прерывисто и не спускал невидящего взгляда с дороги. — Сложность заключалась в том, что мы с ним были хорошо знакомы и он успел изучить наши силы. Уже на границе с Финляндией мы с Вовой догнали его. Был серьезный бой. Я полностью опустошил свой источник, а твой отец почти затянул его в земляную

воронку, но Демьян применил... «венецианский клинок».

— Не может быть! — вырвалось у меня.

Я знал про «венецианский клинок». Он относится к самому сложному из существующих магических практик. Тому, кто владеет такой магией, не страшна ни одна броня. Даже паутина-оберег его не остановит.

— Что было дальше? — еле слышно спросил я, хотя уже догадывался.

Отшельник тяжело вздохнул и потер переносицу.

— Вовку перерубило надвое. Прямо у меня на глазах, — он повернулся ко мне. — Прости, что не смог ему помочь.

Меня будто окунули в ледяную воду: отца перерубило надвое. Теперь понятно, почему гроб был заколочен, почему мама неделю не ел и не пила и на полгода слегла в кровать, почему все так избегали разговоров о его смерти. Никто не хотел рассказывать ребенку, что его отца постигла такая страшная участь.

— Я читал, что для «венецианского клинка» недостаточно одного источника, — почему-то вспомнилось мне. — Как же он после боя смог применить его?

Отшельник пожал плечами, вытащил из бардачка бутылочку воды и в три глотка опустошил его.

— Что было дальше? Демьян сбежал?

— Нет, его перехватили уже в лесу соседей. Правда, пришлось нарушить границу без предупреждения, но финны были не против. Даже поблагодарили.

— Его посадили или казнили?

— Ни то, ни другое. Испепелили при захвате. Осталась горсточка пепла. Оно и понятно, никто не хотел попасть под «венецианский клинок».

Мы замолчали, погруженные в свои мысли. Теперь я понял, почему Отшельник не прогнал меня и взялся помочь. В память о моем отце.

— Поехали? — спросил он, и я кивнул.

Больше он не лихачил. Настроение было не то, как, впрочем, и у меня. После рассказа Отшельника про «венецианский клинок» я вспомнил книгу, которая однажды попала мне в руки. В ней описывались все заклинания от самых слабых, типа «Разжечь костер» или «Найти ключи», до самых сильных и опасных. Я мечтал, что когда-нибудь буду знать их все и смогу использовать. Тогда я еще не понимал, что невозможно овладеть всеми заклинаниями, ведь много зависело от того, откуда ты черпаешь магическую энергию. Мой род Богословских впитывал энергию Вселенной, но все равно величина источника и сила заклинаний была разная. Миха очень хотел быть таким же сильным, как я, но, чтобы он не делал — все равно был слабее. В юношестве он подражал мне во всем, без усталости учил заклинания и упражнялся, но даже самое простое заклинание не мог сделать лучше, чем я. В возрасте двадцати лет он, хоть уже и не так рьяно, все еще пытался стать сильным магом и брал дополнительные занятия у сильнейших магов империи. Только к двадцати пяти он сдался и признал, что Вселенная его не так любит.

Дядя тоже уступал мне по силе, но он был намного опытнее, поэтому мог сразу использовать несколько заклинаний одновременно. Однако Пауком тоже не стал.

— Мой отец был Пауком? — осторожно спросил я.

Отшельник встрепенулся, будто я его разбудил.

— Нет. Пауком он не был.

— Почему? Ведь он был сильным магом?

Он внимательно посмотрел на меня и задал встречный вопрос:

— А ты почему стал Пауком?

— Как почему? — опешил я. — Это же Высшая категория на силе Вселенной! Мне не надо учить заклинания, не надо знать последовательность действий. Я могу забирать чужую энергию и использовать так, как захочу.

— Да-да, — закивал Отшельник. — Я знаю это. За всю историю человечества известно только одиннадцать Пауков. Но задумывался ли ты когда-нибудь о том, что ты только Паук и все.

— В смысле? — не понял я.

— Что ты можешь, кроме паутин?

— Зачем мне еще что-то уметь, если я могу соткать ЛЮБУЮ паутину? Нужна вода — водяная паутина, нужно кого-нибудь подпалить — соорудил огненную, еще есть удушающая, кислотно-прожигающая, ядовитая и так далее...

— Ты сильный, но ограничен только паутиной, — прервал он меня. — Твой отец не хотел быть таким. И я уверен, что если бы он был жив, то тоже убедил бы тебя, что, когда выбираешь одну стезю, то лишаешься других. А он не хотел ничего лишиться.

Я пожал плечами и отвернулся к окну. Я понимал, о чем он говорит, но меня устраивало быть таким. Не один год я изучал и практиковал эту магию. Даже в столичной академии не нашлось профессора, который смог бы меня всему научить, поэтому знания пришлось собирать по крупицам со всей империи.

Вскоре показался город, и я с раздражением ударил по колену. Перед нами раскинулась серая одноэтажная безликая Рязань.

— Только за это Палицкого надо прикончить, — зло процедил я. — А какой был прекрасный старинный город. Ироды! Неужели вся империя такая?

— Не знаю, как в Закрытой зоне, но на этой стороне все такое, — кивнул Отшельник, снизил скорость и выехал на асфальтированную дорогу.

— Что за Закрытая зона? — я в первый раз слышал об этом.

Он недоверчиво посмотрел на меня, но увидев, что я искренне не понимаю, о чем он говорит, решил пояснить:

— За Пермью начинается Закрытая зона, которую заполонили астральные монстры. Разломы там на каждом шагу. Если честно, я не уверен, что там еще кто-то живет. Скорее всего всех людей уже съели. Ну, или они сами умерли.

Первые несколько секунд я не мог говорить. Комок матерных ругательств с такой силой хотел вырваться наружу, что просто застрял в узком горле. КАК?! ТАКОЕ?! ВОЗМОЖНО?! Пару раз глубоко вздохнув, чтобы успокоиться и привести себя в чувство, я спросил настолько спокойно насколько был способен в этот момент:

— Какого, нахрен, черта этот ублюдочный Палицкий не закрывает Разломы и запускает чудовищ на нашу землю???! — получилось визгливо и оглушительно, но я старался держать себя в руках. — Он что, уже пол империи им отдал? Как вы такую мразь еще не выкинули с престола?

— Потому и не выкинули, что он только о своих и заботиться, — пожал плечами Отшельник и резко остановился, пропуская крысу. — Все охранники и маги занимаются только тем, что защищают Великого императора Федора Павловича и его преданную паству.

— Погоди, а как же армия? Где генералы? Министерство магических и боевых искусств куда смотрит? А пограничные службы куда делись? Полиция у вас есть? — всплеснул я

руками.

— От армии остался Гулькин нос в несколько отрядов, — принялся перечислять Отшельник. — Министерство он распустил сразу, как взошел на престол. Пограничные службы проредил, а полицию заменили охранники, которые работают только в интересах Палицкого. Хотя полиция тоже осталась, но от них толку нет.

Услышанное не укладывалось в моей голове. Разломы в Параллельный мир случались часто, поэтому их тщательно выискивали и сразу же запечатывали. Еще предыдущий император обязал все органы местного самоуправления, даже в самой далекой деревеньке в три дома, иметь человека, умеющего закрывать Разломы. Когда на трон сел мой дядя, то мы с ним создали целую сеть наземных станций, которые реагировали на появление Разлома и тут же давали точные координаты. Хорошо обученные маги закрывали ее прежде, чем оттуда хоть кто-то вылезал. А этот идиот Палицкий отдал земли тварям!

— А как империя отделена от Закрытой зоны?

— Столбы стоят с высокочастотный ультразвуком. Монстры ее жуть как боятся, и не подходят. Впрочем, человеку там тоже невыносимо.

Я закрыл глаза и потер переносицу. Боже, что за нелюди?! Во что они превратили свободную, богатую, Великую Империю? Я должен найти способ вернуть все назад. И я это сделаю!

Квартира Отшельника находилась в самом центре города и, хотя снаружи выглядела убого, внутри все было дорого-богато. Я прошелся по комнатам и понял, что здесь давно никого не было. Пыль поднималась при каждом шаге и плясала в лучах вечернего солнца. Роскошные статуи, картины известных художников, дорогие ковры и книги, книги и книги. Книжки стояли стройными рядами на книжных полках, лежали на мебели, валялись под ногами. Даже в камине вместо дров была стопка книг.

— Неужели ты их все прочитал? — удивился я и поднял с пола тонкую книжечку со стертой обложкой.

— И не по одному разу, — кивнул он. — Меня здесь никто не ждет, поэтому из еды только просроченные консервы. Пойдем в ресторан поедим, а потом завалимся в какой-нибудь бар. Типа «Оленьей ольхи» или «Самоварного духа»?

Эти названия мне ни о чем не говорили, да и по ресторанам я ходить не мог из-за денежных проблем. Об этом я рассказал Отшельнику, но он только отмахнулся и сказал, что все равно не разрешил бы гостю платить за себя.

Ресторан оказался на соседней улице и, как и везде, вывески на нем не было. Почему нельзя написать, что и где находится, мне было не понятно. Ресторан был почти таким же, в какие я заходил в прошлой жизни: тяжелые портьеры, хрустальные люстры, живая музыка и расторопные официанты. Мы заказали большое блюдо тушеной медвежатины, различные соленья, рыбники со стерлядью и брусничную настойку. Также были нарезки сырные, вяленого мяса и копченых колбас. Я с таким наслаждением все съел, что даже не заметил, что к музыке прибавился голос.

— Хороша, — с довольным видом сказал Отшельник и поцокал.

— Настойка-то? Да-а-а. Крепкая и...

— Какая настойка? Обернись!

Он сказал это так громко, что я испуганно развернулся, готовый к нападению, но кроме немногочисленных посетителей и двух официантов никого сначала не увидел. Потом заметил у окна плавнодвигающуюся фигуру и присмотрелся. Это была белокурая красотка с тонкими чертами лица, маленькой грудью и тонкой талией. На ней было строгое голубое платье, но под ним все равно угадывалась фигура.

— Ничего особенного, — пожал я плечами и вернулся к еде. — Слишком худая для меня. Люблю аппетитных девушек, чтобы было за что держаться и к чему прижиматься.

— Молод ты еще, — усмехнулся Отшельник. — Не то ты в женщинах ценишь. Видимо, не влюблялся еще.

Тут я вспомнил про Олесю Успенскую и сердце невольно встрепыхнулось. Я однозначно к ней что-то чувствовал, но что именно — пока не разобрался. Да и не хотел. И без этого есть над чем голову поломать. Быстро доев свою порцию, я напил себе полный стакан настойки и медленно ее потягивал. В это время песня закончилась, и Отшельник начал хлопать в ладоши, как ошалелый. Я усмехнулся его прыти и тоже пару раз хлопнул ради приличия.

— Вам понравилось, Всеволод Игоревич? — послышался сзади мелодичный голосок, и я повернулся.

Раскрасневшаяся певица подошла к нашему столу и, теребя в руках платочек, несмело

поглядывала на Отшельника.

— Очень! — жарко ответил он. — Лучше твоего голоса, Зоенька, я в жизни не слышал.

— Ну прям так и не слышали, — махнула она ручкой и захихикала.

Я наблюдал за этой сценой и улыбался. Отшельник из грозного великана с суровым лицом превратился во влюбленного юношу с обожающим взглядом. Все-таки есть в женщинах чары, с которыми нам никак не справиться. Они бы еще долго ворковали, если бы с улицы не послышалась тревожная сирена.

Все посетители повскакивали с мест и ринулись на улицу. Зоенька пропала из виду, а мы с Отшельником побежали к черному выходу.

— Что это такое?! — закричал я, пытаюсь перекрыть вой сирены, когда выбрались на улицу и увидели, как все носятся по улицам с ошарашенными лицами.

— Кто-то пробрался с Закрытой зоны! — в ответ прокричал Отшельник.

— И что? Она же за Пермью! — вспомнил я его слова. — До нас еще целая тысяча километров!

— Они очень быстро перемещаются, а некоторые могут трансгрессировать.

Не прошло и пяти минут, как на улице остались мы одни. Сирены продолжали выть, отчего у меня уже в ушах звенело.

— Кто будет ловить монстра? — спросил я Отшельника.

— Охранники должны, но здесь их мало. Скорее всего они сами затихарятся и будут ждать, когда придут столичные... или когда монстр домчит до Москвы.

Тут к сирене присоединился громкоговоритель:

— Спрячьтесь! Заприте двери и окна! Монстр прорвался через ограждение в городе Ижевск!

— Ижевск? — я удивленно посмотрел на Отшельника и прокричал. — Ты же говорил, что за Пермью!

— Пермь — это крайняя точка. А так почти все северные районы и большая часть южных уже на стороне Закрытой зоны!

Громкоговоритель опять заговорил:

— Не выходите из дома, пока монстра не поймали! По возможности запаситесь едой и водой! — диктор тяжело вздохнул. — Пока неизвестно, сколько времени уйдет на поиск и уничтожение монстра. С Божьей помощью за пару дней справятся, а пока... Спрячьтесь! Заприте окна и двери! Монстр прорвался...

Мы переглянулись и без слов поняли друг друга. Через две минуты уже сидели во внедорожнике и мчались в сторону Ижевска. Если честно, я жаждал встретиться с монстром. Мне не терпелось применить магию из увеличившегося источника. Пока ехали, раз десять спрашивал у Отшельника, сможем ли найти монстра.

— Да, найдем-найдем, — усмехнулся он, видя в каком возбужденно-нервном состоянии я нахожусь. — Я этих астралов за версту чую. Будто...

Вдруг он замер и медленно остановил машину. Я напрягся, вглядываясь в густой лес, растущий по обеим сторонам дороги.

— Он здесь? — шепотом спросил я. — Уже близко?

— Бли-и-и-ин!!! — Отшельник схватился за голову. — Я с Зоенькой не договорился о встрече. Сейчас она думает, что я к ней остыл, раз на свидание не пригласил, — он ударил по рулю. — Как же сложно с этими женщинами!

Я раздраженно выдохнул, но не стал ничего говорить. Какие могут быть Зоеньки, если

мы едем на охоту?! На астрального монстра!!! Я сражался с таким лишь раз. Притом специально попросил не закрывать новый Разлом, чтобы посмотреть, кто же с таким рвением стремится попасть на наши земли. Это была черно-красная сущность, напоминающая химеру, но без змеиного хвоста. Огромная зубастая пасть, тонкое поджарое тело и острые копыта. Оно перемещалось быстрыми прыжками и оставляло за собой тошнотворный запах сероводорода. Я без труда поймал его паутиной и, после тщательного осмотра, испепелил.

Между тем Отшельник успокоился и вновь помчал по дороге.

— Всеволод Игоревич? — спросил я — А фамилия у тебя какая?

Он мельком взглянул на меня и усмехнулся:

— Довольно известная. Обычно с третьей попытки угадывают.

— Не хочешь говорить, так и скажи, — пробурчал я. — Мне что, делать нечего фамилии перечислять? — но отступать я не любил. — Преображенский?

— Нет.

— Спасский?

— Нет.

— Архангельский?

— Нет. Оказывается, не все угадывают с третьей попытки, — улыбнулся он и ловко объехал огромную дыру посреди дороги. — Давай дальше.

— Я не намерен продолжать это бессмысленное занятие, — отвернулся к окну. — Я не мальчик, чтобы прыгать под твою дудку.... Измайловский?

— Нет.

— Серафимов?

— Не-а.

— Ну не Романов же, черт тебя побери!!! — воскликнул я.

Но Отшельник улыбнулся и кивнул:

— С девятой попытки.

— Что? Ты из рода Романовых? — у меня чуть челюсть не свалилась на пол.

— Да, но рода уже нет. Я один остался в Империи, остальные разбрелись по всему земному шару и связь со мной не поддерживают.

Заниматься дальнейшими расспросами я не стал. Во-первых, не хотел беречь рану его рода, а во-вторых, Отшельник что-то почувствовал и остановился.

— Идет, родимый, — сказал он и втянул носом. — Нет, не идет, а несется.

Он выбрался из машины, встал посреди дороги и вытянул ладони. Я вышел следом и приблизился к нему.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет, но он не один.

Я увидел, как Отшельник нахмурился.

— Что такое?

— Их много. Не меньше двадцати. Если они прорвали заграждение, то скоро монстры заполонят всю империю.

— Они уже близко?

— Нет. Далеко. Возможно дальше Ижевска еще не ушли. Садись, надо ехать и перехватить их там, пока не разбежались в разные стороны.

Мы поехали. Он пару раз останавливался и заправлял машину из канистр. На вопрос с

топливе, сказал, что только проверенным людям можно ездить на машинах и только им продают бензин. Он проверенным не был, но знал парочку таких, поэтому бензин в канистрах было не трудно достать.

До Ижевска мы добрались уже глубокой ночью, но темнота ни его ни меня никогда не пугала и не останавливала. Мы, маги, можем видеть, как хищники — это легчайшее заклинание. Надо всего лишь притянуть взгляд волка или совы.

В городе без умолку ревела сирена и горели красные фонари. Улицы пустовали. Даже в окнах свет не горел, чтобы не привлекать астральных монстров. Я вышел из машины и вдохнул прохладный ночной воздух. Отшельник возился в багажнике. Мы остановились на въезде в город, поэтому я запустил паутину-поисковика в ближайший лес и без труда нашел мелкого ночного зверька. А больше мне ничего и не надо было. Притянув его взгляд, я все увидел так, будто смотрел сквозь темно-зеленые очки. Даже красный свет ламп стал зеленым.

— Идем? — крикнул я, и вдруг грянула музыка.

Отшельник включил те самые динамики в багажнике. На мой вопросительный взгляд ответил:

— Не люблю работать в тишине! И астралы быстрее набегут!

Он был прав. Мы не успели отойти от машины, как впереди показался монстр. Я первым его увидел и напрягся, готовя паутину. Это было костлявое существо с безобразной шишковатой черепушкой и огромной зубастой пастью. Оно подняло голову и принюхивалось. Затем с диким ревом бросилось в нашу сторону. Я запустил паутиной, но она промахнулась и захватила мусорный бак. Следующая паутина закрутила его в кокон и крепко сжала. Отшельник одобритительно кивнул, и мы подошли к извивающемуся монстру, клацающему зубами и обливающимся слюнями.

— Какой красавец! — Отшельник подразнил его пальцем у пасти и щелкнул по носу. — Добивай этого и встречай следующего.

Едва он успел это сказать, как трое монстров выбежали из-за длинного одноэтажного дома и с ревом ринулись на нас. Огненным шаром Отшельник снес голову астралу с головой медведя и телом гиены. Я захватил двоих в кислотную паутину. Крик отчаяния и дикой невыносимой боли звучал ровно десять секунд.

Не успели мы перекинуться и парой слов, как снова набежали монстры. На этот раз пятеро. Они ощерили зубы и бросились... на меня? Я был уверен, что Отшельника они даже не замечали. Как только монстры видели меня, то, не спуская взгляда, бежали со всех ног, будто одержимые. Прикончив этих, Отшельник тоже обратил на это мое внимание.

— Похоже ты им больше нравишься, — усмехнулся он. — Могли бы ради приличия и в мою сторону щелкнуть зубами.

Но обсудить мы опять не смогли. Друг за другом на меня бросались страшные твари, выбегая из-за деревьев и домов. Один даже умудрился забраться на крышу трансформаторной будки и оттуда прыгнул на меня. В этот момент я как раз добивал огненной паутиной полу корову — полу акулу.

— БЕРЕГИСЬ!!! — крикнул Отшельник и запустил огненным шаром. Однако шаг пролетел мимо, а я отпрыгнул в сторону, но почувствовал, как что-то острое прочертило мне спину. Боль разнеслась по телу.

— А-а-ай! Что б тебя! Умри, скотина! — я выпустил целую дюжину смертельных паутин в упавшего на меня монстра.

Времени на то, чтобы подлечиться не было, ведь на меня уже бежали пятеро астральных монстров. Немигающие глаза, клацающие зубы и ярость. Отшельник выжег троих сразу, я захватил в кокон оставшихся двоих.

— Ого-го, — сказал отшельник, когда я повернулся к нему спиной, чтобы он оценил рану. — Хорошо, что по позвоночнику не попал. У тебя даже ребра видны.

Я зло выругался и включил процесс регенерации. Это было очень неприятное ощущение, но пришлось терпеть. В обычной жизни я бы предпочел врача с иглой и только после этого долечить регенерацией, но сейчас такой возможности не было. Поэтому пока была передышка, решил отлежаться в машине и восстановиться.

Отшельник довел меня до машины и закрыл дверь багажника, а я лег на заднее сиденье, скрестил руки на груди и закрыл глаза, полностью погрузившись в восстановление своего тела. Во время регенерации кажется, будто выворачивается наизнанку все нутро. Перед глазами темнеет, в голове страшный шум. Одно хорошо, что даже следа не останется от раны. Мне не мешала музыка вибрирующего динамика, наоборот, я утонул в себе и ничего не слышал.

Минут через десять регенерация закончилась, и я пришел в себя. Первое, что я почувствовал, что машину шатает из стороны в сторону. Приподнялся и посмотрел в окно. Монстры. Целая толпа монстров пыталась прорваться в машину. Огненные шары Отшельника испепеляли их, но на место прежнего вставал новый.

— Сколько же вас? — вырвалось у меня.

Я даже не знал, как выйти из машины. Понадобилось еще несколько минут, чтобы проскользнуть через водительскую дверь, возле которой никого не было. Вдвоем мы быстро расправились с монстрами, и Отшельник устало опустил на корточки.

— Или я не в их вкусе, или они здесь по наводке, — он посмотрел на меня. — Похоже, тебя хотели убить с помощью астралов. Другого объяснения у меня нет. Ни один из них даже голову не повернул в мою сторону.

— Много их еще?

— Нет, больше никого.

Тут дверь ближайшего подъезда открылась и показалась седая голова.

— Кажись, никого нет.

— Нет никого, дед. Выходи.

Старик близоруко щурился и с интересом рассматривал остатки сгоревших или переломанных монстров.

— Эка жуть, — всплеснул он руками. — Видел я сквозь щелочку, как вы их. Молодцы! А я уж думал всё — конец городу, а значит и всем нам. Заходите, заходите ко мне. У меня чайник только вскипел. Старуха вчера булки с маком испекла.

Мы не стали отказываться и с готовностью последовали за стариком. В его однокомнатной квартире было очень тесно. Особенно из-за множества чучел животных.

— Охотником я был, — объяснил старик. — Все руки не дойдут выкинуть. Память все же.

Старуха была слепая. Она сидела на кровати и перебирала четки. На приветствие вошедших ответила лишь кивком.

— Как же она пекла, если ничего не видит? — шепотом спросил я старика.

— Не глухая я, — ворчливо отозвалась старуха. — Я в своем доме все знаю. Даже булавку найду, не то, что муку и сахар.

Между тем старик налил нам по крепкому чаю и поставил на стол корзинку с выпечкой. Мак был посыпан неравномерно, где-то было так много, что хлеба не видно было, а где-то совсем не было. Однако на вкус булочки были отменные.

— Часто к вам монстры прорываются? — спросил я старика.

— Да не-е-е, на моем веку два раза было. Только не верю я в то, что они сами прорвались.

— Много не болтай! — прикрикнула старуха. — Не каждому можно свои догадки рассказывать.

Старик подмигнул мне, и дальше мы пили молча. Когда он вышел нас провожать, то поведал нам свои предположения.

— Каждый раз до того, как монстры к нам проникали, я видел машины охранников. Вот и сегодня три машины встретил. Номера столичные, морды у всех квадратные и боевики с ними. Это они их пропускают. Больше не кому. Если бы астралы сами могли прорваться, то их никто бы не смог остановить.

Мы с Отшельником переглянулись. Наши мысли совпадали. Похоже, Воронову стало настолько страшно, что он больше не хочет сажать меня за магическую сеть и вытягивать энергию, а решил уничтожить меня. Не бойся, прилизанный, мы обязательно встретимся! Только радости ты не почувствуешь.

Мы поблагодарили хозяев за гостеприимство и вернулись к машине. По тяжелому вздоху Отшельника я понял, что он очень расстроился. И было отчего: весь кузов в вмятинах и царапинах, оба боковых зеркала отгрызены, все стекла покрывал толстый слой смердящей слюны и шерсти, несколько фар разбиты или выковыряны.

— Хорошо хоть колеса целые, — я попытался приободрить его немного. — Думаю, с кузовом не будет больших проблем.

— Ты прав, но все равно жалко. Два года мне его тайком на заводе собирали. Ну да ладно. Главное, астралов уничтожили и тебя спасли.

Мы пожали друг другу руки и залезли в машину. На востоке занималась заря. Пока Отшельник, чертыхаясь и тяжело вздыхая, сметал дворниками грязь с лобового окна и обильно промывал омывайкой, я устало навалился на сиденье и сам не заметил, как уснул.

— Ты всё еще жив??! — услышал визгливо-испуганный голос Воронова.

Он снова стоял в светлом круге, но выглядел не так как раньше. Вместо дорогого костюма — камуфляжная одежда коричнево-зеленого цвета, волосы не прилизаны и торчат в разные стороны, бледное лицо покрывала редкая щетина.

— Попался! — радостно закричал я. — Теперь не уйдешь!

Но я не успел ничего сделать. Воронов пропал также неожиданно, как и появился. Подсматривает за мной, гад! Когда проснулся пожалел, что сразу не бросил в него паутиной. Я просто не знал, что он так быстро может пропасть, ведь в прошлый раз удирал от меня, как ошпаренный. После сна я первым делом обратился к своему источнику — полон! Я пораился тому, как такой огромный резервуар и так быстро наполнился!

— Когда в первый раз увеличил свой источник, то тоже очень радовался, — усмехнулся Отшельник.

— В первый раз? А сколько раз ты его увеличивал?

— Три.

— И как быстро ты восстанавливаешься?

— Минут десять-двадцать, не больше. Очень удобно. Я уже и забыл, как во время боя отслеживать количество оставшейся магии. С молодости мой источник не пустел.

Я согласился, что это действительно очень удобно. Ведь тогда ты почти неуязвим. Разве только физическое тело. Тут я вспомнил, как меня поцарапал монстр и полез пощупать спину. Все зажило, даже шрама не осталось.

— Не хочу возвращаться в леса Рязани. Давай заглянем в Казань? У меня там хороший дом есть. Кстати, давно туда не наведывался, надо проверить.

Я согласился, так как мне было без разницы, где находиться. Ведь понимал, что не я должен уйти от Отшельника, а он сам должен меня отпустить... Ну, или прогнать.

Еще через два часа мы въехали в город. Он ничем не отличался от остальных. Такой же серый и неказистый. Я спросил у Отшельника куда делись храмы и мечети:

— Разобрали, — будничным тоном ответил он.

— Как же верующие?

— Верить им никто не может запретить, но только у себя дома и, по возможности, чтоб об этом никто не знал.

Он остановился у квадратного здания, и я сразу уловил запах свежей выпечки. Когда заходили в столовую, поймал себя на мысли, что сам бы никогда в жизни не смог ее найти. Может для того и убрали вывески, чтобы приезжие ничего не могли найти и возвращались домой? Похоже Палицкий хотел остановить миграцию внутри страны. Для чего еще нужно было так усложнить жизнь граждан, я не знал.

Сытно пообедав, мы поехали дальше. На выезде из города Отшельник свернул на узкую улицу и вскоре мы оказались у ряда одинаковых гаражей.

— Надо заправиться, — пояснил он. — Есть у меня друг, который постоянно пополняет мои запасы топлива.

Мы остановились у одного из гаражей. Отшельник вытащил ключницу из бардачка и подошел к двери гаража. Я вызвался ему помочь. Внутри гараж был необустроен, просто помещение. Но весь пол был занят бочками и канистрами. Мы наполнили бак и пустые канистры, и поехали дальше.

Как оказалось, Отшельник и здесь проложил грунтовую дорогу до самого дома, расположенного в лесу.

— Неужели никто не задается вопросом, куда ведет эта дорога? — удивился я.

— Никто ее не видит, — усмехнулся он. — Ты забыл про Наваждение.

— Но ведь я ее вижу, хотя не использую магию.

— Потому что я так решил, — он щелкнул пальцами перед моим носом.

Я повернулся к окну, непроизвольно зажмурился и вскрикнул:

— Осторожно! Дерево!

Тело напряглось, ожидая удара, но прошла секунда — другая, а машина продолжала ехать. Я осторожно открыл глаза и увидел, как внедорожник беспрепятственно едет по густому лесу, насквозь проезжая толстые деревья.

— Фух-х-х! — вытер холодный пот со лба. — Не сразу сообразил, что опять Наваждение. Очень полезное заклинание, но у меня не получается так искусно его применять.

Отшельник убрал магическую пелену с моих глаз, и я снова увидел дорогу.

— Прежде чем учиться насыпать Наваждение, надо научиться его убирать. И, самое главное, чувствовать, где ты попал под это заклинание. Твой отец умел определять. Во время погони за Демьяном мы чуть два раза не прошли мимо его следа, но Вова все чувствовал и вовремя нас исправлял.

Я кивнул и в горле снова появился ком. Я никогда не чувствовал себя сиротой или безотцовщиной, но, когда об отце говорил Отшельник, мне становилось очень тоскливо. С ним я понимал, что лишился не только родителя, но и тех знаний и умений, которые отец мог мне дать.

Вскоре из-за поворота показался дом, больше напоминающий барскую усадьбу, а не «домик к лесу». Когда подъехали поближе, я залюбовался: двухэтажный, из белого камня, с балконом и колоннами на широком крыльце. Дом напоминал безе на зеленом блюде. Во дворе стояли хозяйственные постройки: длинный гараж, баня-сауна с купелью, терраса, дом для прислуги. Едва мы приблизились к дому-усадьбе, как навстречу высыпали расторопные слуги.

— Что ж ты в старом деревенском доме один живешь, если у тебя такие хоромы имеются? — удивился я.

— Сытная жизнь расслабляет и начинаешь лениться. А лень для меня — первый враг. Если бы не моя лень, то за столько лет жизни я бы пешком обошел землю и выучил все языки мира.

Слуги расшаркивались и без устали приветствовали своего хозяина. Оказалось, он уже два года сюда не приезжал. Внутри усадьба тоже впечатляла: гладкий паркетный пол, много позолоты и изысканных статуэток. А про книги я уже молчу, в каждой комнате стоял доверху забитый книжный шкаф.

— Мне придется завтра всех прогнать, — сказал Отшельник, когда мы сели за обеденный стол. — Чтобы не видели то, что я хочу тебе показать и чему научить. «Пустым» людям эти знания ни к чему. Только страха больше перед нами появится.

Я согласно кивнул. К этому времени я уже успел помыться в душе и переодеться в запасную одежду Отшельника. Одежда мне была велика, ведь от моей мускулатуры мало что осталось. Но я подогнул штанины, закатал рукава и в домашних тапочках спустился к столу. В красивой фарфоровой посуде лежали различные сладости, а в центре стола стоял медный самовар.

— Ты, я вижу, любишь смешивать старину и современность, — улыбнулся я и показал на электронные часы, висящие на стене.

— Была бы моя воля, то вообще бы остановил прогресс, — Отшельник, как довольный

кот, облизывал большую ложку из-под сметаны. — Нельзя терять свою культуру и идентичность, — он поднял ложку вверх. — Это путь к саморазрушению.

Я налил себе чай из самовара и подтянул блюдо с блинами и пиалу с вишневым вареньем. Худая женщина с большими грустными глазами стояла напротив, нарезала тонкими ломтями подкопченное сало и прислушивалась к разговорам, доносящимся с улицы. Я хотел посмотреть, кто же там болтает, но никого не увидел.

— Громкоговоритель на столбе висит, — пояснил Отшельник и повернулся к женщине. — Чего, Клава, нового в мире? А то мы с другом недавно из лесу вылезли.

— Неделимые земли уже на следующей неделе отбирают, — жалобно сказала она. — Сначала говорили три месяца, а вчера сказали, что на следующей неделе.

— И пусть, — равнодушно пожал плечами Отшельник.

— Вам-то «пусть», а у меня там клочок земли есть, — пробурчала она. — Родители в наследство оставили.

— Мда-а-а, уже не продашь. Ни один идиот не купит землю, на которую зарится Палицкий. Он все равно житья не даст и выселит оставшихся.

На глазах женщины навернулись слезы. Видимо, после того как мы сбежали, земли решили отобрать быстрее.

— А что Палицкий хочет делать с землей? В империи такие просторы, что не один век придется осваивать, — удивился я.

— Какие просторы? Весь восток и часть юга уже стали Закрытой зоной. Не удивлюсь, если через пару десятков лет от империи останется лишь жалкий клочок земли на западе. Иногда у меня складывается ощущение, что Палицкий нарочно разрушает империю.

— Зачем ему это?

Отшельник развел руками. Женщина дорезала сало и молча удалилась. Отшельник повернулся ко мне и лукаво спросил:

— Как ты думаешь, эта картина на стене настоящая или Наваждение?

Я поднял голову и увидел пейзаж с горами и альпийскими лугами в позолоченной раме. Попытался вспомнить, висела она раньше или нет.

— Наваждение? — предположил я.

— Подойди и дотронься.

Я провел пальцем по полотну и почувствовал неровный слой застывшей краски. Пощупал выпуклые узоры на раме. Картина была настоящая.

— Хорошо, — кивнул Отшельник. — На подоконнике стоит статуэтка Амура или нет?

Я повернулся к окну, но кроме горшка с цветущей геранью ничего не увидел.

— Статуэтки нет.

— Подойди и потрогай.

Сначала хотел возмутиться: что там трогать, если я вижу чистый белый подоконник? Но подумав, решил сделать так, как он велел. Я подошел и медленно опустил ладонь на подоконник: ничего нет.

— Я же сказал, что здесь нет статуэтки.

— Разве? А в правом углу что стоит?

— Цветок в горшке.

— Ты уверен?

«Он что, вздумал смеяться надо мной? — вскипел я. — Совсем за идиота держит?»

Я хотел оторвать лист и показать ему, но рука прошла сквозь растение и наткнулась на

что-то твердое и гладкое. Я быстро ощупал предмет и понял, что это такое.

— Это Наваждение! Здесь нет цветка, только статуэтка.

Отшельник прошествовал к большому мягкому креслу и плюхнулся в него:

— Ты прав. Этот цветок стоит в моей спальне. Но ты его увидел, так как я этого захотел.

Теперь скажи мне, что нарисовано на картине, которую ты уже щупал?

Я еще раз внимательно рассмотрел пейзаж и описал две снежные вершины, луг сочного зеленого цвета, пышные облака и розовый куст вдали.

— Хм, а если вот так? — Отшельник щелкнул пальцами, и картина поменялась.

Теперь на ней была городская улица и торговцы с лотками.

— Ого! Как ты это делаешь? — восхитился я.

— Я — мастер по Наваждениям, — с гордостью ответил он. — Сомневаюсь, что найдется человек, который сможет меня обойти в этом... А ты должен научиться определять, что является реальностью, а что — нет. Иначе боевые маги смогут ввести тебя в заблуждение, а это, сам знаешь, в бою очень опасно.

— Пусть только попробуют, — с угрозой сказал я. — Я сам им такое нафантазирую, что мало не покажется. И вообще, почему ты думаешь, что они владеют Наваждением? Ведь это не такое простое заклинание и забирает много энергии.

— Потому что я сам их этому учил.

Я недоуменно уставился на него. Час от часу не легче! В голову сразу же закралась мысль: а можно ли вообще доверять Отшельнику?

— Да ладно, — он улыбнулся и махнул рукой. — Расслабься. Только два занятия провел. Да и то, лишь основы. Но я не могу гарантировать, что они сами не продолжили обучение. Я, если ты не знаешь, в Академиях тоже не учился, а все постигал сам... Желание учиться не пропало?

— Конечно, нет! Наоборот, теперь я должен знать все тонкости этого заклинания.

Отшельник кивнул и дал следующее задание. Надо было закрыть глаза и перечислить мебель в столовой. Мебели здесь было мало, поэтому задание показалось мне легким: обеденный стол, шесть стульев, два кресла, комод, книжный шкаф. Насчет камина сомневался, называть его или нет.

— Ты почти прав, — кивнул Отшельник.

— Почему почти? Вот стол, стулья, комод — всё, как я говорил, — развел руками. — Больше мебели нет.

Отшельник щелкнул пальцами и в пустом углу появился громоздкий шкаф. Он выглядел так «не к месту», что я даже подошел и пощупал его — настоящий.

— Ты видишь свою паутину?

— Конечно! Она светится.

— А ты знаешь, что остальные твою паутину не видят?

— Да, знаю. И мне это очень нравится. Зачастую никто даже не подозревает, что прямо сейчас на него летит ядовитая паутина шириной в три метра.

— Вот и я вижу то, что создано заклинанием «Наваждение». Все переливается серебристыми бликами. Меня твой отец научил, а я научу тебя, — он откашлялся и сел поудобнее. — Закрой глаза, а когда я щелкну пальцами, включи «другое зрение».

Я сделал так, как он велел и с нетерпением ждал щелчка. Шуршание, скрип и щелк. Из темноты выступили белые предметы. Сначала я увидел стол и стулья. В реальности они были сделаны из красного дерева, но теперь были белые. Я переводил взгляд с одного

предмета на другой и вскоре увидел всю комнату. Но одно очень сильно выбивалось из монохрома — это был сам Отшельник. Он сверкал, будто был покрыт стразами.

— Что ты видишь?

— Всё. Только ты почему-то светишься.

— Открой глаза и поймешь, почему я бликую.

Первым делом я посмотрел на кресло, в котором сидел Отшельник, но кресло пустовало. Только что он был здесь! Куда делся? Я снова закрыл глаза и включил «другое» зрение. Ну вот же он! Сидит и зубоскалится. Но в реальности кресло опять оказалось пустым.

Щелк! Отшельник появился на кресле и улыбался.

— Понял?

— Да! — от восторга у меня даже щеки вспыхнули. — Давай еще?

На протяжении двух часов Отшельник что-то менял или прятал, а я без проблем все находил. Мне так понравилась эта игра, что, когда он предложил поужинать, я огорчился. За это время я научился не только «видеть» Наваждение, но и быстро переключаться на «другое зрение».

Кухарка и служанка быстро накрыли на стол. Я с наслаждением втянул носом и только сейчас почувствовал, как проголодался. В супнице был густой щавелевый суп, рядом лежало блюдо с большими кусками тушеного мяса, в глубокой деревянной миске квашенная капуста, рядом соленые огурцы, в глиняном горшке рассыпчатая гречка.

— Тебе надо научиться видеть Наваждение, не переходя на «другое зрение», — сказал Отшельник, когда мы уже сидели за столом и уплетали за обе щеки.

— Зачем? — спросил я с набитым ртом.

— В пылу драки или погони у тебя не будет времени, чтобы сосредоточиться, стоять с закрытыми глазами и искать Наваждение. Пусть даже это длится всего несколько секунд. Ты будешь уязвим.

— Понял. Согласен, — я отправил в рот хрустящий малосольный огурец. — Когда будем учиться?

— Прямо сейчас. Посмотри на стол и скажи, что здесь не так.

Я взял еще один кусок ржаного хлеба и внимательно рассмотрел все, что лежало на столе. Ничего не светилось и не бликовало, все лежало на своих местах, каждое блюдо я уже попробовал, поэтому знал, что они реальны.

— Ну так что? — поторопил Отшельник.

— Все на местах. Я видел, как кухарка принесла супницу. Видел, что лежало на подносе служанки. Здесь нет ничего лишнего и ничего не пропало.

— А самовар?

— Так вот же он...

Но самовара, действительно, на месте не оказалось. Может, его унесли чтобы подогреть, а я не заметил? С другой стороны, зачем Отшельник дал это задание? Я уже хотел включить «другое зрение» и проверить, не спрятал ли он самовар, но Отшельник остановил меня:

— Нет, не делай этого. Ты должен увидеть глазами: есть самовар на столе или нет?

Я шурился, смотрел боковым зрением, тер глаза, но ни свечения, ни самовара так и не увидел.

— Не смог увидеть бликов, — признался я. — Видимо, надо больше времени.

— То есть ты уверен, что самовар здесь, но он скрыт? — зачем-то уточнил Отшельник.

— Ну да. Иначе зачем ты спрашиваешь о нем?

Тут дверь открылась и показалась кухарка. В руках у нее был дымящийся самовар. Она гулко поставила тяжелый самовар на стол и удалилась. На мой возмущенный взгляд Отшельник улыбнулся и пояснил:

— Не надо пытаться увидеть то, чего нет.

Остаток вечера я пытался увидеть Наваждение обычным зрением, но ничего не получалось. Раскрасневшийся и измотанный я вышел на улицу, вдохнул полной грудью прохладный ночной воздух и подставил лицо лунному свету.

— Меня твой отец целую неделю гонял, прежде чем я научился, — слышался сзади голос Отшельника. — Это самое сложное.

— Почему это так сложно?

— Потому что твои глаза должны видеть одновременно с двух ракурсов или измерений, называй, как хочешь, — он прошел к плетеному креслу и грузно опустился. — То есть твой мозг должен обрабатывать в два раза больше информации. А он, лентяй такой, не хочет напрягаться. Ему чем легче, тем лучше. Только с помощью воли и усердия можно заставить его работать. Так что на сегодня — отбой, а завтра с новыми силами вернемся к занятиям.

— А когда ты научишь меня насыщать Наваждение?

— Так ты же умеешь! — удивился он.

— Но мне далеко до твоих умений.

— Конечно, далеко, — самодовольным видом сказал он. — Я уже много лет практикуюсь, поэтому заклинание стало таким привычным, что даже не задумываюсь, когда его насылаю.

— Я тебя понимаю. Когда только стал Пауком, то на создание первой паутины у меня ушло три часа. Обычную паутину плел три часа, представляешь? — расхохотался я. — Теперь она у меня получается за доли секунд. Любая. Хоть огненная, хоть удушающая. При этом, что техники выполнения разные.

— Д-а-а. Вот, что значит — практика!

Мы еще немного поговорили, и я поднялся в комнату, которую выделил мне Отшельник. Обстановка была простая: одноместная кровать, стол, стул, шкаф. Но я был в восторге от того, что у меня была своя ванная с душем и туалетом.

— Никогда не думал, что буду радоваться унитазу, — горько усмехнулся я и забрался под одеяло.

Мягкая приятно пахнущая постель тут же убаюкала, и я в прямом смысле провалился в темноту. Светлого кружка не было, как и Воронова, поэтому я не мог понять — это сон такой или проделки сноходца.

— Здесь есть кто-нибудь? — крикнул я и для надежности бросил во тьму светящуюся огненную паутину. Где-то еле слышно ойкнули.

Глава 17

Я соткал еще одну огненную паутину и запустил на звук. Но, как только она расправилась и полетела, как вдруг очутился в лесу вместе с Ваней. Мы продолжали искать Отшельника. Ага, значит это снова Воронов за мной подглядывал и бессовестно вклинился в сон! Нужно быть начеку. В следующий раз сразу начну бросать огненную паутину. А может и смертельную... Или удушающую. Благо, выбор большой. Смерть на любой вкус, даже самый специфический! — слоган для моих врагов.

Утром я проснулся отдохнувшим и в хорошем расположении духа. Отшельник уже сидел в столовой за столом и чистил яйцо. Худая женщина выглядела заплаканной и радостной одновременно.

— Спасибо, Клава, на сегодня ты свободна. И остальным передай, что я даю вам три дня отдыха.

— Господин, — она рухнула на колени и зарыдала. — Нет предела вашей доброте. Пусть у вас будет лишь светлый путь в жизни. Я даже не представляю, как обрадуются мои дети от такой новости. Если вам что-нибудь от меня понадобится...

— Ничего не надо. Можешь идти, — с нажимом повторил он.

Женщина вытерла слезы радости и, шмыгнув, исчезла за дверью.

— Да ты тиран и деспот! — театрально воскликнул я.

— Почему это? — обиженно пробурчал он.

— Да где же это видано, чтобы за отпуск в три дня люди на коленях благодарили и слезами умывались. Совсем застращал своих слуг.

— А-а-а-а, — он засмеялся. — Клава благодарил за то, что я у нее выкупил участок с Неделимых земель.

— Зачем? Что ты там собираешься делать? Еще один дом построишь?

— Нет, домов и земель у меня достаточно. Просто ее стало жалко. Для меня деньги — не проблема, а для нее они — большая радость.

Я похвалил его за правильный поступок и сел за стол. В центре стола стояла тарелка с вареными яйцами, рядом блюдец с нарезанным сыром и тарелка с жирным творогом. Мне стало интересно, проверяет ли меня Отшельник или нет. Я закрыл глаза, переключился на «другое зрение» и внимательно осмотрелся. Наваждения не было.

— А если бы научился глазами видеть заклинание, то не надо было бы их закрывать, — усмехнулся Отшельник. — Ешь. После завтрака начнем тренировки.

Мне не терпелось продолжить обучение, поэтому я быстро прожевал то, что под руку попало, и с готовностью встал из-за стола.

— Экий ты быстрый! Если нейма, то покажи на что способна твоя магия — сделай так, чтобы мы очутились на черноморском пляже.

— Я не смогу применить заклинание так, как это делаешь ты. Зато могу внушить, что ты лежишь на горячем пляже, слышишь шум волн и крики чаек. Ты будешь думать, что ты на пляже, но вокруг ничего не поменяется.

— Нет, так не интересно. Хочу полюбоваться на морской закат. Давно на море не был. А ладно, пойдем на улицу. Сегодня хороший день.

Мы вышли на крыльцо. Отшельник прихватил с собой кружку с кофе, тарелку с блинами с творогом и развалился в кресле. Я остался стоять, ожидая очередного задания. Даже в

академии я так сильно не жаждал учиться, как здесь. Может, потому что там не было такого опытного мага или дело в возрасте? Не-е-ет! Потому что от этого зависела моя жизнь. Мне придется одному выступить против престола. Или не одному?

— Если я позову тебя с собой, ты пойдешь? — осторожно спросил я.

— Нет, не пойду, — категорично ответил Отшельник. — Я навоевался, поэтому ценю свое спокойствие. К тому же не вижу перспектив. Что ты будешь делать, после того как убьешь Воронова?

Я не знал ответа на этот вопрос. Всегда предпочитал решать проблемы по мере возникновения. Скорее всего, постараюсь встретиться с императором Палицким и возьму гарантии безопасности для себя и своей семьи. Но на этом не успокоюсь и все равно докопаюсь до истины. Рано или поздно.

— Ладно, оставим это. Сделай так, чтобы наступила ночь.

— Что? — опешил я от такого задания. — Думал, мы начнем с азов. С самых легких заданий.

— Ты Паук или маг низшей категории? — сурово сдвинув брови, спросил он.

Я тяжело вздохнул, но спорить не стал и начал обдумывать задание. Спустя пару минут сдался и глухо спросил:

— Как мне сделать ночь?

— Сначала представь, как будет всё здесь выглядеть ночью, а потом произнеси заклинание.

Я усмехнулся, сказать-то легко, попробуй сделай. Оглянувшись, я остановил взгляд на бане из свежеструганного дерева. Та-а-к, как это баня будет смотреться ночью? Темная крыша полностью растворится во тьме, светлые стены будут видны, но дубовые и березовые веники, висящие на стене, превратятся в темные овалы. Маленькое окошко станет черным квадратом.

Вот так, шаг за шагом, я представлял себе, как будет выглядеть гараж, кусты, забор и все остальное. Затем посмотрел на Отшельник и отметил его светлые штаны, белую кружку, темно-синие тапочки и вообразил, что вдруг выключили свет.

Мне потребовалось больше десяти минут, чтобы мысленно окунуть во тьму весь двор, постройки и лес. Короче всё, что попадает в поле зрения.

— Готов? — спросил Отшельник.

— Готов, — кивнул я и, затаив дыхание, произнес заклинание Наваждения.

Тьма. Непроглядная густая темнота, которая не имеет никакого отношения к ночи. Огляделся — хоть глаз выколи.

— Переборщил, наверное, — усмехнулся я и вытянул руку, чтобы взяться за перила, но их не оказалось. — Отшельник, это твои проделки или я такой сильный?

Я все еще пытался сообразить, что же произошло, поэтому был спокоен и собран.

— Думаю, хватит на первый раз. Снимаю заклинание?

Но в ответ тишина. Я сделал шаг, другой, третий, но до кресла не дошел. Вернее, его не было. Вот тут-то мне стало не по себе. Я попытался снять Наваждение, но сколько ни старался, темнота не отступала.

— Отшельник, ты меня слышишь?

Вытянув руки, пошел вперед. Если бы я до сих пор был на крыльце дома Отшельника, то уже уперся бы в перила, но сколько ни шел, препятствия не встретил. Мне это не нравилось. Я присел на корточки и потрогал пол: гладкий и холодный.

— Что это такое? Где я очутился? — внутри зарождалась паника, но я как мог себя успокаивал. — Так, мне надо подумать.

Сначала мне пришло в голову, что это испытание Отшельника и я должен как-то его пройти, но по ощущениям, прошло уже больше часа, но ничего не происходило. Потом я подумал, что сам что-то натворил, ведь мой источник увеличился в два раза. Еще через несколько минут мне пришло в голову, посмотреть все «другим зрением». Я сел на холодный пол и «переключился».

Первое, что я увидел — Отшельник в кресле. Его голова была запрокинула назад, кружка кофе лежала рядом в луже коричневой жидкости, остатки блинов разбросаны под ногами. Я хотел подняться и попытаться разбудить его, но тут увидел черную радугу.

— Так это опять ты, Воронов?!

Я встал, но тело осталось лежать, раскинув руки. Он нас усыпил! Но как? Я (или мое сознание, я так и не понял, как это у меня получалось) полетел вдоль черной радуги, но не в сторону столицы, а на север. Вскоре, среди деревьев показались большие палатки маскировочного цвета. Ускорился, готовясь к нападению, но вдруг радуга пропала, а я очнулся на крыльце.

— Кхе-кхе-кхе, — закашлял Отшельник, приподнял голову и с удивлением посмотрел на меня. — Ты что сделал?

Я с трудом сел и почувствовал, как раскалывается голова. Потрогал и нашел большую болезненную шишку. Значит упал, а не лег полежать.

— Ничего не делал. Хотел Наваждение наложить, а потом очутился в темноте.

— Так у тебя получилось? — удивился он.

— Нет, это был Воронов. Этот гад что-то сделал с нами.

Отшельник тут же вскочил на ноги и бросился в дом. Отдышавшись и немного успокоившись, я последовал за ним. Из глубины дома слышались удары и звуки, падающих вещей. Я нашел Отшельника в небольшом кабинете. Он просматривал книгу за книгой и с раздражением бросал на пол.

— Что ты ищешь?

— Заклинание, которое он использовал. Я тоже хорош, совсем расслабился и забыл об осторожности. Больше такого не допущу. Знаешь что? — он остановился и посмотрел мне в глаза. — Если будет большая заварушка — ты можешь на меня рассчитывать!

Я кивнул и чуть улыбнулся. Большая заварушка будет — гарантирую, но только тогда, когда я буду к этому готов. А когда я буду готов — помощь понадобится мои врагам.

Он еще долго шарился по своим книгам, но, как я понял, так ничего путного и не нашел. Затем мы снова вернулись к занятиям по Наваждению. Отшельник больше не отважился просить меня создать ночь, поэтому начали с посуды.

— Убери самовар со стола.

— Совсем убрать или прикрыть чем-нибудь?

— Как хочешь, — махнул рукой Отшельник и принялся есть варенье.

Я сделал так же, как и в прошлый раз. Представил, что самовара нет и место на столе пустует. Наваждение сработало на отлично — самовара будто и не было. Я даже сам удивился. Следующим заданием было поменять изображение на картине. После пары минут тщательного обдумывания, я произнес заклинание и вместо темной улицы появился воздушный шар с мешками песка и тепловой пушкой.

Остаток дня я только и делал, что упражнялся. То шкафы с книгами прятал, то клумбу с

цветами засеивал отрубленными вражескими головами, то виселицу ставил на крыльце. Один раз Отшельник даже вскрикнул от испуга, когда увидел в отражении зеркала не себя, а утопленника, которого несколько лет назад при мне вытащили из Волги. Я хорошо запомнил раздувшееся синее лицо и поеденные рыбами глаза, нос и губы.

— Если и дальше будешь упражняться, то скоро меня догонишь. Лет так эдак через двадцать.

— Так уж и двадцать. Пару дней и все.

— Не-е-ет, — отмахнулся он. — Ты долго настраиваешься, а я за доли секунды могу не только ночь сделать, но и лето зимой. Или зиму летом.

Ужинать мы решили на террасе. Правда, прислуги не было, поэтому пришлось готовить самим. Я пожарил мясо и картошку на мангале, а Отшельник помыл и нарезал свежие овощи. Когда ужин был готов и мы сели за стол, ненавязчивая музыка из громкоговорителя пропала и послышался голос диктора:

— Внимание! Объявление для Максима Богословского! Внимание! Объявление для Максима Богословского!

Я замер с куском мяса в руке и уставился на серый громкоговоритель, установленный на самом верху столба.

— Внимание! Объявление для Максима Богословского! — как попугай повторял диктор.

Мне даже захотелось этот кусок мяса засунуть ему в рот, чтобы замолчал.

— Объявление для Максима Богословского! — последний раз сказал он и на пару секунд наступила тишина.

Я замер, будто боялся спугнуть это объявление.

— Богословский, надеюсь ты меня не забыл, — узнал я высокомерный голос Воронова. — Уверен, что нет. Иначе не бегал бы от меня, как сайгак по прериям.

— Сам ты сайгак, — усмехнулся я.

— Ты, наверное, решил, что можешь свободно перемещаться по империи? Нет, не можешь! — взвизгнул он, но тут же взял себя в руки и продолжил. — Ты — преступник, и должен сидеть в тюрьме. Мои лучшие маги не вернулись на базу, и я знаю, что в этом виноват ты. Я уже не говорю про охранников и полицейских.

Тут я вспомнил о бойцах, у которых отобрал жезлы. Видимо, это и были полицейские. Я бы попросил прощения, если бы они были ангелочками и просто мимо проходили, но я знал, что они хотят сделать со мной. Как и охранники с магами. А именно: снова посадить в загон, как животное!

— Я знаю, что ты бегаешь по всей империи в надежде спрятаться от меня, но кое-что ты забыл, — он сказал это таким счастливым и довольным голосом, что я напрягся. — Ты забыл о своей семье. Хи-хи-хи. Да-да, ты все правильно понял. Я нашел их!!!

Я вскочил со стула и вперил безумные глаза в хихикающий громкоговоритель.

— Чтобы ты не думал, что это блеф, расскажу тебе поподробнее. Хм, думаю ты помнишь прекрасную нежную девушку Оксану? Помнишь ведь, да?

При упоминании имени парикмахерши сердце в груди тревожно забилося. Что ему надо от нее?

— У Оксаночки добрая душа, поэтому она не может отказать в помощи. Даже такому негодяю, как ты, протянула свою мягкую ручку. Но, как говорится, она не ведала, что творила. Поэтому пришлось ее тоже взять с собой, чтобы научить уму-разуму. Ну, ты

понимаешь, о чем я, — от его довольного слащавого голоса хотелось блевать. — Кстати, хозяйка гостиницы даже не предполагала, что ее сотрудницы вот так легко заселяют жильцов без документов. Ай-йа-йяй! Впредь будет повнимательнее.

— Он нашел их! — испуганно воскликнул я.

Между тем громкоговоритель продолжал разглагольствовать:

— Но больше всего попало твоему брату. Он совершенно не воспитан! — вновь взвизгнул он. — Ты, как старший брат, должен был быть примером и научить правильным манерам, а то он бросается на людей, как волчонок! Но ты не волнуйся, мы к каждому можем найти подход. И к нему нашли.

Я зарычал от злости и беспомощности. Он посмел тронуть моего брата!!! Задушу собственными руками, подонок! Лучше тебе самому сдохнуть, прилизанный говнюк!

Между тем Воронов продолжал упиваться триумфом и безнаказанностью:

— Твои старики тоже пытались отбиваться, но моим бойцам все равно, кто перед ними. А у стариков такие хрупкие кости, — он поцокал языком. — Плохо ты за ними следил. Плохо кормил. Лучше бы козу держал и морковку растил, а не по лесам бегал. Я пока не знаю, кто тебе помогает, но пусть этот «кто-то» будет начеку. Император не прощает предательства и накажет всех, кто хоть рубль тебе подаст. Например, твоего друга Ивана Вяземского.

Что они с ним сделали? Избили? Убили?! Но, судя по тому, что они не знают, что я у Отшельника, значит Ванька не сдал. Прости, друг, что подставил!

— Даю тебе два дня, чтобы сдать, — сухо продолжал Воронов. — Через два дня начну убивать твоих родных. Сначала дядю, потом мать, и напоследок брата. Кстати, вы очень похожи.

— Фух-х-х, — с облегчением выдохнул я. — Они живы. Только про Ваньку и Оксану ничего не сказал. Неужели убили?! — я повернулся к притихшему Отшельнику.

В это время из громкоговорителя послышалась музыка. Значит, Воронов сказал всё, что хотел.

— Мне нужна твоя машина, — твердо сказал я и посмотрел на Отшельника из-под насупленных бровей.

— Зачем?

— Поеду к Воронову и сверну ему шею.

— Но ты еще не готов! Ты еще не умеешь...

— Я всё умею, — прервал я его — Ты не забывай, что я — Паук, а это Высшая категория магов Вселенной. Просто отдай ключи и не мешай.

Я понимал, что слишком взвинчен и резок, но внутри все кипело. Отшельник тоже это понимал, поэтому молча поднялся и прошествовал в дом. Я метался у крыльца, негодуя, что он так медлит? Через пару минут, которые показались мне столетием, Отшельник вышел и протянул мне ключи от внедорожника и сумку, из которой выглядывала колбаса.

— Куда ты собираешься ехать? В Долину изобилия? — спокойно спросил он.

Я тяжело вздохнул и кивнул на лес, над которым пролетал, когда мчался по черной радуге.

— Когда Воронов нас усыпил, я видел, где он находится. Это база посреди леса. Не знаю, есть ли туда дорога, но направление я заполнил. Если не смогу проехать, пойду пешком.

— Хорошо, езжай. Но помни, что ты всегда можешь положиться на меня. Я в долгу перед тобой.

— В долгу? — опешил я. — Почему?

— Потому что не смог спасти твоего отца. Его крик до сих пор звенит в ушах и берedit душу. Может, хоть так мне станет легче... Примешь еще один совет?

— Конечно.

— Не ищи Воронова. Сначала освободи свою семью. Воронов всего лишь пешка в руках Палицкого и без его ведома ничего не делает.

— Я думал, что схвачу за гланды Воронова и все из него выбью. В том числе, где моя семья.

— И так понятно, куда их упекли.

— Да? И куда же?

— В Бутырку.

Этой тюрьме было не одно столетие. При нашем правлении в Бутырке сделали музей, а также аттракцион под названием «Почувствуй себя смертником». За большие деньги людей сажали в камеру на неделю и обращались с ними, как с настоящими уголовниками. Они терпели к себе такое отношение, а после выхода начинали ценить свою жизнь и свободу. Мне кажется, что именно такое развлечение остановило многих от опрометчивых шагов.

— Она работает?

— Еще как! Переполнена. В наше время всегда найдется, за что посадить. Например, сажают тех, чья квартира или жена приглянулась какому-нибудь вояке повыше рангом. Полное беззаконие в империи.

Я поблагодарил Отшельника за приют, за обучение и за помощь в уничтожении астральных монстров. Он взял с меня слово, что в решающей схватке мы будем биться плечом к плечу. Да, так и будет!

Внедорожник успели отмыть и даже некоторые царапины замазали, поэтому он выглядел почти также, как и при нашей первой встрече. Я бросил сумку на пассажирское сиденье, залез в машину и завел двигатель. Отшельник стоял неподалеку и с тревогой смотрел на меня. То ли сомневался, то ли беспокоился. Я кивнул и плавно выехал из гаража.

Подумав, решил последовать совету Отшельника, поэтому развернулся на трассу, ведущую в Москву, и нажал на газ. Дорога была плохая, но машина пролетала дыры с такой скоростью, что я почти не замечал их. Примерно через пять часов остановился, чтобы заправить машину и немного отдохнуть. От сумки, которую мне вручил Отшельник, вкусно пахло, поэтому я не удержался и заглянул в нее. Хлеб, колбаса, огурцы, термос и книга. Я мельком взглянул на книгу и обратно убрал в сумку. Сейчас мне точно было не до чтения. Пока ел в голове постоянно крутились слова ублюдка Воронова про Миху, Ваньку, Оксану и слабые кости стариков. Как же он смог найти их? Все-таки моя семья и Ваня — не обычные люди, а маги.

Не знаю, как быстро наполнялись их источники после побега, но им по-любому хватило сил, чтобы закрыть себя оберегами и оборвать магический след. Неужели Миха снова не послушался и вышел на улицу? С него станет. Я так и вижу, как он говорит маме, что просто хочет подышать свежим воздухом, а сам слоняется по улицам и ищет бар или кабак. Или администраторша что-то заподозрила и сдала? Хм... Вполне возможно. Как бы то ни было, теперь уже ничего не исправишь и надо их вызволять.

Между тем наступила ночь, и вдаль свет города освещал небо. Я пока не знал, как буду действовать. Во-первых, Бутырка — огромная тюрьма, поэтому уйдет не один час, чтобы оббежать все корпуса и найти семью. Лучше найти «языка», который приведет меня к ним. Во-вторых, это была не просто тюрьма, а крепость. Просто так с улицы не зайдешь.

Чтобы не привлекать внимание, я вырулил с оживленной дороги и заехал в город окольными путями через промзону и гаражи. Внедорожник Отшельника слишком выбивался из потока однотипных машин, поэтому пришлось его оставить в темном дворе заброшенного дома и идти пешком. Правда, пешком я прошел лишь до ближайшего перекрестка, там я попросил о помощи пожилого дедка и тот согласился, приняв меня за деревенского простака.

— Вы корову-то держите? Молоком торгуете?

— Держим-держим. Торгуем, — кивал я.

— Говорят, скоро вас погонят с Неделимых земель. Куда ж вы со своей коровой денетесь?

— Так, обещают квартиру дать, — я как мог изображал простака. — Туды мы с маменькой и переедем.

— А корову? Корову куда денете?

— Съедем, — ответил я, равнодушно пожав плечами, и отвернулся к окну.

— А к Бутырке тебе зачем? Батю навещаешь? — не унимался любопытный старик.

— Да, не-е-е. Друг неподалеку живет. В самую Бутырку, не дай Бог попасть! — я демонстративно перекрестился. — Говорят, там только душегубов держат.

— Неправильно говорят, — понизил голос старик. — Сколько в Бутырке честных и правильных людей сидят — не сосчитать. Я бы даже сказал, что лучших людей посадили, а

всякая шваль живет вольготно.

— Да ты что! — охнул я, прижал руку к груди и покачал головой. — Как же так можно-то?

— Нет у нас власти. Нет! Был бы подлец Палицкий обычным человеком, умер бы давно, а так сидит уже тридцать лет и царствует.

— Так вы, я смотрю, неплохо живете. Вот и машина у вас какая хорошая.

— Машина мне досталась от сына. Он в охране Богословских был. Погиб на днях. Говорят, утопился, — старик горестно вздохнул, а мне стало стыдно. Ведь это я отправил его топиться. — Только врут они. Не мог он сам утопиться. Сослуживцы, наверное, и утопили. Не поделили что-то... Я ведь сам тоже в полиции служил. Как раз когда Алексей Благородный умер и Палицкий сел на трон. Вот тогда мы очень хорошо почувствовали разницу, — вздохнул он.

Я решил воспользоваться случаем и побольше узнать о внутренних делах полиции.

— Я сам не знаю, но говорят, что полиция только Палицкого защищает. Правда аль лгут?

— Правда. Все правда, — кивнул старик. — Простой человек никому не нужен. А банда Палицкого, вместе с охранниками и боевыми магами, бесчинствуют. Да я и сам такое делал, что стыдно до сих пор. Но не по своему желанию, а по приказу.

— Вы, я вижу, человек мудрый, много лет проживший. Не помните, что во время Великого сражения случилось? Как получилось, что не Богословские победили, а слабак Палицкий?

Старик посмотрел на меня и засмеялся. Я не мог понять, что же такого смешного спросил. Наконец он успокоился и пояснил:

— Как же я могу об этом знать, если там войска с магами сражались? Я ведь не маг и не воин. Мы только издали наблюдали за сражением. Страшно было, аж жуть: небо разрывалось на осколки, грохот, будто при грозе, огненные шары об деревья бились и вспыхивали. Нас и близко туда не пускали, но все надеялись, что к власти придут Богословские, или на крайний случай Вознесенские. Но про Палицких никто даже не думал.

Старик остановился напротив Бутырки, но я не спешил покидать машину. У меня накопилось слишком много вопросов.

— Говорят, Воронов — правая рука Палицкого. А кто же тогда левая?

Старик задумчиво почесал щеку, поправил кепку и пожал плечами.

— Кто ж его знает. Слухи ходят, что Палицкий нечестно бой выиграл, а хитростью и подлянкой победил. Может, так оно и есть. Но кроме Воронова народу никого не показывает. У самого из рода осталась мать-старуха и двоюродные племянники. Только племянники до того ленивые и глупые, что кроме пьянок и гулянок ничего не делают.

Я понял, что больше ничего интересного с него не вытяну, поэтому поблагодарил за помощь и зашагал к домам, а не к тюрьме, чтобы не вызвать подозрений. Спрятавшись за углом, дождался пока машина не уедет и только после этого перешел дорогу и остановился у забора, за которой виднелась кирпично-красная стена Бутырки.

Пока шел к Бутырке, в моей голове уже созрел план. Оставалось только надеяться на то, что боевых магов здесь не так много, как в башнях Долины изобилия. Я подошел к воротам и постучал со всей силы. Прошла минута-другая, но никто не реагировал.

— Ах так! — развернулся и принялся пяткой долбить металлическую дверь в воротах. Шум стоял такой, что, я уверен, большая часть местных проснулись.

— Эй, кто там? — послышался грубой голос. — Чего надо?

— Вы что, спите, олухи?! — визгливо закричал я. — А ну, живо открывай!

Замок заскрипел и показалось обрюзгшее лицо с мясистым красным носом. За доли секунд до этого я произнес заклинание Наваждения и теперь перед надзирателем стоял сам граф Воронов.

— Ой! А...Вы чего?

— Открывай, говорю!!! — я грубо толкнул дверь, и надзиратель схватился за лоб и попятился назад. — Ты кто такой?

— Надзиратель Клопин, Ваша Светлость, — поклонился он.

— Ты-то мне и нужен. Приведи ко мне Богословских. БЕГОМ! — я истерично орал и сотрясал кулаками, изображая разъяренного Воронова.

Надзиратель ойкнул и со всех ног бросился к открытой двери в кирпично-красном здании. Уже у самого порога остановился и, развернувшись, несмело спросил:

— Всех?

— Всех-всех, — кивнул я и сделал вид, что смахиваю пыль с плеча.

— Сюда? На улицу?

— Идиот! Я уже теряю терпение! Выводи, иначе сам сядешь до конца жизни!

Толстый надзиратель затряс двумя подбородками и бросился выполнять распоряжение. Я осмотрелся и порадовался тому, что никого больше нет. Остальные то ли спали, то ли боялись показаться на глаза разъяренному графу. Я нарочно орал и подгонял надзирателя, чтобы тот не успел осознать, что происходит и не задался вопросом, почему лощённый граф одет, как деревенщина.

Прошло пять минут, затем десять и я начал беспокоиться. Либо мою семью очень глубоко запрятали, либо надзиратель что-то заподозрил. Прошло еще десять минут, и я не выдержал. Быстро зашагал в двери, распахнул ее и забежал в полутьму. Пока глаза привыкали к темноте, я пробежал небольшой коридор, затем кабинет и очутился там, откуда просматривались все три этажа камер с заключенными. Слышались храп и звук падающих капель. Я медленно двинулся по первому этажу, заглядывая в каждую камеру. Все спали, поэтому я не мог увидеть, есть там кто-то из моих или нет, поэтому полагался только на энергию, исходящую от людей. Когда остановился у камеры в дальнем правом углу, то услышал голоса. Они доносились откуда-то сверху.

— Его Сиятельство велел вывести Богословских на улицу, — я узнал извиняющийся голос надзиратель. — Так и сказал: приведи ко мне Богословских.

— Ты в своем уме? — оборвал его грубый голос. — Граф среди ночи пришел пешком и велел отпустить врагов империи? Ты либо свихнулся, либо тебе приснилось, либо...

Прямо над головой застучали каблуки и раздался крик:

— К оружию! Нападение! Все к оружию!

Я зло выругался и огляделся, в надежде найти место, куда бы нырнуть и спрятаться. Но кругом были только камеры, набитые людьми. Между тем шаги и крики приближались, и я приготовился к бою. Соткал три большие смертельные паутины, но тут вспомнил про Наваждение. Уж если шкаф смог спрятать, то и себя смогу. Прижавшись к холодной стене между камерами, я представил, что меня здесь нет и если кто-то посмотрит на стену, то увидит лишь кирпичную кладку с облупившейся зеленой краской.

Едва применил заклинание, как услышал вздох восхищения. Оказывается, все это время за мной наблюдал один из осужденных. Это был высокий худой мужчина с вытянутым лицо

и большими лошадиными зубами.

— Был человек и нет человека. Удивительно! — он всплеснул руками и ощерил и без того выпирающие зубы. — Как хорошо придумал. Покажи-ка мне еще раз.

Я шикнул на него, но он и не думал молчать.

— Вот бы и мне так научиться. Фьють-фью-фью! — засвистел он. — Эй, ты, покажи мне этот фокус еще раз.

В это время на первый этаж по лестнице сбежали надзиратель и статный хорошо одетый молодой человек в строгом вельветовом костюме. Я сразу почувствовал чужеродную магию и понял, что это боевой маг.

— Я тебе говорю! — повысил голос лошадинозубый. — Иди сюда и покажи еще раз, а то такой крик подыму, что...

Договорить он не успел. Я метко бросил вязким комком паутины, которая залепила ему рот. Пока он пыхтел и хрипел, пытаюсь выковырять невидимую субстанцию, заполнившую рот и прилипшую к языку и нёбу, я прислушался к разговорам.

— Как он выглядел? — спросил боевой маг, когда их окружила вооруженная охрана, с нетерпением ожидая приказаний.

— Как всегда. Волосы назад и блестят.

— А кроме волос ты что-нибудь заметил? — маг нетерпеливо щелкал пальцами.

— Больше ничего такого. Темно-синяя рубашка, серые брюки, — надзиратель задумчиво смотрел вверх. — Обувь не помню. В руках ничего не было... вроде.

Маг фыркнул и велел охране:

— Обыскать! Если увидите что-то подозрительное, сразу связывайтесь со мной. Никакой это не граф Воронов, а самозванец! А ты, — он ткнул пальцем в обвисшую грудь надзирателя, — наказан!

— Н-н-нет, н-не надо... пожалуйста, — взмолился он и попятился назад.

Маг шумно втянул носом, и надзиратель схватился за горло.

— Я лишаю тебя пяти лет жизни, — ехидно процедил маг. — В следующий раз будешь думать головой, прежде чем впускать неизвестно кого на территорию охраняемого объекта. Ты чуть не отпустил самый ценный род империи. Хорошо, что я был на обходе.

Боевой маг оттолкнул надзирателя и побежал на улицу, вслед за остальными бойцами. Тот упал на колени и хрипло закашлял, будто его сейчас вырвет. Между тем голоса притихли, и я осторожно, чтобы остаться незамеченным, стал пробираться к лестнице. Сложность заключалась в том, что я не знал, держится ли Наваждение на движущихся объектах. Самовар, шкаф, дорога, деревья — все это было неподвижно, в отличие от меня.

Когда я подошел к лестнице и начал подниматься, охранник, качаясь, встал и огляделся, будто не мог понять, где находится. Он постарел и похудел. Пухлые щеки сползли вниз и свисали в виде брылей. Волосы поредели, а глаза помутнели и покрылись красными прожилками. По-моему, это было жестоко по отношению к подчиненному. Я, конечно, не ангел и бывало просто выпивал «пустых» людей до состояния мумии, но то были враги!

Надзиратель развернулся и зашагал ко мне. Я не знал, видит он меня или нет, поэтому замер, боясь пошевелиться. Он шел тяжело, с трудом переставляя ногами. Когда мы поравнялись, он схватился за перила лестницы и стал подниматься. Я с облегчением выдохнул и пошел за ним, ступая шаг в шаг, чтобы меня не было слышно.

— Ох и надоели мне эти маги, — еле слышно пробурчал надзиратель. — Как было бы хорошо жить с простыми людьми. Все одинаковые, все наравне. А то эти, — он

презрительно скривил губы, — воображают себя высшей кастой. С чего бы это? Я ведь не виноват, что родился в обычной семье, без заскоков. Ох-хо-хо, — он вытер пол со лба и поплелся по коридору второго этажа. — Как же я домой пойду? Жена прогонит. Вышла замуж за молодого, а за последние полгода я уже десять лет потерял. Не-е-ет, надо уходить отсюда, а то и до конца года не доживу.

Пока мы с ним неспеша шли по коридору, я внимательно проверял энергию каждой камеры, в надежде найти свою семью. Однако их все не было. Я понимал, что надо действовать быстро и решительно, пока не вернулся маг и бойцы, поэтому просто запустил в надзирателя удушающую паутину и прошептал ему на ухо:

— Отведи меня к Богословским или умрешь. Если понял, то кивни.

Задыхающийся надзиратель отчаянно закивал головой. Я ослабил паутину так, что он смог вздохнуть и подтолкнул в спину:

— Показывай.

Надзиратель вцепился в горло и попытался найти то, что перекрывало живительный воздух, но магическая паутина не то же самое, что шнурок или ремень. Ее так легко не убрать.

— Я бы на твоём месте не испытывал мое терпение или к жене ты вернешься только в виде сухой коричневой мумии, — зло процедил я. — Показывай!

Надзиратель оказался между двух огней, но опасность с моей стороны была более очевидна. Хотя он прекрасно понимал, что и боевой маг его не пощадит. Ссутулившись и тяжело вздыхая, он побрел дальше по коридору. Паутину я не снял, а только ослабил, поэтому воздуха ему не хватало.

— Не убивай меня, — жалобно прошептал он. — У меня жена и ребенок.

— Не убью, если будешь паинькой, — пообещал я с твердым намерением исполнить обещание. — Но за твоего начальника ручаться не могу.

Он тяжело вздохнул и полез в карман за ключами. Мы подошли к железной двери с маленьким окошком в самом конце коридора. Это был изолятор. Трясущимися руками надзиратель вставил ключ в замок, провернул два раза и открыл скрипучую дверь. В камере было темно, только свет с коридора прочертил светлую полосу. Я пригляделся и понял, что это одноместный изолятор и кто-то спит на узких нарах.

Мы оба замерли, не зная, как поступить дальше. Я не хотел заходить в камеру, боясь, что надзиратель меня закроет, поэтому подтолкнул его в спину и велел:

— Разбуди и выведи в коридор.

Он нехотя подошел к спящему, потряс за плечо и прохрипел:

— На выход.

Спящий резко повернулся, и я с замершим сердцем узнал Миху. Он был изможден и избит, но жив.

— Никуда я не пойду, — резко ответил Миха. — Убивайте меня здесь.

— Миха, это я. Выходи, — подал я голос.

Он встrepенулся, вскочил и завертел головой, не понимая откуда слышится голос. Я забыл, что нахожусь под Наваждением, поэтому не сразу додумался смахнуть заклинание.

— Макс! — хромая, Миха бросился мне навстречу. — Ты здесь?!

Мы обнялись, но разговаривать было некогда. Я велел надзирателю отпустить остальных и он, охая и причитая, подошел к соседней двери. Свет с коридора осветил осунувшегося и обросшего дядю. Он не спал, а не мигая смотрел в потолок. Мне даже на

секунду показалось, что он умер.

— Что еще вам от меня надо? — грубо спросил он. — Будете иголки под ногти совать?

— Дядя, это я — Макс! — я не смог сдержаться. — Я пришел за вами.

Дядя тут же приподнялся на кровати и прищурил подслеповатые глаза.

— Максимка? Ты?

Я велел Михе помочь дяде выйти из камеры, но сзади вдруг раздался насмешливый голос:

— Попался, самозванец!

Я действовал молниеносно. Во-первых, накинул паутину-оберег на себя, Миху и дядю. Затем развернулся и бросил смертельную паутину. Но боевой маг тоже был хорошо подготовлен, поэтому паутина пролетела мимо него и захватила одного из бойцов, бегущих в нашу сторону.

Хлоп! Огненная стрела вылетела из руки мага и ударилась об мой оберег. Я увидел, как на паутине осталась зияющая дыра, поэтому отвлекся на то, чтобы стянуть ее. В это время маг пустил целую дюжину стрел, которые полетели не только в меня, но и в Миху. Одна из стрел прошла по траектории предыдущей и поразила Миху в ногу. Тот взревел от боли и схватился за раненную лодыжку. При виде страданий брата, красная пелена ярости накрыла меня с головой.

— Ах ты, гад! УМРИ-И-И!

Я едва успевал ткать паутину, которая вылетала из моих рук и накрывала мага и бойцов. Сначала маг успешно отбивался, но было заметно, что сил у него гораздо меньше. Источник беспрерывно наполнял энергией мои руки, отчего паутина появлялась быстро и была очень эффективной. Те охранники, что бежали последними, успели спрятаться, остальные же лежали мертвые. Некоторых так сильно стянула удушающая паутина, что у них глаза вылезли и язык вывалился. От троих охранников остались куски мяса и тлеющие кости. Они попали под жгуче-кислотную паутину. Однако боевой маг был еще жив, хотя надменность и высокомерие сползли с лица и сил оставалось лишь на то, чтобы отбиваться.

Я решил, что хватит играть в кошки-мышки, поэтому остановился и, слегка улыбнувшись, перевел источник в режим пополнения. Энергия мага потекла ко мне рекой и подсказала, что противник хорошо подготовлен и многое умеет. Он сразу понял, что происходит, поэтому вылупился на меня и попятился назад.

— Куда же ты? — насмешливо спросил я. — От разъяренного Паука еще никто живым не уходил.

— Паук?! Ты — Паук?! — испуганно залепетал он, и взгляд его тут же потускнел. Маг понял, что надежды на спасение нет. Он развернулся и бросился к лестнице, но с каждым шагом силы покидали его и вскоре он рухнул, споткнувшись, и полетел вниз по железным ступеням.

Мне не надо было подходить, чтобы понять, что он мертв. Я до дна высосал его энергию.

— Надо найти маму, — послышался слабый голос Михи. — Я не видел ее уже два дня.

Его нога припухла и болела, но кровь уже не текла. Оказывается, эти изоляторы были оббиты той же самой магической сеткой, вытягивающей энергию, поэтому они не могли себя защитить.

— Как вас нашли? — спросил я Миху, когда мы взяли под руки дядю и шли вслед за приунывшим надзирателем к лестнице на третий этаж.

— Я сам не понял. Вдруг наступила ночь...

— Сноходец, — прервал его дядя. — Этот подлец Воронов нас усыпил и доставил сюда.

— Усыпил? Всех сразу?

— Да. Было очень похоже на то, что с нами случилось, когда мы проиграли в Великом сражении. Тогда тоже все отключились. Я не знаю, что это за магия такая. Никакие

защитные заклинания не помогли.

Я вспомнил о том, как мы с Отшельником вырубались прямо на крыльце его дома. Но я спугнул Воронова, помчавшись по радуге. Как же нам защититься от такого сильного заклинания? Ведь иначе мы очень уязвимы. Но больше всего меня волновал вопрос: кто стоит за нашими обмороками? Если бы Воронов сам умел так делать, то не ждал бы пока я засну. Значит ли это, что в этом замешан еще кто-то или у Воронова лимит на такие штуки?

Между тем мы дошли до конца коридора третьего этажа, и надзиратель снова полез за ключами. Он очень долго звенел связками, подбирая нужный ключ. Я даже подумал, что он нарочно тянет время. Наконец, нужный ключ открыл замок, и надзиратель потянул на себя скрипучую дверь.

С первого взгляда я ничего не увидел. Совсем ничего: ни кровати, ни стола... ни мамы.

— Где она? — с угрозой в голосе спросил я.

— Я... я не знаю, — пролепетал он. — Я думал, что здесь.

Я оставил дядю на Миху, а сам залетел в камеру. Огненный шар, который пустил в стену, осветил комнату. Здесь давно никого не было. Толстый слой пыли лежал на полу, а с потолка свисала грязная паутина. Вне себя от злости я ринулся к надзирателю и схватил его за горло.

— Отвечай, паскуда, где моя мать?!

Он таращил глазами и невнятно оправдывался.

— Я только вчера на смену заступил. Их, — кивнул он на Миху и дядю, — не при мне заселяли. Только сказали, что у нас гости в изоляторах. Я видел, как им, — он снова кивнул на Миху и дядю, — приносили еду.

— Это не еда, а тухлятина, на которую даже крысы не позарятся! — возмутился Миха.

— Зато все вам достанется, — попытался пошутить толстяк, но получил от меня звонкий подзатыльник.

— Где она может быть? Говори!

Надзиратель задумался. По бегающим глазам и учащенному сердцебиению я понимал, что он судорожно пытается найти ответ на этот вопрос, но в голову ничего не приходит. В это время снизу послышался топот многочисленный ног. Видимо недобитые охранники позвали подмогу. Ну ничего, и с этими справлюсь!

Когда тяжелые ботинки застучали по железным ступеням, я велел Михе приглядывать за надзирателем, а сам пошел навстречу врагам. Источник уже успел наполниться до краев, поэтому я был в себе уверен. Первого показавшегося бойца я придушил паутиной, а второй покатился вниз, визжа от боли. Кислотная паутина делала свое дело. Шаги смолкли и больше никто не осмелился показаться. Зато я почувствовал чужеродную магию. Ага, снова боевых магов на нас натравили. Совсем не жалеют подчиненных!

Едва успел накинуть на себя паутину-оберег, как меня атаковали. Притом сразу три разные стихии: огненный шар размером с мою голову, смерч из замороженных льдинок и небольшое землетрясение. Уж не знаю, зачем они это сделали, но по полу пробежала трещина. Мне эти заклинания не причинили вреда, зато здорово опустошили их источники. Вот дурни! Я не удержался и рассмеялся. Это были или совсем новички или маги, ни разу не участвовавшие в бою. Скорее всего, два в одном.

— Эй вы там! — крикнул я. — Сдавайтесь!

— Русские не сдаются! — послышался юношеский голосок. — Ты сдавайся!

— Вообще-то я тоже русский, — усмехнулся я в кулак. — Даю минуту, чтобы успели

уйти. Иначе пеняйте на себя!

— Пинать себя? — удивился юноша. — Зачем?

В этот раз даже дядя не удержался и еле слышно рассмеялся. А я решил попутать и потянул тонкие нити их магии в свой источник. Юные маги не сразу заметили, что их покидают силы, но как только почувствовали, то в панике заметались.

— Что такое? Кто это делает?

— погоди, ты тоже это почувствовал?

— А-а-а, я не чувствую ног! Что с моими ногами?

Я улыбнулся и сильнее втянул их энергию. Возгласы превратились в истерические вопли и тяжелые ботинки застучали вниз по лестнице. Я знал, что убежали только маги, а тюремная охрана все еще поблизости. Нам они не представляли опасности, но знание, что за твоей спиной враги, здорово напрягало. Я решил испугать их, поэтому пустил еле уловимые паутинки-шепотки. Этому трюку я научился еще в академии и часто страшал профессоров и зазнаек из старших групп.

Паутинки долетели до ушей охранников и заговорили зловещими голосами:

— Ты умреш-ш-шь. Тебя разорвут на клочки-и-и. Твои кишки будут размазаны по полу-у. Твои мозги будут стекать со стены-ы-ы. Твоя кровь будет убегать струйками-и-и из твоего тела. Глаза, твои глаза больше никогда не увидят. Уши никогда не услыша-а-ат.

Не прошло и минуты, как кто-то чертыхнулся, с грохотом спустился вниз и побежал на выход. За ним ринулись еще двое. Но шепотки не останавливались, рисуя все более мрачные картины их смерти:

— Твоя нижняя челюсть будет лежать рядом с отрубленными яйцами-и-и. Твое сердце будет надкушено и засунуто в твою глотку-у-у. Твоя правая нога будет торчать из жо-о-опы.

Оставшиеся три охранника сбежали вниз и захлопали дверями. Я улыбнулся и вернулся к посмеивающимся Михе и дяде. Надзирателю было не до смеха. Он прижимал руки к ушам и беззвучно молился. Похоже, шепотки на него тоже подействовали.

— Ну что, — я сурово сдвинул брови. — Ты вспомнил, куда запрятали мою мать?

— Я не знаю точно, но могу предположить.

— Веди!

Он кивнул и засеменял к лестнице. Мы последовали за ним. Я и Миха придерживали дядю, который без умолку просил:

— Оставьте меня здесь. Я вам только мешаю. Найдете Ольгу и вернетесь за мной.

— Нет! — твердо ответил я. — Больше я с вас глаз не спущу. Ты старый, больной и без магии. Ты не можешь себя защитить.

— Все-таки я — маг! — попытался запротестовать он. — А не простой старик.

— В том-то и дело, что простой старик, — это прозвучало грубо, но у меня не было желания спорить и доказывать. Я пришел сюда, чтобы спасти их всех.

Между тем мы спустились на первый этаж, и надзиратель показал на решетку, за которой был длинный коридор.

— Ее могли поселить в другом корпусе. Там тоже есть изоляторы для магов.

— Ну так веди и поторапливайся! — прикрикнул я.

Он снова полез в карман за ключами. Я поразился тому, сколько здесь замков. Конечно, я в первый раз был в настоящей тюрьме, поэтому никогда не задумался о том, как содержатся заключенные. Тут я вспомнил про Оксану и Ваню.

— Еще заключенные появились, кроме моей семьи? — спросил я у надзирателя.

— Когда?

— В тот же день.

Он задумался, затем помотал головой.

— Нет, мне не передавали информацию. Сказали только про изоляторы.

У меня неприятно кольнуло сердце. Неужели их убили? Руки сами сжались в кулаки, и я словил себя на мысли, что из довольно спокойного и добродушного мага превратился в комок ненависти и злобы.

— Когда-нибудь я расхерачу это осиное гнездо! Ответят все, кто к этому причастен. А Палицкий с Вороновым будут сидеть на колу, как в древности. Такие ублюдки заслуживают мучительной смерти. Смерть врагам!

Пальцы хрустели, а глаза хищно сощурились. Перед моим внутренним взором враги корчились в смертельных муках. Пока я мечтал о победе, мы дошли до очередной железной двери с маленьким окошком. Надзиратель осмотрел свои ключи и с испуганным взглядом повернулся ко мне.

— Ключа от этой двери у меня нет, — жалобно проскулил он. — Надо вернуться и...

— Отойди от двери, — велел я. — У нас нет времени ходить туда-сюда. Я более чем уверен, что скоро сюда набегут боевые маги со всей империи.

Он тут же отскочил в сторону. А я соткал самую жгуче-кислотную паутину, на которую был способен, и запулил ее в дверь. Неоново-зеленая паутина прилипла к двери и начала ее разъедать. Металл морщился, таял и стекал на пол густыми каплями. Через пять минут в двери образовалась дыра, из которой на меня смотрели родные глаза.

— Максимушка?

Я бросился к маме и помог ей выбраться наружу. Она плакала и смеялась одновременно, поочередно обнимая то меня, то Миху, то дядю.

— Вам надо идти, — слышался голос надзирателя.

Я повернулся к нему. Он стоял, прижавшись спиной в стене, и утирал слезы. Он не был плохим человеком. Просто крутился и выживал, как мог. Как и многие в этом пропащем загнивающим государстве.

— Как нам выйти отсюда?

— Быстрее и безопаснее всего через кухню. Сейчас там никого нет, — он вытащил из связки большой медный ключ, протянул мне и быстро объяснил, как найти кухню.

Мы с Михой схватили дядю под руки и быстро зашагали в указанном направлении. Мама засеменила следом. Конечно, надо было расспросить ее о здоровье, о самочувствии, но сейчас было не до этого. Она была жива, а это самое главное. Сейчас мне нужно позаботиться об их безопасности.

— Ты уверен, что толстяк сказал правду, а не отправил нас прямиком в лапы к магам? — с сомнением спросил Миха.

— Он не соврал, — ответил я. — Он бы не посмел, так как знает, с кем имеет дело... А еще он ненавидит свое руководство и с удовольствием насолит им.

Мы почти бежали. Дядя едва успевал переставлять ноги, а мама то и дело пускалась в бег. Свернув за третий угол, как и рассказал надзиратель, мы оказались в столовой. В полутьме было трудно разглядеть, поэтому мы часто налетали на скамьи и столы, которые с грохотом падали. В дальнем углу столовой, за раздаточным столом я нащупал дверь и толкнул ее. Как и сказал надзиратель, она была не заперта, а лишь плотно закрыта. В кухне над плитами горел небольшой круглый светильник, поэтому мы без труда обошли духовки,

столы и оказались у очередной двери. Я вставил медный ключ в замок и хотел проверить, но не смог. Ноги похолодели: ключ не подошел!

— Поверни другой стороной, — посоветовал Миха.

Я чувствовал, как во мне уже подымается волна гнева и ярости к надзирателю, но решил последовать совету Михи и засунул ключ по-другому. Щелк! Замок открылся и прохладный ночной воздух ворвался в душную, пропитанную горелым маслом кухню. Все с облегчением выдохнули и ринулись на улицу. После всех переходов и поворотов я никак не мог сообразить в какую сторону идти. Миха предложил разделиться и поискать ворота, но я был категорически против. Пока мы не окажемся в безопасности, я с них глаз не спущу!

— Может, снова своей кислотной паутиной дыру прожжешь? — предложил брат, осматривая высоченную стену с колючей проволокой наверху.

— В толстенной каменной стене? Не-е-ет, два часа придется ждать. Надо по-другому выбираться. Хорошо бы было найти ворота или черный выход, но, боюсь, там уже полно охраны и все с автоматами или жезлами.

— Что за жезлы? — заинтересовался он.

— Потом объясню, — отмахнулся я.

Мама осматривала Михину большую ногу, а дядя прислонился к стене и выжидающе смотрел на меня. Они полностью полагались на меня, а я никак не мог сообразить, что делать.

— Значит так, — решительно сказал я, немного подумав. — У меня есть способ перелезть через стену, но вы должны в точности делать то, что я говорю.

Все согласно закивали. Я хотел применить то, что делал лишь раз за свою жизнь, но другого выхода из ситуации не видел.

— Сначала я сам попробую перебраться. Если получится, то вернусь за вами. Хорошо?

Они опять с готовностью закивали. М-да, вот так невзначай я стал главой рода при живом дяде. Ну, ничего-ничего, я справлюсь! Соткав два упругих липких шара, я прицепил их к ладоням и подошел к стене. Глубокий вздох и я, прилепив руки к стене, пополз. В прямом смысле пополз по вертикальной стене, как муравей... ну, или паук. Через пару метров понял, что надо было и к подошвам ботинок прикрепить по липкому комку, так как ноги скользили по старым крошащимся кирпичам.

Когда добрался до самого верха, сел на краешек стены и расплавил огненной паутиной колючую проволоку, закрученную в спираль. Затем огляделся: на обратной стороне стены росли коротко стриженные кусты и густая трава, за городом светлело небо, издали виднелась вереница машин, мчащихся с огромной скоростью. Я сразу понял, что они еду по «наши души», поэтому быстро спустился и велел Михе:

— Цепляйся и держись крепко!

— Может, сначала маму и дядю? — тихо спросил он, с сомнением взглянув на мои руки.

Никто из них не видел паутину, прилипшую к моим рукам.

— Нет, сначала ты.

Он нехотя обхватил меня за плечи, и я пополз, предварительно прикрепив паутину к ботинкам. Миха был тяжелый для моих дряблых мышц, но паутина держала крепко. Когда мы добрались на самый верх, с меня стекал пот и сердце бешено стучало. Пару раз глубоко вздохнув, я спустил Миху в кусты и снова поднялся к дыре в колючей проволоке. Но, когда посмотрел вниз, понял, что недооценил врагов. Мама и дядя стояли на коленях в

оцепенении, а над ними нависал огромный мужик с жезлом в руке и в дорогом бордовом костюме. Он жадно шарил взглядом по теням и темным углам, затем занес жезл над мамой и глухо спросил:

— Я еще раз спрашиваю тебя, коза старая, где остальные?

Я замер от увиденного, но лишь на секунду. В следующее мгновение смертельная паутина уже летела в мага. Но он был начеку и ловко отскочил в сторону. Он не мог увидеть паутину, но мог ее почувствовать. Хорошо натренированный маг чувствует чужеродную магию и может вовремя ее обнаружить. Вот и этот отскочил в сторону мамы и схватил ее за волосы.

— Выходи! — гаркнул он. — Иначе живой ты ее больше не увидишь!

Он вертел головой и прикрывался мамой, как щитом. Она, бедная, лишь стонала и ойкала каждый раз, когда он грубо ее дергал. Дядя украдкой поглядывал в мою сторону, чтобы не выдать.

— Я знаю, кто ты! — орал маг. — Выходи, Богословский! Тебе все равно не уйти отсюда. Совсем скоро придет подмога и всё — тебе кранты!

Я старался успокоиться и подумать «трезвой» головой, но он меня постоянно подначивал.

— Если не выйдешь, то станешь сиротой! Круглой сиротой! А-ха-ха! А ты, старая ведьма, чего молчишь? — он встряхнул маму и заорал ей в лицо. — Зови своего отпрыска, пока дубу не дала! ЗОВИ!!!

Я увидел, как по маминым щекам побежали слезы, но она не всхлипывала и не жаловалась. Наоборот, сжала кулачки и заорала:

— Не смей выходить! Бегите! Бе-ги-те!!!

Звонкая оплеуха, и мама отлетела в сторону. Этой заминки мне хватило, чтобы выпустить сплетенную заранее удушающую паутину. Маг взмахнул жезлом, но не успел выстрелить, его накрыла липкая паутина, которая тут же обернулась вокруг него и сжала. Чем сильнее он извивался, пытаясь освободиться, тем быстрее затягивалась паутина.

Я быстро спустился вниз и подбежал к маме. На ее левой пылающей щеке была рассеченная рана.

— Максимка, уходите, — слезно сказала она. — Береги брата. Уходи, слышишь?

Я не стал возражать или пытаться переубедить, а посадил ее себе на спину и попластунски пополз по стене. Времени на отдых не было, поэтому я живо перемахнул через стену и передал маму Михе. Когда полез за дядей, то машины уже визжали тормозами возле ворот, которые оказались не так далеко, как я думал. Всего лишь метров триста-триста пятьдесят.

— Не смогу удержаться, — пожаловался дядя, когда я схватил его за руку и потащил к стене, чуть не споткнувшись о мертвого посиневшего мага, смотрящего безжизненным взглядом на светлеющее небо. — У меня сил совсем нет.

— Сможешь, — сказал я тоном, не терпящим возражения. — Я тебя здесь не оставлю. Ты — Император Александр, а не просто мой дядя. Я верну престол нашему роду и сидеть на нем будешь ты!

Он тяжело вздохнул, но повиновался и изо всех сил вцепился в меня. Пока поднимались, я слышал крики и шум хлопающих дверей. Нас искали. Интересно, надзиратель сдаст или сделает вид, что не знает, куда мы делись? Я скорее склонялся ко второму варианту, иначе ему бы пришлось объяснять, откуда беглецы знали об этом выходе и где его ключ от задней двери кухни.

Мы с дядей благополучно перебрались на другую сторону стены. Вчетвером, мы перебежали дорогу и скрылись среди домов. Теперь нам предстояло незамеченными выбраться из города. И вот тут-то до меня дошло, что я не знаю, куда их вести. Я настолько спешно уехал от Отшельника, что не успел с ним это обсудить. Если бы Воронов не упомянул про Ваню, то я отвез бы семью к нему в деревню, но теперь у меня оставался только один выход — вернуться в дом Отшельника. Я не знаю, как он к этому отнесется, но больше мне не на кого положиться.

Я рассказал свой план родным, и они вынуждено согласились. К сожалению, в этом мире у нас не было ни дома, ни друзей, ни денег — ничего. Род Богословских даже до победы в Великом сражении был одним из богатейших и влиятельнейших. У нас были земли, производства, фермы и даже банк. Но сейчас единственное, что у нас было — это мы сами.

Мы двинулись по дворам в ту сторону, где я оставил внедорожник. Мама и дядя шли медленно, поэтому к машине мы добрались лишь к началу рабочего дня. Люди и машины сновали по дорогам, спеша по своим делам, и никто не обращал внимания на потрепанных, изнеможенных, шаркающих нищих.

Когда сели в машину, первым делом накормил их тем, что осталось в сумке. Мама пощипала хлеб и пару раз откусила огурец. У нее болело лицо после удара, но она как могла это скрывала. Я хотел поделиться с ней магией и уже открыл источник, но она стала яростно отнекиваться.

— Неизвестно, что нас ждет впереди, — сказала она. — Когда уедем подальше отсюда, тогда и будем думать о здоровье. А пока твои силы — это единственная наша надежда.

Я хотел возмутиться и настоять, ведь теперь источник пополняется очень быстро, но она сделала суровое лицо и пожурила пальцем. Совсем, как в детстве, поэтому пришлось на время оставить эту идею.

Дядя и Миха с аппетитом умяли все до крошки и устало развалились на заднем сиденье. Теперь предстояло самое сложное: выбраться из города на ярко-красном крутом внедорожнике, который не только привлекал внимание, но и откровенно кричал: Внимание, все посмотрите, какой я красавец!

Сначала мне пришло в голову дождаться вечера и в полутьме ускользнуть из города, но так не хотелось столько времени находиться в этом враждебном месте, что, посоветовавшись с дядей, решил выехать из города сейчас. Я старался не показываться на оживленной дороге, поэтому ехал по самым узким улочкам и два раза чуть не снес боковые зеркала.

Пока ехали, мне все время мерещилась погоня. То синий грузовик слишком долго едет за нами, то черный седан часто попадает на глаза.

— Миха, — не выдержал я. — Тебе задание. Смотри, чтобы за нами не было хвоста. Если увидишь что-то подозрительное, сразу же скажи мне... Боюсь, как бы мы к Отшельнику врагов не привели.

Брат ответственно отнесся к моим словам и каждый раз, как ему казалось, что за нами слежка, заставлял сворачивать за угол и ждать. В результате только после полудня мы выехали из города. Я знал, на что способен этот бензиновый монстр, поэтому нажал на педаль газа и полетел в сторону Казани.

Мы останавливались лишь раз. Я долил в бак остатки бензина и прошелся по вечернему лесу. От напряжения и с непривычки ломило поясницу, поэтому я размялся и еще раз с презрением осмотрел свое худощавое слабое тело. Даже живя в заточении, я должен был

держат себя в форме. Почему я себя так распустил? Этот вопрос я задал Михе.

— Потому что смирился, — пожал он плечами. — Ты много раз пытался сбежать, но либо не получалось, либо получалось, но тебя возвращали в ужасном состоянии. Со временем ты перестал надеяться и забил на себя... Как и все мы. Посмотри на дядю, помнишь, каким он был? Могучий дуб — мы его называли. А мама? Наша красавица-колдунья превратилась в старуху... Это время и безнадега медленно нас убивала. Знаешь, я сначала тебе не поверил. Думал, совсем с головой плохо. Но теперь верю! Я вижу, что ты снова такой, каким был тридцать лет назад: непокорный, неудержимый и смелый. Тебя не сломали, и это видно. Думаю, Воронов тоже что-то подозревает.

Я видел с какой надеждой брат смотрит на меня и понял, что в лепешку расшибусь, но больше никогда не остановлюсь... Если останусь жив.

***

Я ехал по темной дороге и так сильно вглядывался в лес, что глаза заболели и заслезились.

— Максим, — строго сказала мама, — Мне кажется, что ты недоговариваешь. Что случилось?

Я нервно сглотнул. Бензин был почти на нуле, а я не мог найти дорогу к дому Отшельника. Когда выезжал на трассу, то был в таком состоянии, что не замечал ничего вокруг, поэтому теперь не помнил никаких опознавательных знаков.

— Не могу найти дорогу, — признался я. — Но ты не беспокойся. Это где-то рядом.

Я остановился у обочины, вышел из машины и, пожившись от влажного тумана, закрыл глаза. Через пару секунд все стало черно-белого цвета. Особенно сильно светила луна и походила на маленькое белое солнце. Осмотревшись, разочарованно выдохнул. Здесь тоже не было Наваждения. Я останавливался каждые сто метров и сканировал лес, но заветного золотистого свечения так и не было. Разочарованно выдохнув, снова взобрался в машину и покатил по дороге. Дядя и Миха спали, мама украдкой посматривала на меня, но больше ни о чем не спрашивала. Она понимала, что ничем не сможет помочь.

Проехав очередную стометровку, я съехал с дороги, но решил не выходить из машины, а попробовать обычным зрением увидеть заклинание. С двух сторон темнел лес, молочная пелена тумана медленно ползла по траве.

«Вспоминай, о чем говорил Отшельник», — велел я сам себе.

Но в голове было пусто. Он неоднократно повторял, что надо научиться видеть обычным зрением, но как это сделать, так и не объяснил.

— Черт! — выругался я. — Надо было учиться, а не за столом сидеть и чай попивать.

Я был раздосадован и зол на себя. Когда есть шанс учиться у такого мастера, каждая секунда на счету. А я ерундой занимался!

Но тут я вспомнил про книгу, которую Отшельник подсунул в сумку. Сумка лежала в ногах брата. Я схватил ее, вытряхнул содержимое себе на колени, но книги не было.

— Миха, где книга? Миха!

Он открыл сонные глаза и еле слышно спросил:

— Уже приехали?

— Никуда мы не приехали, — раздраженно ответил я. — В сумке книга была. Куда ты ее дел?

Он осмотрелся, проверил на полу, повернул спящего дядю, но книги нигде не было. Я

уже начал терять терпение, когда он выгасил ее из-под задницы и, виновато улыбнувшись, протянул мне. Это был потрепанный справочник старинных заклинаний и подробное описание их использования. Аккуратно перелистывая хрупкие страницы, я внимательно читал название каждого заклинания. Некоторые заклинания я даже не слышал никогда: «Знойное пекло», «Вольфрамовый стержень», «Голубиная змейка» и многое другое. Я пролистал почти всю книгу, но ничего полезного не нашел. Лишь в самом конце был небольшой текст в полстраницы под названием «Распознавание маскировочных заклинаний».

— То, что надо! — воскликнул я и углубился в чтение.

Я прочел текст три раза, чтобы лучше понять и запомнить. Затем опустил стекло и повернулся к лесу. Темно-зеленые цвета поблекли, как и цвет машины. Я использовал ту часть энергии, которую тратил на «другое зрение» и теперь видел все так, будто смотрел через мутное грязное стекло.

— Ну, что ж, поехали, — я завел двигатель и медленно покатыл по пустынной дороге.

Зрение было немного расфокусировано, поэтому очертания дороги и деревьев были размыты. Сигнальная лампочка, оповещающая о том, что бензин заканчивается, энергично замигала и послышался слабый писк.

— Что за противный звук? — сонно пробормотал дядя и попытался лечь поудобнее. — Мы куда-нибудь приедем или всю империю будем объезжать?

Ему никто не ответил. Все мое внимание было приковано к поиску спрятанной дороги, а Миха и мама с тревогой смотрели на меня.

— Да, выключите уже наконец этот писк! — рассердился дядя. — Пожалейте мои нервы.

— Я не знаю, как это сделать, — прошептал Миха. — А Максу нельзя отвлекаться.

— Чем же он таким важным занят? — пробурчал дядя. — Барсуков высматривает?

Я хотел ему ответить и уже поворачивал голову, как вдруг увидел свечение. Часть леса светилась золотом.

— Нашел! Нашел! — радостно воскликнул я и смело повернул внедорожник к лесу.

Остальные не видели того, что видел я, поэтому испуганно вцепились сиденья и зажмурились. Но удара не последовало, а машина спокойно ехала по густому лесу, проезжая вековые сосны и разлапистые ели. Через пару десятков метров заклинание Наваждения исчезло и все увидели узкую грунтовую дорогу, убегющую вдаль.

— Неожиданно, — с облегчением выдохнула мама и прижала руку к груди. — Если честно, то я очень испугалась. Откуда ты знал, куда сворачивать?

— Отшельник научил пользоваться «другим зрением». Ну, или «третьим глазом» — кому как нравится.

— Отшельник, — задумчиво произнесла мама и задумалась. — Какое знакомое прозвище.

— Ты должна его знать, — я нажал на газ, стараясь доехать до дома, прежде чем машина заглохнет. — Он дружил с отцом.

— А как его зовут?

— Романов Всеволод Иванович.

— СЕВА?! — она так громко закричала и так сильно вытаращила глаза, что я испугался.

— Мама, с тобой все хорошо? Сердце прихватило?

Она замотала головой и закрыла лицо руками. Мы с Михой напрялись: никогда не

могли вынести ее слез.

— Что случилось? Почему ты плачешь? — Миха дотронулся до ее плеча. — У тебя где-то болит?

Мама вытащила из кармана пышного платья носовой платок, вытерла лицо и глубоко вздохнула.

— Ничего не болит. Просто я давно не видела этого человека. В последний раз на похоронах вашего отца.

— Ты его хорошо знала? — спросил я.

— Хорошо, — кивнула она. — Настолько хорошо, что даже была его невестой.

Тут уж пришла пора нам с Михой охоть, ахоть и вздыхать. Невестой?! А как же отец? Задать вопросы мы не успели, она сама заговорила:

— Мы с Севой познакомились на балу. Я тогда дебютировала и очень волновалась. А он, хотя сам был довольно молод, по крайней мере внешне, старался меня успокоить и рассмешить. Мы танцевали и разговаривали весь вечер, а на прощание договорились встретиться в гостях у общих знакомых, которые как раз приглашали на новоселье... Он мне нравился: спокойный, уравновешенный, умный, рассудительный. Слишком правильный, что ли, — она горько усмехнулась. — Такой человек обязательно понравился бы моим родителям, но этого мне было мало. Я жаждала настоящей любви, чтоб дух захватило. И этой любовью стал ваш отец, — она улыбнулась и мечтательно вздохнула. — Он был такой красивый, смелый и сильный, что я сразу же влюбилась. К тому времени Сева уже сделал мне предложение, и мы готовились к свадьбе.

— И что же он? Просто отступил? — удивился я, представив громадного сурового Отшельника.

— Нет, что ты! Они дрались всю ночь, но без магии. А к утру просто свалились в траву. Уставшие и побитые они поняли, что никто из них не может победить другого. Сева пожелал нам счастья и исчез на пару лет. А потом явился, как ни в чем не бывало, и стал лучшим другом Вовы, — при упоминании об отце, она печально вздохнула и крепко обняла себя. — Много лет они были, как братья.

На всех нахлынули печальные воспоминания и повисло тягостное молчание. Вдруг машина дернулась и заглохла.

— Приехали, — буркнул Миха и первым вылез из машины.

Небо заволкло тучами и вокруг царила кромешная тьма. Мы не боялись тьмы, ведь могли видеть глазами ночным зверей и пускать огненные шары. Угнетало то, что неизвестно сколько еще придется идти пешком.

— Ты даже не запомнил сколько до дома Отшельника? — недовольным голосом спросил Миха. — Где была твоя голова?

— Если бы ты сумел защитить маму и дядю, а заодно и себя, мне не пришлось бы нестись со всех ног на выручку, — осадил я его.

Надо было идти, поэтому я приманил взгляд какой-то ночной птицы, подхватил дядю под руку и первым зашагал в сторону дома Отшельника. Мама и Миха побрели следом. Я понимал, что все устали, но сейчас не было времени для отдыха. Все-таки старикам будет лучше спать на мягкой постели, а не на влажной колючей траве или твердом щебне.

Прошел примерно час пути, когда я понял, что здесь что-то не так. Когда ехал на машине, эта дорога заняла всего несколько минут, а сейчас мы часть дороги проехали и уже долго идем, а дома все не было. У меня появились сомнения, а та ли это дорога? Вдруг у

него несколько дорог припасено на всякий случай?

— Давайте устроим привал, — попросил дядя. — Ноги уже не идут.

Его поддержала мама и, с кряхтеньем, опустилась на дорогу. Я огляделся. Кругом темный непролазный лес и узкая дорога, исчезающая вдали. Это явно была не та дорога, по которой я уезжал. Что же делать?

— Хорошо, — согласил я. — Устроим привал. Миха, пошли хворост собирать. С костром теплее и радостнее.

Я помог дяде сесть рядом с мамой и первым пошел к лесу. Но не успел сделать и дюжины шагов, как провалился в трясины. Обе ноги засосало до колен, и каждая попытка высвободиться еще глубже вгоняла меня в черную липкую жижу.

— Миха, не ходи сюда!!! — крикнул я и вдруг почувствовал, как кто-то или что-то обхватило меня и резко дернуло вниз. Жижа плюхнулась у меня над головой, а я проваливался все глубже и глубже, влекомый неведомым чудищем в густую вонючую бездну.

Грудь сдавило, хотелось дышать, но я проваливался все глубже и глубже. Неужели это конец? Неужели я умру такой бесславной смертью? Наследник престола граф Богословский захлебнулся в грязи! Повеселятся же Палицкий с Вороновым. Ну уж нет!

Но тут случилось то, чего я точно не ожидал. Грязь пропала и вокруг меня появились зелено-сиреневые всполохи. Будто кто-то включил северное сияние. Я вздохнул, но воздух был густой и разреженный, будто я не проваливался под землю, а поднимался в горы. И тут до меня дошло. Разлом! Под жижей трясина находится Разлом!

В панике я начал бросать паутину-лассо, в надежде за что-то зацепиться, но все попытки были безуспешны. Затем решил липкую паутину намотать на лассо и еще раз бросил. Паутина прилепилась куда-то и мой полет остановился. Между тем я никак не мог надыхаться из-за того, что кислорода почти не осталось. К тому же температура сильно упала и жуткий мороз начал щипать нос и уши.

Нет! Я так просто не сдамся! Цепляясь за прилипшую паутину, я начал подтягиваться. Было тяжело. Меня продолжало засасывать в Разлом. Примерно через три метра я увидел за что прицепилась паутина. Это была та самая вязкая колышущаяся жижа. От одной мысли, что мне придется снова в нее нырять, наводила ужас. Но делать было нечего, поэтому я набрал побольше воздуха в легкие, насколько это было возможно, и пополз наверх. Я выгребал руками скользкую грязь и подтягивался, орудуя локтями и ногами. Однако вскоре стало понятно, что силы у меня ни исходе.

— Нет, — прохрипел я и снова пополз. — Не сдамся, пока жив.

Тут мне в голову пришла замечательная идея. А что будет, если бросать в жижу огненные шары? Я поднял руку и метнул два шара, которые сразу же увязли и погасли. Не получилось. А кислотную паутину? Неоново-зеленая паутина покрыла жижу и начала ее разъедать. Я сначала обрадовался, но, когда увидел, как медленно двигается процесс, понял, что это не вариант. Надо дальше думать.

Еще через пять минут я устал настолько, что двинуться не мог. Закрыв лицо руками, чтобы жижа не закрыла нос и рот, и дышал мелкими поверхностными глотками. Я не знал, что дальше делать. Сил нет, воздуха почти не осталось, магия не помогает, помощи ждать неоткуда.

В полубморочном состоянии я пытался придумать, как выбраться, но сколько бы вариантов не перебрал в уме, все были бесполезны. Вдруг ярким пятном вспыхнуло воспоминание. Мне лет восемь, и мы с отцом пошли на охоту на зайцев. Обычно мы гуляли по лесу, разговаривали, смеялись, и даже ружье с плеча не снимали. В этот раз было так же. Он рассказывал о курьезном случае, произошедшем в Министерстве, а я громко смеялся и не смотрел под ноги.

— А он говорит: Вы еще не пробовали, в какую вкусную тушенку я превратил свою свинью. Представляешь? Он магию использовал только в бытовых целях, а...

Дальше я не слышал, так как провалился в глубокую узкую дыру. На дне которой была грязная вода.

— ПА-ПА!!! — закричал я в ужасе и задрал голову вверх.

Прошла секунда-другая, на отца все не было.

— ПА-ПА!!! Я здесь!

Вдруг светлый овал круга над головой потемнел и послышался голос.

— Максим! Ты цел?

— Да, — мне хотелось плакать.

— Выбирайся!

— Как? — я не утерпел и заревел. Крупные слезы потекли по щекам и закапали на грудь.

— Послушай меня, — голос отца был твердый и спокойный. — Ты не просто маленький мальчик. Ты — сын сильного мага и потомок древнего рода. Запомни! Для тебя нет безвыходных ситуаций. Действуй!

Тогда я выбрался. Сам. Отец напомнил мне, кто я, и помог почувствовать свою силу.

— Я смогу, — прохрипел я и смахнул с лица ошметки жижи. — Для меня нет безвыходных ситуаций.

Активизировав источник, а соткал молниеносную паутину-пулю и, увеличив ее в пять раз, метнул вверх. Вслед за ней отправил лассо. Пуля пролетела сквозь мягкую грязь и вылетела наружу, на секунду показав безоблачное звездное небо. Но этой секунды хватило, чтобы вылетело лассо и, изогнувшись, за что-то зацепилось. Я подергал паутину и, удостоверившись, что она хорошо держится, пополз наверх. Густая обволакивающая грязь не хотела отпускать своего пленника, окутывая меня, и давила сверху. Но слова отца, до сих пор звучащие в моей голове, придавали сил. Через пару метров я в очередной раз резко дернулся вверх и оказался снаружи. Вернее только голова. Я ничего не видел из-за грязи, залепившей глаза, но все хорошо слышал.

— Хватай! Хватай его за волосы! — послышался дядин голос. — Тяни! Я держу тебя, тяни!

Мне было больно, но я терпел и был благодарен за помощь, так как физических сил почти не осталось. Сначала тянули за волосы, затем подхватили под руки и выволокли на дорогу. Мама вытерла мне лицо подолом платья и, зареванная, прижалась к щеке.

— Господи, спасибо тебе! Спасибо, Боженька! — причитала она, всхлипывая.

— Брат, как ты?

Я приподнялся на локтях и осмотрелся. Все были грязные, будто со мной провалились в жижу. Дядя вытирал руки о штанину, мама была вся растрепанная, а Миха как-то странно стоял, будто кол проглотил.

— Теперь хорошо, — выдохнул я. — Думал, не выберусь.

— Слава Богу, все обошлось, — мама вытащила комок грязи из моего уха.

— А ты не мог бы снять свое лассо? — с нажимом спросил Миха.

— Не надо его снимать, само пропадет, когда магия распадется, — я снова лег на землю. От усталости хотелось спать.

— И сколько я должен так ходить?

— Куда ходить? — я никак не мог взять в толк, о чем он говорит.

— С твоим лассо на груди! — вскипел Миха и показал, что не может поднять руки.

Я пригляделся и увидел на Мике сверкающую нить. Так вот за что зацепилось лассо! Я тут же снял его и, Миха с облегчением выдохнул.

— Страшно подумать, что бы было, если бы ты накинул мне его на шею.

Я притянул к себе брата и крепко обнял. Затем вкратце рассказал о том, что случилось.

— Разлом? — ужаснулась мама и покачала головой. — Его надо закрыть, пока никто не вылез.

— Надо, — согласился я. — Расскажем Отшельнику, пусть займется этим. Хотя монстры вряд ли смогут пробраться сквозь такую толщу грязи. Скорее всего даже не подумают, что здесь что-то есть, но рисковать не стоит.

Между тем небо посветлело и вдали над деревьями показалась крыша дома Отшельника. Я с облегчением выдохнул. Еще полчаса ушло на то, чтобы добраться до дома и без сил опуститься на крыльцо. Первой нас увидела женщина с грустными глазами. Она заохала и забежала в дом, видимо, чтобы разбудить Отшельника. Не прошло и минуты, как послышался топот, и в одних белых кальсонах выскочил Отшельник.

— Справился?!

Я устало кивнул. Разговаривать совсем не хотелось, сил и так не было. Отшельник со всеми по очереди поздоровался, но когда взял руку мамы немного смутился и, легонько пожав, сказал:

— Рад тебя видеть, Ольга. Надеюсь, ты в добром здравии?

— Конечно, Сева. Со мной все хорошо. Благодаря сыну.

Они еще о чем-то говорили, но я уже не слышал. Навалившись на перила крыльца, не заметил, как уснул. Мне снилась жижа, будто я до сих пор в ней барахтаюсь и не могу выбраться. Какие-то искореженные страшные лица проплывали мимо, слышались зловещие звуки и резкие выкрики.

— Макс! Макс, проснись!

Я открыл глаза и увидел Миху. Он уже успел помыться и переодеться в одежду явно не по размеру. А сам я лежал на диване в одной из комнат дома Отшельника.

— Что такое? — еле слышно спросил я. Во рту было сухо и горько.

— Ты дергался и пинался. Плохой сон приснился?

Я с кряхтеньем сел. Все тело болело так, будто по нему каток проехался пару раз. Из столовой слышались голоса и смех. Смеялась мама.

— Иди помойся. Ты просто комок засохшей грязи. Мы с Отшельником занесли тебя в дом, а ты даже не проснулся.

— Устал просто.

Когда я встал с меня посыпались комки сухой жижи. Женщина с грустными глазами поцокала языком, но ничего не сказала и прикатила громоздкий пылесос. Я добрался до ванной, сбросил с себя одежду и включил душ на полную мощность. Горячие сильные струи били по голове и спине, но мне было приятно. Будто задеревеневшие мышцы размякли и задвигались. Я мылся три раза, прежде чем с волос ушла вся грязь. Когда вылез из ванны, на крючках у двери уже висела чистая сменная одежда.

— Сынок, как ты себя чувствуешь? — участливо спросила мама, когда я спустился в столовую.

— Нормально, — отмахнулся я.

— Садись за стол, — велел Отшельник. — Тебе надо хорошенько подкрепиться. Я даже не представляю, что ты пережил.

Я опустился на мягкий стул и потянулся к сырникам.

— Ты о чем?

— О Разломе, конечно же! Я потому и закрыл эту дорогу и больше по ней не езжу. И как ты ее отыскал?

— Погоди-погоди, — я поднял руки. — Так ты знаешь, что у тебя под боком Разлом находится?

— Да, знаю. Я же сказал. Поэтому этой дорогой больше и не пользуемся. Рискованно как-то.

— Если знаешь, то почему не закрыл? — возмутился я. — На моем месте мог быть любой!

— Во-первых, в этих лесах никого нет. А, во-вторых, у меня просто руки не дошли.

Я промолчал, но мне было, что сказать. Это было безответственно! Из Разломов могут выйти такие твари, что не каждый маг справится. Я решил, что сам закрою, если Отшельнику недосуг.

Оказывается, пока я спал мама и дядя ему все рассказали. И про надзирателя, и про мага, и про то, как выбирались из города, и о том, как из жижи меня вытаскивали. У меня Отшельник лишь спросил, что я видел, когда меня затянуло в Разлом.

— Ничего особенного. Всполохи, как при северном сиянии. Дышать трудно. И холод собачий, — я уплетал сырники, макая их в густую сметану.

— И больше ничего? — выпытывал Отшельник.

— Нет.

— Жаль. Если честно, мне всегда было интересно, что там на другой стороне Разлома. Однажды даже подошел настолько близко, что почувствовал вибрации незнакомой магии. Такой нет на земле.

— А не мне интересно, — отозвался я набитый ртом. — Мне кажется, что та сторона Разлома и есть Ад, про который говорят верующие.

Отшельник пожал плечами и задумчиво уставился в окно. После обеда мама и дядя разбрелись по комнатам отдыхать, а я, Миха и Отшельник вышли на террасу с миниатюрными чашечками крепкого кофе.

— Спасибо, что принял нас..., — начал было я, но Отшельник остановил.

— Не надо. Ты правильно сделал, что привез их сюда. А я, дурак, мог бы и сам тебе это предложить, но из головы вылетело, что вы в бегах.

У меня из головы не выходил Разлом, поэтому я поблагодарил за вкусный обед и неспеша направился в сторону дороги, по которой мы пришли сюда.

— Ты куда? — догнал меня Миха.

— Хочу Разлом закрыть. Непокойно на душе от такого соседства.

— Эй, подождите меня! — крикнул Отшельник. — Я с вами.

Отшельник настоял на том, чтобы ехать на внедорожнике, который уже успели заправить и пригнать к дому. Мы с Михой не стали отказываться. Вчера столько прошли пешком, что на неделю хватит. Однако найти трясину оказалось не так-то легко. Дорога была заброшенная и неухоженная. Высокая трава и кусты густо росли вдоль дороги и закрывали обзор.

— Вон там! — крикнул Миха. — Видите, трава примята и комки грязи?

Он был прав. При виде места, из которого я с таким трудом выбирался, стало как-то не по себе. Я медленно подошел к трясине и не мог поверить, что так легко в нее провалился. Однако повторять не хотелось, поэтому осторожно обошел кругом, но не нашел никаких признаков Разлома. Поэтому и ночью не заметил.

— Потому-то и не торопился убирать, — сказал Отшельник. — Будто и нет Разлома. Только «другое зрение» показало.

Я вмиг переключился и увидел колышущую ярко-красную ауру над трясинной. Меня это заинтересовало, ведь обычным зрением Разлом светится белым светом, даже чуть с

голубоватым отливом.

— Интересно, она закроется обычным способом?

— Не знаю, — пожал плечами Отшельник. — Надо пробовать.

Я вытянул руки в сторону Разлома и выпустил мощный поток энергии, повторяя нужное заклинание. Сначала вспыхнули пучки прошлогодней травы, затем грязь заходила ходуном, будто вскипала. Я опустошил почти половину источника, а красная аура не пропала, только едва завибрировала.

— Хм, — я встряхнул руки, чтобы остудить разгоряченные ладони, и почесал затылок. — Похоже, этот Разлом будет не так легко закрыть, как обычные.

— Давай я попробую, — Отшельник закрыл глаза, прижал руки к груди и что-то еле слышно прошептал. Затем вытянул руки и пустил магическую энергию. Жижа зашумела и начала плескаться. Комки грязи полетели в разные стороны. Но сколько бы Отшельник не старался, аура Разлома оставалась неизменной.

— Не-е-ет, это очень хитрый Разлом, — наконец признал он, когда пот выступил на лбу и ладони покраснелись. — Даже не знаю, что с ним делать. Может, так оставить?

Он с мольбой посмотрел на меня в ожидании поддержки, но я был непреклонен.

— Ты не попадал в эту ловушку, — покачал я головой. — Если честно, думал, что не выживу. Я не хочу, чтобы еще кто-нибудь провалился туда. А еще сильнее не хочу, чтобы оттуда кто-то вышполз.

Отшельник был вынужден со мной согласиться, поэтому мы устроили «мозговой штурм». Каждый, включая Миху, предлагал свои варианты решить эту проблему, но практика показала, что ничего не работает.

— Может, пригнать экскаватор и сначала вычерпать грязь? — предложил Отшельник.

— Не думаю, что это хорошая идея. Во-первых, вычерпывать придется не один день, а, во-вторых, неизвестно, что оттуда полезет, когда грязи будет меньше. Она, как барьер между нашими мирами.

— Больше у меня нет предложений. Думай сам, — буркнул Отшельник и устало прислонился к своей машине.

И я придумал.

Миха умел создавать вихри. В детстве мы часто забавлялись тем, что подкрадывались к работникам нашей фермы, которые сгребали сено, и разбрасывал его из стогов обратно по лугу. Дядя нас даже в угол два раза ставил из-за этого.

— Но у меня почти нет энергии, — развел он руками. — После жизни за сетью, ни у кого из нас она почти не пополняется.

— Поделюсь, — улыбнулся я и открыл свой источник.

Обычно я его открывал для того, чтобы вытянуть энергию из врага, но в этот раз действовал наоборот. Брат прямо на глазах расцветал и выпрямлялся. Целительная сила магии разгладила морщинки на лбу, налила румянцем щеки, подлечила ушибы и раны. Даже щетина стала гуще.

— О-о-о! — с наслаждением произнес он. — Так гораздо лучше. Я уж и забыл, как здорово быть магом.

Он шелкнул пальцами и сноп искр посыпался на дорогу. Улыбнувшись, покрутил указательным пальцем и небольшой ветерок поднял еще горящие искры в воздух.

— Я уж думал, что потерял навык.

— Ты не можешь потерять то, что в твоей природе, — нравоучительно сказал

Отшельник. — Это все равно, что дышать или моргать — естественно. Никто не заберет твою магическую сущность, даже если уничтожит твой источник.

— А это возможно? — ужаснулся я.

— Ну, пару таких случаев описаны в моих книгах. У меня нет причины им не верить.

Между тем Миха разошелся не на шутку и уже крутил не искры, а камни, поднятые с песчаной дороги.

— Ты это... осторожнее, — Отшельник попятился назад. — Боюсь, как бы в глаз мне не прилетело.

— Не бойся. Все под контролем, — Миха перестал крутить пальцем, и камни попадали на землю. Притом не в беспорядке, а сложились в фигуру в виде звезды.

— Ого! Да ты мастер, — похвалил Отшельник.

Миха самодовольно улыбнулся и подошел к трясине.

— Макс, что надо делать?

— Нам надо добраться до дна это вонючего болота, чтобы закрыть Разлом. Я дам тебе столько энергии, сколько потребуется, поэтому — Действуй!

Миха немного помедлил, затем глубоко вздохнул и подошел к трясине. Подгоревшая грязь затянулась корочкой, но от нее до сих пор вился пар.

— Ну что ж, приступим, — решительно сказал он и принялся крутить пальцем.

Миха не спускал взгляда с грязной воронки, которая столбом возвышалась над нами. Мы с Отшельником отошли подальше, боясь, что что-то пойдет не так и эта вонючая грязь просто обрушится на нас.

— Что делать?! — прокричал Миха сквозь гул от ветра и воронки.

— Отправь в сторону леса! Мы не можем подойти!

Миха кивнул и зашагал к лесу, продолжая крутить уже не пальцем, а всей рукой. Я не забывал наполнять энергией его источник, который был намного меньше моего и быстро опустошался.

Когда Миха с грязевым вихрем отошел от Разлома, я увидел обычный светящийся зигзагом вход в параллельный мир. Разлом был на дне трясины глубиной в метра три с половиной-четыре и обдавал неприятной чужеродной магией.

— Если все еще хочешь посмотреть, что находится с другой стороны, у тебя есть прекрасная возможность, — кивнул я Отшельнику.

Он отказался, сославшись на занятость. В принципе, я был уверен, что он откажется. Кто по доброй воле ползет туда, откуда еще никто не возвращался?

Вдвоем мы быстро закрыли Разлом. Да так, что даже следа не осталось. Для пущей убедительности я включил «другое зрение». Красной ауры не было.

— Возвращай жигу на место! — проорал я Михе.

Тот вернулся и одним щелчком остановил вихрь. Грязь, свалившаяся с большой высоты, разбрызгала все в радиусе пятнадцати метров. В том числе меня, Отшельника, внедорожник и самого Миху.

— Нельзя было поаккуратнее? — недовольно пробурчал я.

— Прости. Не рассчитал просто, — виновато ответил он и устало опустился на землю.

Только сейчас я заметил, что Миху трясет от усталости и напряжения. Мы с Отшельником подхватили его под руки, помогли забраться на заднее сиденье и сами сели в машину. Отшельник развернулся и помчался в сторону дома. Было видно, что он доволен тем, что мы закрыли Разлом. Все-таки такое соседство его напрягало.

— Какие у тебя планы? — спросил он, когда мы умытые и переодетые сидели за столом и пили ароматный чай из фарфоровых чашек.

— На сегодня? — уточнил я.

— Нет, вообще. Ты останешься на полный курс обучения?

— Полный курс? — задумался я. — А сколько он длится?

— Ну-у-у, — он задумался. — Если ускоренным темпом, то четыре месяца, а обычным — три года.

Мне спешить было некуда. Моя семья со мной, в безопасности, а против врага лучше идти во всеоружии. Я согласился на четыре месяца, но сегодня мы решили отдохнуть и выспаться. Мама с Отшельником предавались воспоминаниям. При взгляде на них я понимал, как сильно состарились мама за время заточения. Она выглядела, как обычная деревенская женщина: седой пучок волос на затылке, множество мелких морщин, опущенные уголки губ и красные глаза от частых слез. В то же время, Отшельник был молодым мужчиной хоть и седой бородкой.

Когда мой источник снова был полон, я поделился магией со всей семьей. Дядя сразу

же почувствовал себя гораздо лучше и даже вышел на прогулку. Мама помолодела и постройнела прямо на глазах, а Миха только и делал, что прокачивал свои навыки: размешивал чай с помощью миниатюрного вихря, отгонял муху резким порывом, остужал бульон ветерком.

— Спасибо, что ты верен нам, — сказал я, когда после ужина мы расселись на террасе. — Я не знал, к кому обратиться за помощью, куда бежать и что делать. Хорошо, что Ваня привел меня к тебе.

При воспоминании о друге стало не по себе. Я не знал, что с ним и где он. И жив ли вообще.

— Завтра проведу Ваню, — сказал я и тяжело вздохнул. — Переживаю за него. Он давно отказался от магии и жил жизнью простого человека, но я втянул его в свои проблемы и теперь меня грызет совесть... Если он пострадал из-за меня, я себе этого не прощу.

Отшельник понимающе кивнул и напросился со мной. Он знал, что такое дружба и что значит потерять друга. Мы решили, что выедем рано утром, часов в пять, и поедем окольными путями. Отшельник знал каждую дорожку и каждую тропинку той части Империи, которая была еще под властью людей. Думать про Закрытую зону не хотелось. Я видел тварей, которых пропустили через ограждение, чтобы убить меня. Я знаю, на что они способны и как сильны. Обычный «пустой» человек с ними не справится.

— Ты был в Закрытой зоне? — еле слышно спросил я Отшельника.

Мы договорились не обсуждать это при маме и дяде. Они до сих пор не знали, что большая часть Великой Империи потеряна. Я был уверен, что они этого не перенесут.

— Однажды, — кивнул Отшельник. — Ко мне обратился очень хороший человек. Ему надо было вытащить из Закрытой зоны свою семью. Их закрыли, когда этот хороший человек был по государственным делам в Париже.

— Как это «закрыли»?

— Появился очередной Разлом и вместо того, чтобы убить тварей и закрыть Разлом, просто огородили столбами с ультразвуком и оставили людей умирать.

— Вот уроды! — я не сдержался и ударил кулаком по перилам.

— Вот-вот, — кивнул Отшельник. — Он попросил выпустить нас в Закрытую зону ровно на три часа. На большее никто не согласился. Надо было отключить пару столбов, чтобы мы смогли пройти, а потом через три часа пропустить нас обратно.

— И что ты там видел? — я весь обратился в слух.

— Ничего особенного: тварей, разрывающих тела мертвых, кровь, в панике оставленные вещи и запершихся в домах людей. Они не могли выйти, чтобы купить еды, поэтому многие слезно просили покормить их и протягивали руки через форточку.

От услышанного кровь стыла в жилах, и пелена ярости застилала глаза. Я убью тебя, Палицкий!!! Разорву на мелкие кусочки, высушу и разотру в порошок! Гнида!! Что ж ты делаешь-то, ублюдок, с людьми?!

Я не мог усидеть на месте, поэтому вскочил на ноги и принялся прохаживаться возле Отшельника, который продолжал свой рассказ:

— Найти его семью было не трудно. Они заперлись в детском саду, куда пришла жена хорошего человека за ребенком. Обратно они уже не могли выйти, монстры разбрелись по городу в поисках легкой добычи.

— Сколько же они просидели в детском саду?

— Две недели. Как я уже говорил, отец семейства был в Париже и не знал, что

происходит в его родном городе. Благо в детском саду еды много, но и детей было много, поэтому жили впроголодь. Когда мы пришли за ними, понадобилось пару часов, чтобы уговорить их выйти на улицу. Монстры устроили себе лежбище прямо во дворе садика, часто приносили туда своих жертв, и ели их под окнами корпусов. После увиденного ребенок не разговаривал, а женщина наотрез отказалась выходить.

— Но ты же их спас? — с надеждой спросил я.

— Конечно. Она вышла с ребенком на руках. Но для этого мне пришлось продемонстрировать ей свои силы на тварях, которые окружили меня и пытались съесть.

— Что же было потом?

— Я закрыл Разлом, и мы слиняли оттуда.

— Так, ты закрыл его, — я с облегчением выдохнул. — Хорошо, а то я боялся, что город до сих пор под властью монстров.

— Он под властью монстров, — кивнул Отшельник.

— Как же так? Ведь ты закрыл, — удивился я.

— Я-то закрыл, но столбы переместили, поэтому город больше не был защищен. А Разломов на той стороне накопилось столько, что не счесть. Теперь там зона отчуждения.

Я скатился с крыльца и быстро зашагал по ровной чистой дорожке, вдоль которой росли цветы, в сторону леса. Мне нужно было побыть одному и «выпустить пар». То, что творилось в Империи не укладывалось в моей голове. Это ж как надо ненавидеть свою землю и своих людей, чтобы так над ними издеваться? Я попытался вспомнить какие-нибудь факты про род Палицких, но не смог. Во время Великого сражения мне докладывали, что какой-то Палицкий идет на нас с войском, но они совсем не были защищены от магических чар. Поэтому я просто внушил воинам с помощью Наваждения, что их жены в постели с соседом. Притом так красочно им это внушил, что большая часть войска просто побросали свои орудия и побежали в сторону дома. Палицкому ничего не оставалось, как развернуть оставшихся и позорно бежать. С тех пор о нем ничего не было слышно. До недавних пор.

Я подбежал к толстой березе и с яростным криком рубанул по ней ребром ладони. Острая боль прожгла руку, но я не обратил на это внимания. Мне нужно было выпустить накопившуюся злость, отчаяние и чувство безысходности.

Меня терзали вопросы: почему никто не выступит против тирании Палицкого? Куда делись остальные могущественные семьи? Неужели убежали? Или их тоже упекли в тюрьму?

Между тем удары все сыпались и сыпались. У дерева даже кора не треснула, а у меня руки раздулись и горели огнем. Мне было физически очень больно, но лишь так я мог выплеснуть душевную боль, разрывающую сердце. Через полчаса непрерывных ударов я вновь вернулся к дому. Мама с беспокойством посмотрела, но ничего не сказал. Она знала меня лучше всех, поэтому сразу же поняла, что со мной происходит.

— Ого, — сказал Отшельник и покачал головой. — Тебе же теперь на лечение не меньше недели понадобится.

— За ночь все пройдет, — отмахнулся я. — На Пауках быстро все заживает.

Правда, пользоваться руками я пока не мог, поэтому все за меня делал Миха: поил сладким яблочным сидром, чистил вяленную рыбу, передел и даже помог почистить зубы. После того, как я лег в кровать и почти уснул, ко мне подошел Миха.

— Слушай, а ты можешь поговорить с Отшельником, чтобы он и мне увеличил источник? Не буду же постоянно у тебя просить добавить мне сил.

— Поговори сам. Ты уже большой мальчик, — я с наслаждением уткнулся в мягкую

подушку.

— Я уже пытался. Он сказала, что это очень опасно.

— Согласен, — ответил я, вспоминая огромный костер и огненный обруч, взявший меня в плен.

— Я не боюсь, ты же знаешь! — с жаром ответил он.

— Хорошо-хорошо, — я громко зевнул. — Завтра поговорю с ним. А сейчас мне нужно отдохнуть... выспаться... восстановиться... Хр-р-р-р.

Я не заметил, как уснул. Рассказ Отшельника про Закрытую зону не прошел бесследно. Серые мрачные тучи тяжелыми тюками висели над небольшим, но уютным и чистым городом. Ветер завывал между дома и осыпал с деревьев пожелтевшую траву. На детской площадке скрипели, раскачиваясь, качели, но на них никого не было. Мелкая изморось холодила лицо. Наступила осень, но я никак не мог взять в толк, что здесь не так и зашагал к домам.

Темные квадраты окон равнодушно взирали со всех сторон. Двери подъездов были настежь открыты. Листья носились по дороге, будто играли в салки. Хм, что-то здесь не так. Салки, игра, бег. Дети!!! Здесь никого нет! Совершенно пустой город. Я побежал по дороге, заглядывая в подъезды и присматриваясь к окнам.

— Э-ге-гей! Здесь есть кто-нибудь?!

— Нибудь, нибудь, будь, удь — отозвалось эхо.

— Лю-у-у-у-ди-и-и!

Но кроме эха мне никто не ответил. Мне стало не по себе. Вот такая она — зона отчуждения. Интересно, куда все подевались? Убежали или... Дальше развивать мысль не хотелось. Снова вспомнились слова Отшельника про тварей, пожирающих своих жертв во дворе детского садика. Как же все это ужасно! Я должен все исправить. Должен!

Я уже хотел проснуться, чтобы вырваться из этого жуткого сна, но тут внезапно наступила темнота. Это продолжение сна или уже новый? Я огляделся — ни единого источника света. Это было похоже на...

Кружок света. Сначала он был пустой, но уже через пару секунд появилась... Оксана?! Бледная, растрепанная, с большим синяком на скуле, она обхватила себя руками и испуганно оглядывалась.

— Помнишь это девушку, Богословский? — послышался насмешливый голос Воронова. — И она тебя помнит. Хотя нет, неправильно выразился. Она навсегда запомнит тебя. Ведь это ты разрушил ее жизнь и принес столько страданий.

Я пытался понять, где он и даже приготовил смертельную паутину, но, казалось, что голос доносится отовсюду. Между тем Оксана тихонько всхлипывала и немного пошатывалась. Еще я отметил, что с прошлой нашей встречи она сильно похудела: щеки впали, под глазами пролегли синие тени, руки и ноги стали тонюсенькими. На ней было то самое голубое платье, но изодранное и грязное. Хотя, вероятнее всего, это была не грязь, а кровь.

— Правда, она красотка? — девушка дернулась и ойкнула, будто кто-то ее ущипнул. — Моим ребятам она тоже нравится. Уже не единожды подходили ко мне и просили отдать ее на пару дней, чтобы развлечься. Хи-хи-хи, — снова этот мерзкий смех. — Я думаю, ей тоже понравится. А ты что скажешь, Богословский? Ты вообще меня слышишь или я со стеной разговариваю?

— Выходи, падла, — зло процедил я.

— О! Отличненько, а то я уж начал думать, что ошибся и не к тому подключился. Значит, слушай меня внимательно...

— НЕТ! Это ты слушай, ублюдок! Если ты или твои люди хоть пальцем до нее дотронетесь, я убью вас так, что даже мертвым станет страшно! Понял?

— Хи-хи-хи, — от этого противного смеха мне еще сильнее хотелось разmozжить ему голову. — А мы ее уже тронули. Да-да, видишь какой ужасный синяк на таком прекрасном лице? Я честно не хотел ее обижать, но она сама упиралась и не хотела говорить, куда ты делся.

— Потому что она не знает, где я, козлина ты вонючая! Отпусти девушку, она тебе ничем не поможет.

— Как это не поможет? — возмутился Воронов. — Еще как поможет! Вот сейчас я при тебе отрежу ей пальчик. Завтра еще один, а послезавтра сразу три. Когда пальцы закончатся перейду к ушам, губам и носу. Если она до сих пор будет жива, я брошу ее в клетку к монстрам. Да-да, у нас есть такая клетка, и мы с друзьями иногда развлекаемся тем, что бросаем туда какого-нибудь негодяя, который выступает против нашего императора. Зачастую Федор Павлович сам присутствует при этом и от радости хлопает в ладоши. Очень ему нравится смотреть, как погибают его враги.

Мне хотелось перейти на черную радугу и найти ублюдка, но я боялся, что не успею до него добраться. И к тому же хотелось услышать его условия.

— Что ты хочешь? — спокойным голосом спросил я, хотя далось мне это с огромным трудом. Внутри я весь кипел.

— Для начала ты сам должен явиться в Министерство здравого смысла и верной политики.

— Как-как? Повтори, а то я не расслышал.

— Министерство здравого смысла и верной...

— А-ха-ха-ха! — я хохотал так, что даже вздохнуть не мог. — Здравого смысла? И... и верной по... политики. А-ха-ха-ха! Это что за бред?

— Сам ты бред, — надулся он. — Мы придерживаемся того, что все в мире течет и изменяется. Те же Разломы, — вот тут я замолчал и напрягся. — Зачем противиться тому, что происходит без нашего участия? Ведь кто-то же их создает. Зачем-то же их мир хочет соприкоснуться с нашим? Возможно, так мы выйдет на новый виток развития и расширим границы проживания.

— Вы, чертовы идиоты, убиваете собственный народ?! Какое, на хрен, развитие и расширение? Скоро никого не останется с вашей верной политикой! Придурки! Вот, погодите, я доберусь до вас!

Я переключился на «другое зрение». Рядом на диване спал Миха, в доме было темно и тихо. На часах — полночь. Черная радуга примыкала к моей голове. Я вскочил на нее и понесся так быстро, как только мог, но подлец Воронов, видимо, уже понял, как я в прошлый раз нашел его в усадьбе, поэтому едва успел добраться до вершины радуги, как она пропала, а я снова очутился в доме Отшельника.

С трудом проснувшись, я встал и напрямик направился в комнату Отшельника. Тот еще не спал, а сидел за письменным столом и, склонившись с лупой над книгой, вслух читал.

— И тогда поднял Иван свой меч и обрушил на голову чудища...

— Отшельник! — я был взволнован. — Мне надо ехать, но я обязательно верну твою машину в целости и сохранности.

Он недоуменно уставился на меня, затем выпрямился и переспросил:

— Машину? Что ты опять задумал?

— Поеду Воронова убивать. А заодно и всё их Министерство бреда и паршивой политики!

Отшельник внимательно посмотрел на меня:

— Ты можешь толком объяснить, что случилось?

— Воронов опять вломился во мой сон и на этот раз не один.

— А с кем? — осторожно спросил он.

— С Оксаной. Это та девушка, у которой я... В общем, не важно! Она выглядит ужасно.

Похоже, ее били, — у меня невольно сжались кулаки. — Я этому Воронову шею сверну, как цыпленку!

Отшельник кивнул и указал мне на тумбу у двери. На ней лежали ключи от красного внедорожника.

— Не беспокойся о семье, — сказал он и потер уставшие глаза. — Я позабочусь о них.

Я кивнул, схватил ключи и выбежал на улицу. На автомате завел двигатель и покатил по дороге, закрытой Наваждением, раз за разом прокручивая в голове слова прилизанного, а перед глазами стояла девушка-парикмахерша. Это я был виноват в ее страданиях, от этого еще тяжелее было на душе.

Первым делом решил найти тот полевой лагерь, который засек несколько дней назад.

— Знать бы еще, как туда доехать? — тихо сказал я и вылетел на трассу.

Я решил поехать направо до первого перекрестка, а там уже свернуть налево и постараться найти нужную дорогу. Оставалось надеяться, что наткнусь на след или почувствую их магию.

Дороги были пустынные. Правда, где-то вдали слышался гудок поезда. Я свернул на разбитую грунтовую дорогу и остановился, вглядываясь в заросший травой твердый песок.

— Нет, здесь давно никто не проезжал.

Вырулил и помчался дальше. На перекрестке из трех дорог свернул налево и, подпрыгивая на глубоких ямах, поехал вглубь леса. По этой дороге ездили довольно часто и объезжали дыры по обочине, поэтому я заинтересовался ею. Но через пять километров въехал в село, а дорога закончилась у небольшого железнодорожного вокзала. Выругавшись, я развернулся и выехал обратно на перекресток.

— Так мне придется в каждую деревню заезжать, — я раздраженно выдохнул. — Лучше уж начать поиски с Долины Изобилия. Вдруг он уже вернулся домой? А если нет, то домашние знают, где его искать.

Бак был почти полон. Да и в багажнике все канистры полные, поэтому не задумываясь, я развернулся и помчался в сторону Москвы. Вскоре начало светать, и в зеркалах запрыгали солнечные блики. Я подъехал к Долине как раз, когда город оживал.

Машину Отшельника оставил во дворе заброшенного здания и, подняв воротник, сел на скамейку у подъезда дома, с которого хорошо были видны ворота. Через полчаса они раскрылись и выехал кортеж черных бронированный джипов. Я попытался вытянуть немного энергии из их аккумуляторов, но почувствовал магию и поостерегся. Пока не надо привлекать к себе внимание. Еще через минут двадцать по дороге из города затарахтел пыхтящий мусоровоз. Я вспомнил, что уже видел его в прошлый раз и понял, что это мой шанс.

Вытянуть энергию из старенького грузовика было плевым делом, поэтому, когда мусоровоз проезжал мимо меня, то громче затарахтел и заглох.

— Вот же ржавая телега! Чёртова колымага! Драндулет допотопный! — послышались ругательства и из кабины выскочил коренастый мужик в грязном сером комбинезоне. — Чтоб тебя...

Договорить не успел, так как я наслал Наваждение. Он покраснел, затрясся и побежал вверх по дороге, думая, что, если в течение пяти минут ему не сделают клизму, он умрёт страшной смертью. Ну, что придумал, то придумал. Главное, что мусоровоз теперь мой. Как и личина водителя.

Я забрался в кабину, отчего сиденье со скрипом прогнулось.

— Ты только до ворот дотяни, а потом ломайся на здоровье, — похлопал по рулю и, выделив немного энергии аккумулятору, завел его.

Когда подъезжал к воротам, они распахнулись мне навстречу. Я напрягся, ожидая проверки, но никого не было. Видимо эту машину охранники знали и были уверены, что опасности она не представляет. А зря...

— Отлично! Одной головной болью меньше, — прошептал я и постарался не пялиться на пропускной пункт с бойницами, из которых выглядывали стволы.

Я медленно покатил по центральной улице и невольно залюбовался Долиной изобилия, которая после серого невзрачного города казалась райским садом. Как же было здесь красиво: роскошные дома, ухоженные сады, цветущие клумбы, белоснежные статуи, скамьи на резных ножках, небольшие уютные рестораны и множество магазинов. В отличие от города, здешние жители прохаживались неспешно, что-то вполголоса обсуждали и выглядели аристократами. Я сказал «выглядели аристократами», потому что узнал на лицо и почувствовал энергию старых знакомых.

— Пухин, ты ли это? — усмехнулся я, разглядывая тучного молодого мужчину с рылом, поносящимся от жира.

Пухин часто столовался у нас. Вернее, совсем со столовой не выходил. Завтрак плавно сменялся обедом, обед чаепитием, а там и ужин наступал. Я не обращал на него никакого внимания, потому что он хоть и был магом, но таким ленивым и никчемным, что даже поговорить было не о чем. Миха часто шутил, что он просто прирос к стулу, поэтому целый день торчит у нас. Но даже тогда он не был таким толстым.

Пухин вальяжно сидел на диванчике у входа в очередной ресторан и потягивал какой-то напиток через трубочку. М-да, такие люди при любой власти будут хорошо жить.

Вторым моим знакомым был Сиротин — сухонький старичок с пенсне на носу и с черным котелком на голове. Это был самый пронырливый сплетник, которого я знал. За развязный язык и вездесущий нос его никто не уважал, но часто использовали в своих целях. Вот и дядя, бывало, звал его на чашку кофе, чтобы выведать, что творится в империи, а также подбросить ту информацию, которая должна в короткие сроки облететь всех, кому предназначена.

Сиротин сидел на скамейке, нюхал сорванный цветок и мечтательно смотрел на небо. Вдруг меня посетила гениальная идея! Я подъехал к нему и хрипло спросил:

— Любезный, не подскажете, где дом Его Сиятельства графа Воронова. Меня вызвали на их двор мебель старую вывезти.

Сиротин вздрогнул и недовольно покосился на меня.

— Вам бы, любезный, — надменно сказал он, — надобно манерам поучиться. Где это видано, чтобы к господам вот так просто обращались?

— А-а-а, ну ладно, — почесал я затылок. — Так дом-то где?

Я сам прекрасно помнил, где дом Воронова, но мне нужен был Сиротин.

— Ну хорошо, — смилостивился он. — Так уж и быть, окажу услугу графу Воронову, — затем тихо добавил. — Не забыть бы рассказать ему об этом... Так вот: сейчас едете прямо, затем сворачиваете...

Я кивал головой, но, когда пытался повторить описанный путь, нарочно ошибался. В результате довел Сиротина до того, что он согласился сесть в мусоровоз и лично показать дом Воронова.

Брезгливо, почти с отвращением он забрался в кабину и, стараясь ни к чему не прикасаться, ткнул пальцем.

— Поехали! Не хватало еще, чтобы кто-нибудь увидел меня в этой... э-э-э, машине.

Я добавил энергии подышающему аккумулятору и поехал дальше.

— Откуда вы знаете, где он живет? Захаживаете? — как бы между прочим спросил я.

— Конечно, — Сиротин поправил котелок. — Мне рады в каждом доме.

— Так уж и в каждом? — с сомнением спросил я.

— Ты что же это, балда, сомневаться вздумал в моих словах? — напустил Сиротин и потряс крючковатым пальцем. — Вот приедем, тогда...

— Приедем-приедем, — усмехнулся я, остановился на обочине и пустил в него удушающую паутину.

Убивать его я не хотел, поэтому просто крепко запеленал, как ребенка. Затем забрал пенсне, котелок и, уже снимал пиджак, когда понял, что меня все равно увидят одетым, как он. Сиротин таращился на меня ошалелыми глазами, но не мог произнести ни звука и даже пальцем не мог пошевелить.

— Лежи. Через два часа освободишься, — сказал я и аккуратно уложил его за сиденья. — Но смотри: никому ни слова, иначе найду и убью, — подмигнул и вышел из кабины мусоровоза.

Дом Воронова был самый большой, роскошный и походил на дворец: башенки, остроконечные черепичные крыши, балконы и колонны. Я остановился через дорогу от него и огляделся. Интересно, а где же тогда живет сам Палицкий?

«Надо будет у Воронова спросить», — подумал я и решительно зашагал к резным воротам.

На долгий звонок из дома показался боец в черной форме, но увидев меня в личине Сиротина, улыбнулся и бросился открывать.

— А-а-а, господин Сиротин. Простите, что задержал. Обход делал, — он отпер ворота и открыл одну створку. — А чего вы не через калитку, как обычно? Валера быстрее бы открыл.

— Ничего страшного, — махнул я рукой. — Просто мимо прогуливался. Дай, думаю, найду к Его Сиятельству и расскажу последние новости. Он дома?

— Не знаю. Я только полчаса назад сменился. Отпуск у меня был. Помогал теще с Неделимых земель переезжать.

— Да-да, знаю об этом, — закивал я. — И как она? Держится?

— Куда же ей деваться, коли сам Федор Павлович велел, — развел он руками.

— А вы, голубчик, случайно не знаете, как император хочет использовать это земли? — я как мог изображал Сиротина.

— Мне-то откуда знать? — развел он руками. — Если уж вы не в курсе, так остальные и подавно.

— Да-да, так и есть, — я чуть склонил голову и засеменил к высокой мраморной

лестнице.

Ворота сзади, чуть скрипнув, закрылись. Я поднялся на крыльцо, подошел к двери с объемными узорами и, взявшись за кольцо с набалдашником, постучал. Дверь тут же открылась, будто кто-то стоял и ждал моего стука.

— Господин Сиротин, — поклонился старый дворецкий с густыми бакенбардами. — Добро пожаловать!

— Спасибо, — я чуть склонил голову и зашел в дом.

Внутри тоже было роскошно. Но, если честно, для меня чересчур вычурно: картины в позолоченной раме, красные ковры, много зеркал — все сверкало и искрилось.

«От такого можно свихнуться или ослепнуть», — подумал я и повернулся к дворецкому:

— Доложите обо мне Его Сиятельству, — я поправил пенсне, которое постоянно пыталось соскочить с носа.

— Его нет. Уже несколько дней в отъезде.

— Что вы говорите! — изобразил я удивление. — Куда же он уехал?

— Нам не докладывал, — довольно сухо отозвался дворецкий. — Правда, чистого белья взял всего два комплекта, поэтому сегодня-завтра ожидаем возвращения.

— Так-так, — я задумчиво постучал ногой. — Как же быть? Ведь у меня к нему срочное дело.

— Зайдите позже. Ближе к вечеру. Может, тогда Его Сиятельство уже прибудет. А если нет, то загляните к Гуревичу, — дворецкий ткнул пальцем в зеленый дом, виднеющийся в окне. — Перед отъездом они встречались и долго разговаривали. Возможно, он в курсе... А вообще, — он понизил голос и наклонился ко мне. — Лучше оставьте свои срочные новости на более благоприятный период.

— А что такое? — я озадачено сдвинул брови.

— У него в последнее время очень много срочных новостей. И каждая хуже другой.

— Да вы что! — я прижал руку ко рту и помотал головой. — Я не знал. Что же такое произошло?

— Уж вам-то ли не знать? — недоверчиво прищурился дворецкий.

— Честное слово, сам с отдыха приехал и пока ни с кем не встречался, — уверял я, надеясь, что не переигрываю.

— Богословские сбежали, — еле слышно прошептал дворецкий и выпучил глаза. — Даже страшно представить, что будет.

— А что будет? — заинтересовался я.

— А то сами не знаете...

Вдруг со стороны лестницы послышался стук каблуков и показалась статная женщина, обвешанная драгоценностями, как елка игрушками в новогоднюю ночь. Я четко почувствовал такую же магию, как у Воронова.

— Николая, я услышала разговоры. Валентин вернулся?

— Нет, Ваше Сиятельство, — дворецкий покраснел, будто его поймали за постыдным делом. — Здесь господин Сиротин.

— А-а-а, Исаак, — обрадовалась она и направилась к нам. — Что за сплетни вы на этот раз принесли?

— Добрый день, Ваше Сиятельство, — я снял котелок и поклонился. — Я уже уйду. Тороплюсь на..., — я задумался. Куда мог торопиться этот никудышный человечиска? — В ресторан. У меня важная встреча. Приду в следующий раз. Прощайте!

Дернув дверь, я выскочил на улицу, и засеменил к воротам. Не хватало еще, чтобы эта ведьма меня раскусила.

Я выбрался на дорогу и первым делом направился к мусоровозу, чтобы отогнать его подальше от дома и обновить паутину на настоящем Сиротине. Я собирался дожидаться возвращения Воронова, и мне никто не мешает сделать задуманное.

Машина завелась с трудом даже с учетом того, что дал ей достаточно энергии.

— Эх, Сиротин, придется тебе еще полежать. Хотя, — я задумался. — Нет, не буду больше тебя в паутине держать. Домой пойдешь.

Послышался вздох облегчения. Я припарковал мусоровоз в небольшом парке у мусорных баков и повернулся к своему заложнику. Тот хлюпал носом и часто моргал глазами.

— Не плачь. Жить будешь, — вытянув из источника достаточно много энергии, я наслал на него Наваждение. — Запомни, Сиротин, с этого момента ты станешь домоседом. Каждый шаг на улицу будет для тебя большим испытанием. Ты полюбишь одиночество и перестанешь совать свой длинный нос в чужие дела. А теперь иди!

Я убрал паутину, Сиротин тут же выбрался из машины и довольно бодро куда-то побежал. Я не был уверен, что заклинание будет действовать долго, но хотя бы сегодня он точно не выйдет из дома.

Выбрал место, откуда дом Воронова хорошо просматривался, и принялся ждать. Время шло, но его все не было. Между тем в голове постоянно крутилась фамилия — Гуревич, которую озвучил дворецкий.

— Знал я одного Гуревича, но мы сослали его к родственничкам в Польшу. Неужели это он?

Между тем, стемнело и я начал сомневаться, что Воронов вернется сегодня, поэтому решил пойти к этому Гуревичу. Заодно посмотрю, тот ли это вор и прохиндей или нет.

Этот дом был намного скромнее и больше походил на загородный дом городского жителя. Вместо ворот была калитка в невысоком кирпичном заборе. Я посмотрел на себя в отражение окна припаркованного автомобиля и смело зашагал к калитке. Все было так попростому, что ожидал увидеть объявление типа: Осторожно, злая собака! или Вытирайте ноги! Но ничего такого не было, а дверь открыл дворецкий. Однако одет он был куда скромнее, чем в доме Воронова.

— Кто там? — послышался грубый голос откуда-то из глубины дома.

— Господин Сиротин пришел! — дворецкий показал куда мне идти и закрыл дверь.

Я прошел в гостиную и увидел в кресле хозяина дома. Белые волосы, глаза навывкате, большие желтые зубы — это был тот самый Гуревич, которого мы с дядей поймали на незаконной добыче золота и вывозе ее зарубеж в контейнерах с рулонами хлопковой ткани. Мы забрали у него все имущество и выдворили на родину предков — в Польшу.

— А-а-а, Исаак! — обрадовался он и указал на кресло напротив. — Проходи, садись. Ты как раз вовремя. Аркадий, неси «Зубровку» и закуску.

Я раскланялся, снял котелок и присел на край кресла. Точь-в-точь так Сиротин вел себя, когда приходил к нам. Тем временем расторопный дворецкий принес поднос, на котором стояли большой стеклянный бутыль и тарелки с закусками.

— Ну-у-у, чего новенького в мире творится? — Гуревич разлил «Зубровку» по стаканам и один протянул мне.

— Да, что нового может быть? Все только о Богословских и говорят, — я сделал вид, что отхлебнул из стакана, а сам не спускал внимательного взгляда с Гуревича.

— Да-а-а, беда-беда. Надеюсь, его поймают. Иначе... Даже думать об этом не хочу. Паук никого не пощадит, — он тяжело вздохнул и залпом выпил весь стакан. — Эх-х-х, хороша настоечка! Ты, кстати, не слышал: подписал император Федор документ о вывозе древесины в Польшу?

— Древесину? — переспросил я. — У них самих леса мало, что ли? — я незаметно отлил настойку на толстый ковер и потянулся за соленым грибом.

— Может, и много, — пожал плечами Гуревич. — Просто надо пользоваться положением по полной. Уголь уже едет по железной дороге беспрерывно, нефть течет по трубам, золото тоннами вывозим. Древесины бы еще.

— Каким еще положением? — уточнил я, делая вид, что немного опьянел.

— Как каким? Пока Федька на престоле. Боюсь, если Паука быстро не поймают, то кранты Палицкому. Тогда уж ничего отсюда не вывезешь.

Я еле сдержался, услышав, что Гуревич продолжает воровать, притом с попустительства самого императора. С трудом проглотив невкусный гриб, решил перейти к разговору о Воронове:

— Я вот сегодня к Его Сиятельству Воронову заходил. Так дворецкий сказал, что его уже несколько дней нет. Не знаете, куда он подевался?

— Паука ищет и прячется одновременно, — он хрипло рассмеялся. — Сказал, что поколесит по империи и в Красной горке заляжет до лучших времен. А лучшие времена не наступят, пока Паук на свободе...

Он еще что-то говорил, но я уже не слушал. На Красной горке под Петербургом было наше имение — Богословских. В нем я провел детство и юность, пока не перебрались всей семьей в столицу. Но каждое лето мы с Михой отдыхали в доме своего детства. И эта паскуда прилизанная живет в моем доме?! Пелена ярости заволочла глаза, и стакан взорвался в моей руке.

Гуревич застыл с открытым ртом и ошарашенно смотрел, как тощий старикан Сиротин, с перекошенным от ярости лицом, вскочил на ноги, раздробил стакан в руке и, не мигая, уставился в стену.

— Эй, Исаак, ты чего? — несмело спросил он. — Тебе плохо, да?

Я глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и мотнул головой.

— Нет, мне не плохо. Мне, — и тут я смахнул с себя Наваждение. — Мне очень хорошо!

Гуревич сначала побелел от страха, затем покрылся пятнами и засучил ногами, пытаясь отодвинуться вместе с креслом подальше от меня.

— А-а-а, так ты знаешь, кто я, — улыбнулся и сделал шаг в его сторону. Он весь затрясся и хотел было крикнуть, но липкая паутина залепила ему рот. — М-да, Гуревич, ты как был вором и мошенником, так им и остался.

Он хотел что-то сказать, но паутина не давала. Я предупредил, что убью его сразу же, если поднимет крик, и убрал паутину.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — плаксиво протараторил он. — В первый раз вас вижу.

— В этой жизни может быть и в первый, а в реальной мы с Великим императором Александром взяли тебя с поличным на границе. Ты тогда сбежать пытался, зная, что мы занялись тобой.

— Я ничего не делал, — замотал он головой. — Я ничего не нарушал. Император Палицкий сам с великим удовольствием участвует в продаже ресурсов. Я ни в чем не виноват.

Он выглядел таким жалким и ничтожным, что мне было даже противно пачкаться об него, поэтому я развернулся и зашагал к двери. Но, повернувшись спиной к вору и подлецу, я включил «другое зрение» и, как оказалось, не зря. Гуревич тут же подобрался, напрягся и выпустил мне в спину заряженный поток энергии молнии. Я уж и забыл, что он черпает энергию Грозы. Искрящийся белым огнем шар почти достиг меня, но я вовремя отпрыгнул в сторону. Шар снес статуэтку, дверной косяк и, ударившись о стену, раскрошил штукатурку, обнажив красный кирпич.

— Эх, Гуревич, кто же так гостей провожает, — покачал я головой и повернулся к нему.

На второй шар у него не хватило энергии, поэтому он просто сидел, словно изваяние, и боялся шелохнуться. Понимал, что сотворил непоправимое.

— Я... я денег дам, — зашептал он, сполз с кресла и встал на колени. — Много. Очень много.

— Хм, деньги мне не помешают, — кивнул я.

— Да-да-да, — энергично закивал он. — Деньги всем нужны. Они здесь, — он ткнул пальцем в потолок. — В сейфе на втором этаже.

— Хорошо. Будем считать, что так ты возместил моральный вред. Но ты же сам сказал, что «Паук никого не пощадит». Так и есть. Эх, Гуревич-Гуревич, хотел подло убить, выстрелив в спину, а это очень плохой поступок. С гостями нельзя так обходиться.

Он еще что-то хотел сказать, но у меня не было желания его выслушивать, поэтому смертельная паутина сорвалась с моей руки и опутала предателя Гуревича. Тот еле слышно вскрикнул и упал лицом на осколки стакана.

Я поднялся на второй этаж и с помощью «другого зрения» нашел в спальне за ковром большой сейф. Кислотная паутина снова выручила, и вскоре из дыры в двери сейфа я достал толстые пачки денег и сложил их в наволочку. Эти деньги он украл у империи, поэтому наследник престола может по праву их забрать себе и использовать во благо империи. А для империи нет ничего лучше, чем возвращение Богословских на трон.

Когда спустился вниз, то столкнулся с испуганным дворецким.

— Не бойся, я тебе ничего не сделаю. А вот твой хозяин получил по заслугам. Только смотри, доложи о его смерти утром, чтобы ко мне хвост не прицепился. Понял?

Дворецкий закивал, с облегчением выдохнул и еле слышно сказал:

— Спасибо.

— Не благодари. Я не убиваю без причины.

— Нет. Спасибо, что убили его, — он показал на труп. — Заслужил. Плохим человеком был... А во время Великого сражения я болел за вас.

Я кивнул и вышел на улицу. Была уже полночь и яркая луна освещала спящую Долину. Спрятав в кусты наволочку, битком набитую деньгами, я снова сделался Сиротиним и постучал в ворота дома Воронина.

— Господин Сиротин? — показалось взволнованное лицо охранника. — Что-то случилось?

— Нет-нет, ничего такого. Просто хотел уточнить, приехал граф или нет?

— Нет, не было. Сами ждем, — развел он руками.

— Понятно. Спокойной ночи, голубчик, — я приподнял котелок, развернулся и засеменял прочь.

Прихватив наволочку, я вернулся к мусоровозу. Я боялся, что он не заведется, поэтому невольно задержал дыхание и повернул ключ. Энергии я дал достаточно, но у старой машины и без того было много проблем и поломок. Мусоровоз затарахтел, плюнул черным дымом и завелся.

— Фух-х-х, — с облегчением выдохнул я, включил тусклые желтые фары и поехал в сторону ворот.

Теперь предстояло не вызвать подозрения и спокойно выехать из Долины. Уже у самых ворот вспомнил, что не сменил личину Сиротина на водителя, поэтому смахнул одно Наваждение и сотворил другое, надеясь, что никто этого не заметил.

В этот раз ворота никто мне не открыл, поэтому пришлось просигналить. Из небольшого каменного здания, расположенного впритык к стене, вышли двое охранников. Я порадовался тому, что это были «пустые» люди, а не боевые маги.

— Что-то ты сегодня припозднился, — сказал усатый мужик и заложил большие пальцы за широкий кожаный ремень.

— Эта чертова колымага снова сломалась! — возмущенно воскликнул я и ударил по рулю. — Целый день провозился.

— Да-а-а, — протянул он и широко зевнул. — Пора менять старушку.

— Кто ж мне ее поменяет? Спасибо, хоть эта есть.

— И то верно. Ну ладно, езжай, — он повернулся и махнул рукой, делая кому-то знак.

Ворота щелкнули и начали бесшумно раскрываться. Я уже приготовился побыстрее уехать, но тут послышался свист. Повернув голову к окну, увидел крепкого мужчину в бордовом костюме и с копной черных вьющихся волос. От него веяло магией Земли.

— Стой! — он махнул рукой. — Вылезай из кабины!

— Да, мы его знаем, — вступился усатый. — Он каждый день сюда приезжает и...

Договорить ему не дали. Маг резко вскинул руку и отправил в открытое окно мусоровоза огненный шар. Умный, гад! Сообразил, что надо действовать быстро. Но я был умнее, поэтому закрыл машину паутиной-оберегом и отправил ему в отместку жгучекислотную. От душераздирающего крика мага «пустые» в страхе бросились в здание, а я нажал на педаль газа. Но по мусоровозу вновь что-то прилетело, а ворота начали закрываться.

— Не дожидетесь! — я рванул вперед, но понимал, что громоздкий мусоровоз не сможет проехать в щель между двумя толстыми створками с шипами и опасными крапинками.

Недолго думая, схватил наволочку с деньгами, выскочил из кабины и, закрывшись оберегом, побежал к воротам. Сначала по невидимому куполу застучали огненные шары, затем засвистели пули. Я знал, что уязвим в движении и не могу закрывать бреши со всех сторон, но щель между створками все уменьшалась и я мог оказаться в ловушке. В это время что-то горячее обожгло мне щеку и острое чиркнуло по бедру. Ерунда. Лишь бы вырваться отсюда.

Все это длилось не больше двадцати секунд, но время словно замерло. В три прыжка я достиг ворот и боком протиснулся в узкую щель. В прежние времена, когда был накачан и весил килограмм на двадцать больше, выбраться бы не смог.

Как только я выбежал, ворота со стуком захлопнулись, отгородив меня от охранников и магов. Не оборачиваясь, но включив «другое зрение», я со всех ног мчался к внедорожнику Отшельника. Нет, я боялся не погони, а того, что они предупредят Воронова и тот уедет с Красной горки. А лучшего места для возмездия трудно представить.

Когда сел в машину и немного отдышался, то впервые осмотрел себя. На бедре тонкий, но глубокий порез. Это явно была не пуля. Может, стрела? На лице от мочки левого уха до подбородка ярко-красный ожог. Видимо, огненный шар пролетел сквозь брешь от предыдущего удара. Я включил регенерацию, выехал со двора заброшенного дома на дорогу и помчался в сторону Красной горки.

Я знал дорогу хорошо, хоть она сильно испортилась, поэтому просто летел со скоростью сто сорок километров в час и погрузился в свои мысли.

Гуревич сказал, что император поддерживает вывоз ресурсов. Более того, «с великим удовольствием участвует». Интересно... Что же все-таки задумал Палицкий? Ведь не зря он разрушает империю. Но больше всего меня интересовал вопрос: кто ему помог изменить прошлое? Еще учась в Академии, мы изучали перемещения во времени и, если в будущее было относительно легко попасть, нужны были лишь силы и артефакт времени. То в прошлое могли переместиться только очень сильные маги. Таких в империи можно было бы пересчитать на пальцах одной руки: я, Отшельник и еще трое магов Высшей категории: Земли, Воды и Ветра. Но в них я был уверен. Во-первых, двое из них были уже очень пожилые и преимущественно занимались тем, что рассказывали байки своим прапраправнукам. Во-вторых, третий маг был другом дяди и никогда бы его не предал. Тем более он участвовал в сражении на нашей стороне и сильно помог.

Я потер зажившее бедро и вновь окунулся в мысли. Когда мы только пришли к власти, первое, что я сделал — это провел по всей границе сигнальную паутину, которая безошибочно передавала данные о пересечении границы магом, шаманом или ведьмой. Как только это случалось, я отправлял туда отряд подготовленных магов. Также я контролировал магическое поле всей империи. Самая большая концентрация магии была в Москве и

Петербурге, но, если мне надо было, я мог вычленил каждого по отдельности и проверить его силы. А также получал сигнал о том, кто и когда повысил магическую категорию. Обдумав всё, я пришел к выводу, что это был пришлый маг или маги. И попали они сюда пока я спал, переместившись в будущее.

Тем временем начало светлеть. Я проехал всего полпути, но уже устал и жутко проголодался. За очередным поворотом стояла небольшая забегаловка, за которой виднелись крыши деревянных домов. Съехав с дороги, я припарковался за строение, похожее на большую собачью дубку. Время еще было раннее, и я сомневался, что забегаловка уже открыта, но все же подошел к ней и потянул дверь на себя. В нос ударил запах прогорклого масла, забродившего кваса и... аромат свежее испеченного хлеба.

— М-м-м, — с наслаждением промычал я и вспомнил завтраки во дворце: румяные мягкие булочки с жареным беконом и сливочным сыром, хрустящие круассаны, шаньги со сладкой ягодной начинкой, пышные омлеты и еще много чего вкусного. В забегаловке было шесть круглых столов с пластиковыми стульями и пустой раздаточный стол с кассой. На подоконниках стояли искусственные цветы, а на стенах висели изгаженные мухами репродукции картин известных художников.

Тут дверь кухни распахнулась, и вышла раскрасневшаяся девушка с подносом, на котором высилась гора свежей выпечки.

— Ой, — она испуганно остановилась и робко спросила. — Вам чего?

— Доброе утро, милая леди, — я доброжелательно улыбнулся. — Я бы хотел позавтракать.

— Но мы только через два часа открываемся, — она поставила поднос на стол и вытерла рукавом влажный лоб. — Кроме булок и вчерашнего борща ничего не готово.

— А мне большего и не надо, — я плюхнулся на ближайший стул. — Принеси мне большую миску борща и подай пять булок.

Расторопная девушка живо метнулась на кухню и уже через пять минут принесла дымящуюся тарелку с густым супом и переложила на тарелку несколько булок с подноса. Пока ел в голове беспрестанно прокручивал свои дальнейшие действия. Я сильно сомневался, что в доме на Красной горке они что-то поменяли. Дом был дородный, каменный и мог прослужить еще не одно столетие, поэтому-то Воронов и поселился в нем, как в крепости.

Все подъездные дорожки к дому я знал, как и лес, и пруд, и реку. Вспомнив дом детства в голове замелькали картинки: вот я испугался, когда ко мне пришла магия и в груди стало тепло и появилось чувство распираания, вот я учусь пускать первые огненные шары под чутким руководством дяди, вот праздник, который устроила мама в честь появления у меня магии. Ведь бывало так, что в семье магов рождался «пустой» ребенок и всю жизнь чувствовал себя ущербным. В тот год были еще живы бабушки и дедушки, поэтому праздник получился на славу.

Я тяжело вздохнул и отогнал воспоминания — не время. Сначала надо уничтожить врагов и вернуть семье былое величие.

— У нас там гречка с мясом сварилась. Будете? — я посмотрел в тарелку и обнаружил, что она уже пустая. Я даже не заметил, как все съел.

— Нет, пожалуй, от гречки откажусь.

Я полез в карман и вытащил пачку денег, которую прихватил с собой из наволочки.

— Это вам за вкусный завтрак, — я протянул ей тысячную купюру. — А вот это за

отличное обслуживание и очаровательную улыбку.

Я положил ей на ладонь всю пачку.

— Нет-нет, это очень много, — испуганно пролепетала она и попыталась всучить деньги обратно. Но я был непреклонен и даже сурово сдвинул брови.

Тогда она поблагодарила и заверила, что потратит деньги на благое дело. Я попрощался и вышел на улицу.

***

Остаток пути пролетел на одном дыхании, я выжимал из внедорожника всё, что мог, стремясь быстрее встретиться с опостылевшим врагом. Первым препятствие были железные ворота на замке и высокий забор из толстой арматуры. Я включил «другое зрение» и проверил на наличие магии. Ничего не было.

— Вот и отлично.

Запустил кислотную паутину на замок, отчего он растаял на глазах, а затем протаранил ворота внедорожником. Я знал, что до дома еще как минимум два километра, поэтому шума никто не услышит.

Не доезжая метров пятьсот, я съехал на узкую проселочную дорогу и оставил машину за высокой разлапистой елью. Ярко-красный внедорожник был издали виден, но со стороны дома его нельзя было разглядеть из-за ели.

Я зашагал по лесу, набросив на себя Наваждение в виде сосен. Если бы кто-нибудь пригляделся, то увидел бы три ствола без верхушек высотой в метр восемьдесят восемь, которые постоянно перемещаются по лесу.

Я не знал, как Отшельник чувствует за несколько километров, но метров за сто я уже явственно почувствовал магию. Сначала это был сам Воронов. Уж его-то я ни с кем не перепутаю! От радости я даже ускорился — так не терпелось встретиться, но теперь на моих условиях. Еще через десяток метров я почувствовал боевых магов, человек пять или даже семь. Жаль, что Оксану я почувствовать не мог. У «пустого» человека нет той ауры и того магического следа, что окружает магов.

Вскоре из-за деревьев показался дом. Мой родной дом. Он выглядел почти также, как и раньше. Только во дворе больше не цвели цветы и не росли ягодные кусты. Коричневая брусчатка закрывала весь двор, неподалеку расположились два черных джипа. Номера одного из них были мне знакомы. Это был тот джип, который я видел в городе, когда сбежал в первый раз.

Я прижался спиной к толстой сосне, закрыл глаза и принялся мысленно вычленять каждого, чтобы понять, кто где находится.

— Ага, трое на входе. Пятеро разбросаны по дому, а Воронов... в кабинете отца!

Энергия Воронова чувствовалась в глубине дома на втором этаже. Там был кабинет отца. Когда он погиб, мы в нем ничего не трогали. Первые пару лет, когда было особенно грустно и тоскливо, мы с Михой втихаря заходили в кабинет, залезали на отцовское большое кожаное кресло и просто сидели, обхватив колени. Там умиротворяюще пахло папой и чувствовалась его энергия.

Я постарался успокоиться, ведь ненависть и ярость не помогут, а скорее помешают совершить задуманное. Мне нужна была ясная голова и холодное сердце. Во-первых, энергия магов была достаточно сильная, что говорило об их подготовке и силе заклинаний. Еще издревле в боевые маги брали самых сильных и талантливых учеников, которых готовили стать машинами для убийств. Поэтому выступить против всех сразу было неосмотрительно.

Нет, я не боялся и был уверен в своих силах, но мне надо было Воронова взять живьем. А то в пылу битвы могу и убить ненароком.

Во-вторых, я не знал, что за козырь был в рукаве императора и его приспешников. Магическую силу, необходимую для перемещения в прошлое мог дать сильный маг или особый артефакт, поэтому нужно было быть очень осторожным и действовать наверняка.

Протяжно выдохнув, я направился к дому...

Я подобрался к дому так близко, что мог рассмотреть зарубки на углу, которые мы делали с Михой, когда выясняли, кто же больше вырос за лето. Чтобы проверить, нет ли сюрпризов, я включил «другое зрение» и сразу же увидел блестящие крапинки на заборе и стене дома. Точно такие же, как на стене, огораживающей Долину изобилия. Белке в тот раз не повезло.

— Заждался меня, Воронов? — усмехнулся я. — Ну, ничего-ничего, скоро встретимся.

Вдруг дверь дома открылась и на улицу вышли двое молодых людей. Оба маги Земли. Они неспеша спустились с высокого крыльца и побрели вдоль дома о чем-то переговариваясь.

— Отлично. Вставайте в очередь, — прошептал я.

Первым делом открыл источник и, хотя он был полон, совершенно не стесняясь, принялся вытягивать из них магию. Один из них остановился, приложил руку к груди и испуганно сказал:

— Ты чувствуешь?

— Да, — посерьезнел второй. — Что-то с источником творится.

Они озадаченно посмотрели друг на друга. Правда, уже несколько секунд спустя, догадались закрыться защитными заклинаниями, но это их не спасло. Обычные заклинания в таком случае не помогают.

— Ну понятно, — улыбнулся я. — Еще одни, никогда не встречавшиеся с Пауком. Они, наверное, и в академии плохо учились.

— Я чувствую его! — закричал один из магов, махнул рукой и ринулся в мою сторону. — Туда моя магия утекает.

Второй побежал следом, на бегу формируя огненный шар.

— То, что нужно, — потер я руки. — А то я уже испугался, что они так и останутся стоять, как истуканы, а потом упадут трупами и наделают шуму.

Я закрылся Наваждением и стоял в виде куста жимолости, поджидая приближения магов. Когда они вышли за ворота и побежали к лесу, две удушающие паутины сорвались с моих рук и захватили их. Маги повалились в траву, но все еще оставались живы. Мне нужно было выведать информацию.

— Где девушка? — прошептал я, наклонившись над первым.

— В подвале, — прохрипел он, с трудом дыша.

— А Воронов?

— Здесь... В Горках, — ему все труднее было говорить. Воздуха катастрофически не хватало.

— Я знаю, что он здесь, — раздраженно выдохнул я. — Конкретнее.

— В доме...на втором этаже...В своем ка-кабинете.

— В своем кабинете? — вспыхнул я, но вовремя взял себя в руки. — Сколько еще магов в доме?

— Шестеро, — выдавил он и вырубился.

Пришлось подойти ко второму.

— Где находятся маги?

Но второй не торопился ничего рассказывать и даже пытался отвернуться, но паутина

тут же сжала его так, что чуть кости не переломала. Через пять секунд я ослабил ее и еще раз задал вопрос:

— Где маги?

— В служебке. Слева, прямо у входа, — еле слышно ответил он, присмирив. — И на кухне... Если не явимся с обхода, они пойдут нас искать, — с угрозой добавил он.

Видимо решил, что я расплачусь, подниму руки и пойду сдаваться. Такой смешной! Он еще что-то силился сказать, но я уже не слушал, а паутина сделала свое дело.

Я выпрямился, набросил на себя личину одного из охранников и зашагал к дому. Когда поднялся на крыльцо и взялся за ручку двери, сердце непроизвольно сжалось. Я снова дал себе обещание, что верну свою прежнюю жизнь и больше никто и никогда не посмеет так поступить со мной и моей семьей.

Зайдя в дом, я отметил, что обстановка сильно изменилась. Предметов роскоши не было: ни картин, ни статуэток, ни люстр с коврами. Видимо, растащили по своим домам или распродали. Под ногами хрустел сор, все поверхности покрывала пыль и грязь, белые стены в пятнах, в отпечатках рук и в следах от подошв ботинок. Если бы мама это увидела, то... Я даже не стал додумывать. Совсем нерадостная выходила картинка. Все-таки этот дом они построили с отцом, когда поженились, и мы с Михой здесь родились.

— А где Никита? — из двери слева показался пожилой маг.

Я его вспомнил. Он служил Алексей Благородному, а когда мы пришли к власти, то ушел на покой. Но, оказывается, покой-то ему не сильно был нужен, раз прислуживает Воронову.

— Отливает, — махнул я рукой и хотел пройти мимо, чтобы проверить все комнаты, но маг остановил меня.

— Погоди, — он озадаченно сдвинул кустистые брови. — Ты же вроде маг Земли, верно?

— Да, а что? — напрягся я.

— Но от тебя веет другой магией. Это не Земля, а...

Договорить я ему не дал. Сначала залепил рот липкой паутиной, затем затолкал в служебку и плотно закрыл дверь. Не хватало еще чтобы он шуму наделал. Пока он силился выковырять изо рта невидимую субстанцию, я накрыл его удушающей паутиной и аккуратно опустил на диван, который до этого стоял в нашей гостиной.

— Ну что, старик, не захотел служить моему роду, зато продался Палицкому. Видимо, скверная у тебя душонка.

Я смахнул Наваждение, и он ошарашенно уставился на меня, пока воздух не закончился в его легких, и взгляд мутных глаз не вперился в потолок.

— Так, осталось пятеро.

На этот раз я нацепил на себя Наваждение в виде старого мага, который, по всей видимости, был здесь главным, и неспеша побрел по коридору. С кухни доносились голоса. Я задумался, как бы сделать так, чтобы выманить их если не по одному, то хотя бы по двое.

— Чё развеселились? — я резко открыл дверь и скомандовал. — А ну двое со мной!

— Что случилось-то? — озадаченно спросил белобрысый великан с очень сильной магией Воды. Такой может утопить одним взглядом.

— Узнаешь, что, — грубо осадил я и махнул рукой. — Двое в служебку.

Я развернулся и бодро зашагал к служебке, чтобы накрыть старика пледом или Наваждением. Не хватало еще, чтобы они раньше времени его увидели. Великан и маг, с

черной мантией за спиной, нехотя зашагали следом. Едва я успел сделать труп мага невидимым, как дверь щелкнула и открылась.

— Что случилось-то? Его Сиятельство вроде не вызывал.

— Вы что же это, не чувствуете? — повысил я голос и вперились старческие глаза в лицо великана.

— Да-да, — встревожился маг в мантии. — Я чувствую.

— Эх-хе-хе, — покачал я головой. — У вас под носом Его Сиятельство будут убивать, а вы будете сидеть на кухне и веселиться.

Они хотели что-то возразить или даже оправдаться, но уже не смогли. Большая смертельная паутина накрыла их разом, отчего они успели только сдавленно вскрикнуть и с глухим ударом повалились на пол.

— Осталось трое, — выдохнул я.

Прождав минут десять, чтобы наполнить источник, я вновь направился к кухне. Но на этот раз не было слышно ни смеха, ни разговоров. Я даже сначала подумал, что там никого нет, но потом явственно почувствовал магию. Видимо, мой суровый вид их напугал и заставил напрячься.

Я уже потянулся к двери, как услышал голос.

— Захар, что случилось?

На лестнице стоял встревоженный Воронов, а за ним один из тех магов с кухни.

— Его Сиятельство, — я чуть склонил голову. — Ребята с обхода не вернулись, вот я еще двоих отправил.

— Не вернулись, — Воронов сначала побледнел, затем вытянул руку и затряс пальцем. — Выясни, куда они подевались. Немедленно! А вдруг Паук здесь?!

Он выпучил глаза, развернулся и поскакал вверх по лестнице. М-да, и это мой враг?! Даже врага хочется уважать, но это чудо вызывает только жалось. Интересно, он что-то умеет, кроме блуждания по снам?

Маги замерли и уставились на меня. Похоже, они подчинялись старику, а не графу. Ну, а что он хотел с такой трусливой душкой?

— Вы слышали приказ Его Сиятельства, — рявкнул я. — Бегом на обход! Но будьте осторожны, сильнее Паука никого в империи нет.

— Так уж и нет, — ухмыльнулся тот, что до этого стоял рядом с графом. У него была большая щербинка между зубами.

Я весь обратился в слух, в надежде, что узнаю, что-то важное, но тут снова послышался голос Воронова из глубины дома:

— Закройте защитными куполами дом! Сейчас же!

Маги забеспокоились и побежали к выходу. Последним был щербатый. Ему мешали лаковые туфли, в которых он постоянно поскальзывался. Я кинул в него удушающей паутиной. Маг рухнул прямо у двери, поэтому пришлось оттащить его в служебку.

Я вышел на крыльцо как раз в тот момент, когда один из магов показал на труп и бросился к нему:

— Вон Никита!

Второй начал судорожно закрываться защитными заклинаниями и в панике оглядываться. Тот, который бежал к трупу, громко вскрикнул и упал пораженный смертельной паутиной.

— Захар Петрович! — в панике закричал второй. — Он где-то здесь! Вы видите его?

Я подошел и встал рядом с ним. Похоже, он весь свой источник опустошил, сотворив не меньше дюжины усиленных защитных заклинаний. Одной паутиной его не возьмешь, придется слой за слоем убирать защиту. Поэтому я просто открыл источник и потянул его силы.

— Защищайте графа, пока я ищу Богословского, — шепнул он мне. — Я его чувствую. Он совсем рядом.

— Да, ты прав. Более того, он гораздо ближе, чем ты думаешь, — кивнул я и смахнул Наваждение.

К чести мага, могу сказать, что дрался он до последнего. Такого яростного сопротивления я давно не встречал. Но уже через пять минут я зашел в дом и поднимался на второй этаж.

Как и на первом этаже, на втором тоже осталась только старая мебель, разломанный паркет и... Тут я остановился и недоуменно уставился на дверь кабинета. Это была не просто дверь, а мини ворота от потолка до пола, отдаленно напоминающие ворота Долины изобилия: железные ставни с шипами и блестящими крапинками.

— Это ж надо быть таким..., — я не мог подобрать нужного слова, и чертыхнувшись, крикнул. — Эй, Воронов, ты долго там сидеть собираешься?!

Тишина. Я хотел подойти поближе, но тут что-то сверкнуло и со свистом пролетело возле моей головы, обдав жаром. Приглядевшись, увидел, что в воротах есть небольшое окошко, из которого выглядывает дуло. Снова мигнуло, и очередная пуля полетела в меня, но уже в центр лба. Паутина-оберег отлично справилась, и пуля упала у моих ног. За ней еще одна и еще. Они падали и падали, но не причиняли мне вреда, ведь оберег моментально восстанавливался, черпая энергию из источника.

Я подождал немного, затем запустил жгуче-кислотную паутину прямо в отверстие. Дуло на глазах начало таять и металл каплями застучал по полу. Часть ворот тоже начала растворяться, обнажая внутреннее убранство кабинета. Едва я сделал пару шагов к воротам, как мне навстречу из отверстия полетели огненные шары.

— Да ты что? — удивился я. — Неужели заклинания атаки тебе тоже известны? Я уж думал только по чужим снам шляться умеешь.

Запустив еще одну жгуче-кислотную паутину, я медленно пошел к воротам, которые таяли на глазах. Вдруг по оберегу ударила молния.

— О! — удивился я. — Уже и забыл о жезлах. Интересная штука. Эй, Воронов, откуда вам такие жезлы? Неужели в вашем окружении есть такие искусные умельцы?

— Не твоё дело! Убирайся отсюда! — завизжал Воронов. — Тебя сюда никто не звал!

Молнии, не переставая били по защитной паутине, которой приходилось постоянно обновляться, тратя энергию из источника. При прежнем источнике, я бы уже отступил до нового пополнения, но не сейчас. Благодаря Отшельнику, источник быстро пополнялся и энергии хватало надолго, поэтому я просто шел вперед к врагу, который принес немало проблем.

— Сейчас...с-сейчас сюда придут дополнительные подразделения! — угрожающе закричал Воронов из глубины кабинета. — Они уже близко!

— Очень хорошо, — усмехнулся я. — Но ты еще ближе.

Кислотная паутина разъела дыру в воротах, в которую я бы с легкостью мог забраться, но все же решил повременить. Неизвестно, чем еще он собирается защищаться. Тем временем молнии пропали и наступила тишина.

— Воронов, ты не бойся. Я тебя не сразу убью. Поживешь еще чуток, так что можешь выходить! — я остановился у дыры и заглянул внутрь.

Отцовский кабинет остался прежним. Те же тяжелые темно-зеленые шторы, тот же громоздкий дубовый стол, искусно нарисованная карта империи на стене, два кресла с высокими спинками по-прежнему стояли у камина. Только не висел портрет мамы на стене. Вместо нее светлый прямоугольник на пожелтевшей краске. Воронова нигде не было видно.

— Ку-ку, в прятки играем? — насмешливо сказал я, пролез в дыру и чертыхнулся.

Внутри большого шкафа был спуск по узкой лестнице в подвал, а оттуда шел туннель, прорытый под землей имения и выходящий в лес. Я метнул огненную паутину в спуск, чтобы осветить его, и увидел, что Воронова уже не было.

— Так там же Оксана!

Я выскочил из кабинета и помчался на первый этаж, чтобы спуститься в подвал по лестнице из кухни. Неизвестно, что он мог сделать с узкой лестницей тайного прохода. Дверь в подвал была настежь открыта, внизу слышалась возня. Я включил «другое зрение» и начал медленно спускаться. Уже через несколько ступенек порадовался тому, что обучение у Отшельника пошло мне на пользу. Несколько ступенек отсутствовало, а на стенах вновь блестели крапинки. Перепрыгнув дыру, стараясь ни к чему не прикасаться, спустился вниз и застал Воронова, с силой тянущего Оксану в подземный проход.

— Не подходи, иначе я ее убью! — заорал он и снова грубо дернул ее.

— Ну что ж ты так с неаккуратно с девушкой обращаешься? — покачал я головой.

Увидев меня, Оксана воодушевилась и просто упала на пол, чтобы Воронову было тяжелее тащить ее. Он зло выругался, выпустил ее руку и бросился в темный проход.

— Что за идиот? — покачал я головой и отправил ему вслед паутину-лассо.

Уже через пять секунд Воронов лежал у моих ног. Он орал, как резанный, пинался, извивался, но не мог освободиться из крепких объятий лассо. Огненный шар, который он пытался метнуть в меня, упал на пол и покатился к его ногам, отчего вспыхнула штанина.

— Горю-у-у! Потуши! — в панике заорал он.

Я подождал немного, глядя как пламя поднимается к паху, а Воронов, истошно вопя, катался по полу и пытается потушить огонь. Устав от дикого ора, метнул в него водяную паутину и повернулся к Оксане. Она сидела на полу и тихонько плакала. В полутьме не было видно ее увечий, только синяк на скуле. Я с облегчением выдохнул: главное, что жива.

— Милая, пойдем, провожу тебя наверх. Ты отдохнешь, чай попьешь, а я пока с этим чудом разберусь.

Я протянул ей руку. Девушка с готовностью схватила ее, поднялась и прижалась ко мне. Аккуратно взял ее на руки и поднял вверх по лестнице. Хотя с отсутствующими ступеньками пришлось повозиться и перекинуть пару особо прочных паутинок. Я посадил ее на стул и снова вернулся к Воронову. Тот на манер гусеницы пытался уползти в проход.

— Куда же ты? — деланно удивился я. — Ты же жаждал встречи. Говорят, искал меня повсюду. Вот я и пришел. Поговорим?

— Мне не о чем с тобой разговаривать! Император вместе с магами уже в пути. Скоро они будут здесь, и ты пожалеешь, что раньше не умер.

— Отлично! — показал я большой палец. — Я то даже не знал, где Палицкого искать. А тут он мне сам в руки придет.

Глаза Воронова округлились и он, отталкиваясь ногами, вновь направился в сторону прохода.

— Ты же понимаешь, что от меня не уйдешь, — я присел на край деревянной коробки, из которой выглядывали жезлы, и огляделся. Раньше здесь хранились различная консервация и бутылки лучших вин империи, теперь же было пусто, если не считать пару ящиков с жезлами и продавленный диван. — Я задам тебе несколько вопросов и от того, как ты ответишь, зависит как умрешь: в адских муках или быстро и безболезненно.

Воронов не оставлял попыток вырваться из прочной паутины, но, услышав про смерть, замер.

— Ты убьешь меня? — еле слышно спросил он.

— Да, — честно признался я. — И тебя убью, и Палицкого, и... Кто еще с вами? Кто помог поменять прошлое?

Воронов испуганно посмотрел на меня и энергично замотал головой:

— Никто. Никого не было. Мы сами. Все сами!

— Ну, сами так сами, — улыбнулся я и устроился поудобнее. — Вот теперь все подробно и расскажи. Как вы сами — два никчемных, никудышных, слабых мага, смогли повернуть время вспять и изменить то, что уже случилось?

— Ничего рассказывать не буду! — упрямо заявил он и выпустил огненный шар, который снова не смог до меня долететь и упал у деревянного ящика. Сразу возник вопрос: как горят жезлы и горят ли вообще?

Чтобы пресечь дальнейшие попытки Воронова дотянуться до меня, я накрыл его удушающей паутиной и немного сжал. Он раскраснелся, закричал и заскулил от мощного объятия моей любимой паутины.

— Будешь говорить или подождем, когда захрустят твои кости? — равнодушно спросил я и смахнул засохшую грязь со штанины. Видимо, в лесу испачкался, когда с первыми магами возился.

— Бу-дем, — выдохнул он. Вены на шее и висках вздулись, глаза покраснели.

Я ослабил хватку паутины.

— Давай начнем с легкого, чтобы ты привык говорить правду. Где Иван Вяземский?

— В изоляторе, — выдохнул он.

— В Бутырке? — Воронов кивнул. — Хорошо. Видишь, совсем не страшно. М-м, а где хранятся силы, которые вытягиваете у магов?

— В амулете, — прошептал он, с трудом моргая. Я понял, что он уже на грани обморока, поэтому еще немного ослабил паутину. Воронов вздохнул полной грудью, но не мог пошевелить даже пальцем.

— А где находится этот амулет?

— У Палицкого.

Вдруг сверху, из небольшого окошка под потолком, послышались звуки сирены. Едут. Надо было действовать быстро. Воронов тоже услышал, поэтому криво ухмыльнулся.

— Я все равно успею убить тебя, — предупредил я, но ускорился. — Где сам Палицкий?

— В своей резиденции.

— Где резиденция?! — меня начали раздражать его односложные ответы.

— В Екатерининском дворце.

Отлично! Это совсем рядом. Я воодушевился, но раздражающий звук сирен сильно напрягал.

— Кто вам помогал?

— Никто.

— Врешь!

Паутина резко сжала его, переломав несколько ребер. Воронов сипло выдохнул и еле слышно сказал:

— Все скажу.

— Кто? — повторил вопрос. Я бы успел уйти до прихода магов, но наверху была Оксана, которую я не мог оставить здесь, поэтому схватил его за грудки и встряхнул. — ГОВОРИ!!!

— Де...Демьян Сорокин.

Пальцы разжались сами собой. Воронов упал обратно на каменный пол и, ударившись головой, потерял сознание. Перед моими глазами снова возникла дорога в Рязань, Отшельник и его слова: «Демьян применил... «венецианский клинок».

— Убийца отца? Не может быть...

Больше книг на сайте - Knigoed.net